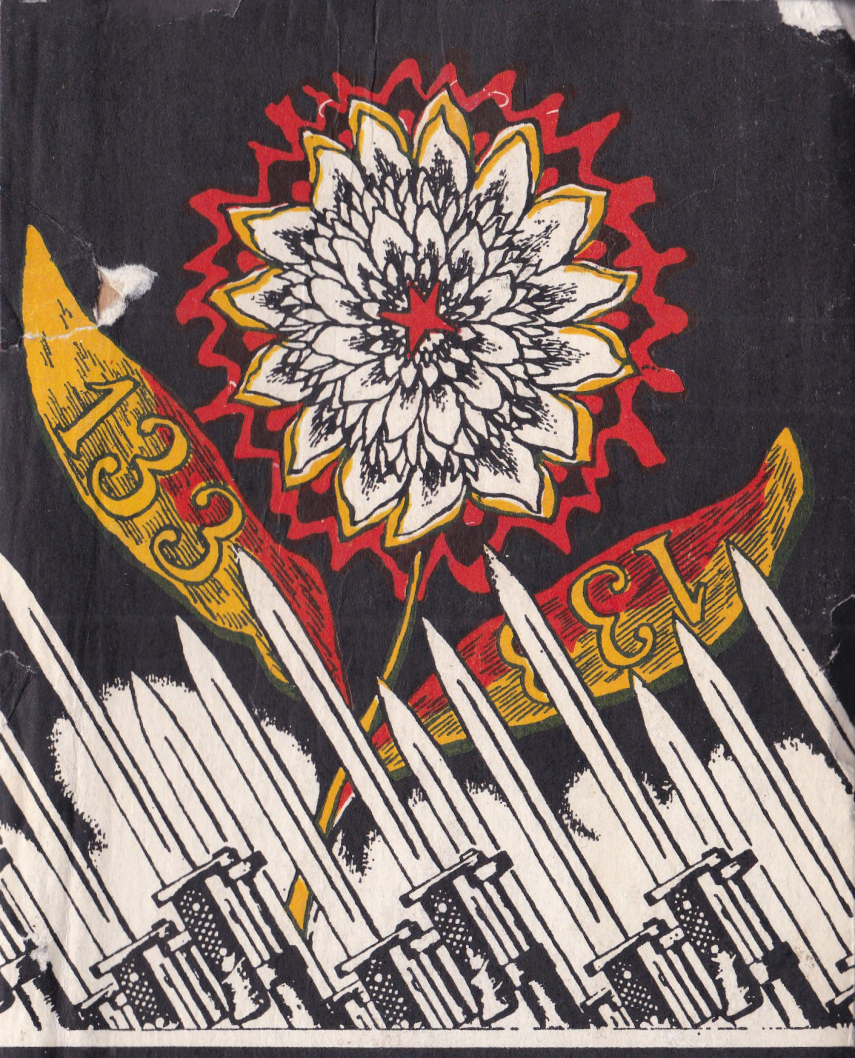


ЭРВИН ЛИПТАИ

КРАСНОАРМЕЙЦЫ, ВПЕРЕД!

ЭРВИН ЛИПТАИ

КРАСНОАРМЕЙЦЫ, ВПЕРЕД!

**БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ
ВЕНГЕРСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ В 1919 ГОДУ**

*СОКРАЩЕННЫЙ ПЕРЕВОД
С ВЕНГЕРСКОГО И ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
В. ФОМИНА*

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1986

ББК 68.49
Л61

LIPTAI ERVIN

VÖRÖSKATONÁK, ELŐRE!

A MAGYAR VÖRÖS HADSEREG HARCAI 1919

Zrínyi Katonai Kiadó
Budapest

Л 4703000000-181 / 068(02)-86 90-86

© Перевод на русский язык
Воениздат, 1986

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ВЕНГРИЯ

Вместо предисловия

Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом изменила ход развития человеческого общества. Она показала всему миру силу солидарности рабочего класса и его партий в борьбе за освобождение от оков капитализма. Идеи Великого Октября нашли горячую поддержку среди миллионных масс трудящихся. Многие из них в дни смертельной для пролетарской революции опасности вместе с русскими братьями выступили па защиту ее завоеваний. По призыву своих коммунистических партий, по долгу классовой совести они вступили в ряды Рабоче-Крестьянской Красной Армии, чтобы с оружием в руках сражаться против общего врага. «Наша революция, — указывал В. И. Ленин, — выступила как революция всеобщая, и мы будем решать наши задачи с помощью рабочих и крестьян всех стран» [1].

Среди тех, кто доблестно защищал Советскую власть на полях гражданской войны в России, достойное место занимают венгерские бойцы-интернационалисты. Десятки тысяч лучших сынов венгерского народа пришли на помощь русским братьям, чтобы в совместной борьбе против врагов революции отстоять ее завоевания. Сражаясь за Советскую Россию, многие из них сложили головы. Но пролили они свою кровь не напрасно. Семена, посеянные русской революцией, по образному выражению В. И. Ленина, взошли в Венгрии — первой после России стране, в которой также победил пролетариат. «Детищем Октября» называл Венгерскую советскую республику вождь мирового пролетариата.

Советских и венгерских историков всегда волновали и будут волновать события того героического времени, когда нашим народам пришлось в неимоверно тяжелых условиях отстаивать свои революционные завоевания.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 73.

В вооруженной схватке с силами международной и внутренней реакции они продемонстрировали всему миру, что нет более самоотверженных защитников Отечества, чем трудовой народ, взявший власть в свои руки.

Раскрытию этой темы и посвящена книга известного венгерского военного историка генерал-майора Э. Липтаи «Красноармейцы, вперед!». В Венгрии книга уже выдержала два издания. Советскому читателю предлагается ее сокращенный вариант. В книге рассказывается о создании в 1919 г. венгерской Красной армии и ее боевых действиях в защиту социалистического Отечества. Тесно увязывая военный аспект исследования с изложением политических событий внутри страны и за рубежом, автор, на основе обширного документального материала, показывает деятельность революционного правительства по организации вооруженной защиты Венгерской советской республики. Входившие в тот период в состав правительства венгерские коммунисты, считая главной своей задачей защиту диктатуры пролетариата, черпали многое из военного опыта молодой Советской России.

На общность исторических судеб русского и венгерского народов указывал в свое время В. И. Ленин. Накануне первой мировой войны, внимательно проанализировав статистические выкладки по Венгрии, он пришел к выводу, что страна эта «всего ближе к России не только географически, но и по всесилию помещиков-реакционеров, сохранивших от средневековья гигантские количества земли» [1]. Как и в России, к старым противоречиям, раздиравшим страну, по мере перерастания капитализма в свою последнюю фазу — империализм, характеризующийся усилением власти монополий и финансовых олигархий, прибавлялись новые конфликты.

Мировая война еще больше углубила противоречия венгерского общества. Гибель сотен тысяч людей, быстро растущая нищета, резкое падение уровня промышленного и сельскохозяйственного производства заставили венгерских трудящихся посмотреть на окружающую их действительность другими глазами. Экономическая и политическая борьба венгерского пролетариата после временного спада в начале войны получила новый импульс, и росту этой борьбы не могли уже помешать ни драконов-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 378.

ские меры, предпринимаемые властями, ни беспардонная ложь и всяческие манипуляции правых лидеров рабочего движения.

Ответы на волнующие их проблемы венгерские трудящиеся искали в опыте Великой Октябрьской социалистической революции. Среди них самым популярным стал лозунг «Последуем примеру русского пролетариата».

В то же время крепла солидарность трудящихся многонациональной Австро-Венгрии с народами Советской России. Мощным движением протеста встретили они известие о том, что на переговорах в Брест-Литовске молодому Советскому государству были предъявлены грабительские требования. По стране прокатилась мощная волна забастовок, которые нередко заканчивались вооружёнными столкновениями с силами монархии.

К 1918 г. стало очевидно, что Австро-Венгрия и ее союзники войну проиграли. Между тем правящие круги Германии и Австро-Венгрии, несмотря на огромные людские и материальные потери, не хотели прекращать военных действий.

На фронте и в тылу росло недовольство преступной политикой правящих кругов, ширились ряды борцов за прекращение кровопролитной войны и заключение справедливого мира. 1 февраля 1918 г. на военно-морской базе Котор (Каттаро) вспыхнуло восстание военных моряков австро-венгерского флота, охватившее свыше 40 кораблей. В восстании приняли участие и рабочие военно-морской базы. На мятежных кораблях были подняты красные флаги. Восставшие выдвинули требования: немедленно заключить всеобщий мир без аннексий и контрибуций на основе предложений правительства Советской России, признать право всех наций на самоопределение, создать демократические правительства в Австрии и Венгрии.

Начав для видимости переговоры с восставшими, командование австро-венгерского флота обратилось к командованию сухопутных войск с просьбой направить войска к базе. По тайной договоренности с кайзеровской Германией немецкие подводные лодки блокировали Которский залив, и 3 февраля монархии удалось подавить восстание. Около 800 матросов были отданы под суд военного трибунала, а руководители восстания расстреляны. В карательных акциях «отличился» капитан 1 ранга Миклош Хорти, будущий палач венгерского народа, которому австрийский двор пожаловал чин контр-адмирала,

а затем и пост главнокомандующего австро-венгерским флотом.

После заключения Брест-Литовского мира многие части австро-венгерской армии, находившиеся на захваченной территории Советской России, были переброшены на другие фронты. Но большинство солдат под влиянием большевистской пропаганды превратились в противников продолжения бессмысленной, жестокой и антинародной империалистической войны. В мае 1918 г. в ряде запасных частей начались революционные выступления. Наиболее значительным было выступление запасного батальона в городе Печ, укомплектованного в основном бывшими военнопленными, вернувшимися из России. К восставшим солдатам присоединились шахтеры. Властям удалось подавить их выступление лишь с привлечением крупных сил армии и полиции.

В июне в Будапеште вспыхнула всеобщая забастовка. На машиностроительном заводе акционерного общества МАВАГ полиция открыла огонь по рабочим: четверо было убито, более 20 человек — ранено. В знак протеста в столице и провинции более полумиллиона рабочих забастовали. Рост революционного движения в стране, поражение союзных с ней держав в мировой войне положили начало распаду лоскутной Австро-Венгерской монархии.

25 октября 1918 г. в Будапеште из представителей социал-демократической партии и двух буржуазных оппозиционных партий был создан Национальный совет. Поскольку руководители Национального совета боялись революции и не желали ничего предпринимать в целях ее скорейшего свершения, инициативу взяли в свои руки левые социал-демократы и революционные социалисты. Приступая к подготовке вооруженного восстания, они старались как можно шире использовать опыт революционных битв в России. Была установлена связь с уполномоченными рабочих крупнейших заводов Будапешта, разработан план всеобщей забастовки и вооруженного восстания с захватом стратегически важных пунктов столицы. В подготовке восстания активную роль сыграл Будапештский совет, в который кроме солдат входили антивоенно настроенные и одобрявшие программу Национального совета кадровые офицеры и резервисты. Совет установил связь с частями гарнизона. Однако революционные события в Будапеште развернулись гораздо быстрее, чем можно было предположить.

30 октября командование Будапештского гарнизона, желая поскорее избавиться от революционно настроенных солдат одной из частей, приказало погрузить их в эшелоны и отправить на фронт. Демонстранты, собравшиеся на улицах Будапешта, узнав об этом, прорвались на Восточный вокзал, где шла погрузка, и помешали отправке части на фронт. Они захватили обнаруженное в вагонах оружие и боеприпасы. К ним присоединились левые социал-демократы и революционные социалисты, придав действиям народных масс организованный характер. Правительство оказалось бессильным подавить выступление трудящихся. Более того, войска начали переходить на сторону восставших. Старый режим в Венгрии был низвергнут. К власти пришло правительство Михая Каройи, сформированное из представителей партии, входивших в Национальный совет.

После победы вооруженного восстания в Будапеште ураган революции пронесся по всей Венгрии. Гнев народных масс со стихийной силой обрушился на наиболее ненавистных представителей старого режима. Возвратившиеся на родину солдаты всячески старались сохранить при себе оружие, с помощью которого они часто нападали на жандармов и разгоняли их. Около трети представителей государственной администрации на местах бежали, страшась возмездия за совершенные ранее преступления против народа.

Революция, произошедшая в октябре 1918 г. в Венгрии, как и Февральская революция 1917 г. в России, была по своему характеру буржуазно-демократической. Но поскольку свершилась она после победы социалистической революции в России, то под влиянием идей последней оказалась более радикальной по формам осуществления социальных преобразований. В частности, были предприняты попытки национализировать крупные промышленные и сельскохозяйственные предприятия, ликвидировать институты феодально-буржуазного государства: армию, полицию, жандармерию. Революция провозгласила свободу печати, собраний и союзов. Трудящиеся впервые получили возможность участвовать в политической жизни страны. По требованию народных масс 16 ноября 1918 г. правительство объявило об упразднении королевской власти и объявило Венгрию республикой.

Сложившаяся после октября 1918 г. обстановка в стране, характеризовавшаяся обострением внутренних

противоречий, требовала не останавливаться на достигнутом. Среди трудящихся крепла уверенность, что для решения насущных проблем нужно идти путем, который выбрал рабочий класс России, — от революции буржуазно-демократической к революции социалистической. Эти убеждения разделяла и группа венгерских коммунистов во главе с Белой Куном, вернувшихся из Советской России во второй половине ноября 1918 г. Бела Кун и его соратники стали инициаторами создания 24 ноября 1918 г. Коммунистической партии Венгрии (КПВ). В ее состав вошли также левые социал-демократы и революционные социалисты, убедившиеся в необходимости порвать с реформизмом и создать такую партию, которая возглавила бы борьбу трудящихся за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Развернув активную агитационно-пропагандистскую работу в массах, КПВ старалась доказать трудящимся, что задачи, не решенные революцией 31 октября, могут быть осуществлены только в результате установления диктатуры пролетариата в стране. Лучшими агитаторами компартии стали бывшие военнопленные, вернувшиеся из Советской России, а также рабочие из числа левых социал-демократов, которые долгое время находились в оппозиции к реформистскому руководству социал-демократической партии.

Агитационно-пропагандистскую работу компартия умело сочетала с организационной, благодаря чему в Будапеште вскоре было образовано множество партийных ячеек. Коммунистические фракции действовали и в профсоюзах, и в рабочих Советах. Быстро создавались организации КПВ в ряде других городов и на периферийных промышленных предприятиях. 30 декабря 1918 г. Союз рабочей молодежи заявил о своем разрыве с социал-демократической партией и желании стать верным помощником КПВ.

Активную деятельность развернули венгерские коммунисты в армии, в созданной после революции 31 октября специальной организации по охране внутреннего порядка, состоявшей главным образом из рабочих, в союзе демобилизованных солдат и инвалидов войны. Для них компартия с января 1919 г. наладила выпуск газеты «Вёрёш катона» («Красный солдат»). Благодаря проводимой газетой агитации и пропаганде все больше солдат становились горячими сторонниками социалистической революции. В декабре 1918 г. революционно настроенные сол-

даты и офицеры организовали демонстрации на улицах Будапешта. Они выдвигали требования отобрать у капиталистов заводы и провозглашали лозунги в поддержку мировой революции. На околышах их фуражек появились надписи: «Революционная Красная Гвардия», «Красная Гвардия Будапешта».

Причина столь важных успехов венгерских коммунистов заключалась в том, что, опираясь на идеи марксизма-ленинизма и опыт Великой Октябрьской социалистической революции в России, они быстро и правильно определили проблемы, стоявшие перед обществом, и показали пути их скорейшего решения.

Буржуазно-демократическое правительство Венгрии самым решительным образом отклоняло предложения трудящихся экспроприировать капиталистическую собственность. Однако коммунисты настойчиво разоблачали его антинародную политику, саботаж фабрикантов и заводчиков, доказывали, что интересы рабочего класса могут быть обеспечены лишь введением строгого контроля на производстве, а затем передачей фабрик и заводов в общественную собственность. Они требовали от правительства Каройи немедленной экспроприации крупных земельных наделов и передачи земли без выкупа тем, кто ее обрабатывает. Когда же правительство попыталось ограничить деятельность Советов рабочих и солдатских депутатов, КПВ выдвинула лозунг «Вся власть Советам рабочих, солдат и безземельных крестьян!».

Коммунистическая партия Венгрии становилась единственной реальной силой, способной возглавить борьбу трудящихся за коренные преобразования в стране. Она окончательно взяла инициативу в свои руки и оказывала постоянное влияние на развитие революционных событий в стране.

Чтобы нейтрализовать и дискредитировать КПВ, правительство и правое руководство СДП спровоцировали кровавое столкновение у здания редакции газеты «Непсава», обвинив коммунистов в том, что они намеревались захватить власть насильственным путем. Началась повсеместная травля членов Коммунистической партии. Ее руководство в ночь на 21 февраля было арестовано и отправлено в пересыльную тюрьму. Охранка зверски избила многих руководителей КПВ, в том числе Белу Куна. В тот же день правые вывели на улицы Будапешта своих сторонников, чтобы спровоцировать в массах антикоммунистические и погромные настроения. Врагам со-

циалистической революции казалось, что, обезглавив Коммунистическую партию Венгрии, они надолго, если не навсегда, покончат с революционным движением в стране.

Однако они жестоко просчитались. Компартия не была обезглавлена, поскольку на случай ареста руководства была предусмотрена его замена тщательно законспирированным вторым и третьим составом. Не умолк и голос центрального печатного органа компартии газеты «Вёрёш уйшаг» («Красная газета»), типография которой была разгромлена в Будапеште. Ее выпуск был налажен на базе типографии в городе Надьварад (Орадя). И уже вскоре на страницах «Вёрёш уйшаг» появились сообщения о том, что рабочий класс Венгрии протестует против грубого насилия над руководителями компартии и требует их немедленного освобождения. На многочисленных собраниях и митингах трудящиеся клеймили руководство социал-демократической партии Венгрии за предательство интересов революции. Бурные события развернулись и в деревне, где крестьяне под влиянием коммунистов выступали за немедленный раздел помещичьих земель.

На сторону революции перешла и армия. Большую роль в этом сыграли своевременно образованные в армейских частях солдатские коммунистические группы. В Будапештском гарнизоне, например, к середине марта большинство солдат были готовы пойти на решающий бой во имя победы диктатуры пролетариата. Контрреволюция такими силами не располагала. Многотысячной армии солдат и вооруженных рабочих начальник будапештской полиции мог противопоставить лишь 700 полицейских.

20 марта 1919 г. Антанта нанесла тяжелый удар по коалиционному правительству Каройи, предъявив ему через главу французской миссии полковника Викса ультиматум об отводе венгерских войск за новую демаркационную линию. Предприняв этот шаг, правительства западных стран, ратовавшие за «демократию», разоблачили сами себя, показав всему миру свое истинное лицо — лицо империализма. Победители ликовали, а трудовой народ Венгрии должен был расплачиваться за проигранную войну.

Правительство отклонило ультиматум, однако оказывать сопротивление Антанте не захотело и, опасаясь вооруженного восстания пролетариата, вышло в отставку,

передав власть социал-демократам. Но лидеры социал-демократии все же не решились взять власть без коммунистов, прекрасно понимая, что без их огромного влияния на массы им никак не обойтись. Было принято решение предложить коммунистам объединиться с социал-демократами. С этим предложением утром 21 марта в пересыльную тюрьму, где содержались руководители КПВ, прибыл один из левых лидеров СДП — Ене Ландлер. После продолжительного совещания была достигнута договоренность об объединении двух рабочих партий в Социалистическую партию Венгрии на политической платформе, предложенной коммунистами, и установлении в стране диктатуры пролетариата.

Таковы основные события, предшествовавшие провозглашению в Венгрии Венгерской советской республики. С этого момента и начинается повествование в книге Э. Липтаи, предлагаемой вниманию читателей в русском переводе. Даже их краткое перечисление красноречиво свидетельствует о высоком революционном настрое трудящихся Венгрии, что привело к созданию в Центральной Европе первого государства рабочих и крестьян. Его возникновение трудящиеся всего мира, как указывает автор, «рассматривали не только как крупный успех рабочего класса одной страны — Венгрии, но и как большую победу угнетенных и эксплуатируемых трудящихся всего мира».

Но если трудовой народ земного шара воспринял эту весть с радостью, то международный империализм встретил ее со страхом и ненавистью. Поэтому 133 дня существования Венгерской советской республики отмечены непрекращающейся героической борьбой трудящихся за право жить в обществе, свободном от эксплуатации.

Не прошло и месяца, как республика подверглась нападению со стороны проимпериалистически настроенной королевской Румынии. За столь короткое время правительство революционной Венгрии не сумело подготовиться к решительному отпору врагу. Отрицательную роль в этом сыграли не только определенная успокоенность правительства республики, которое считало, что международная обстановка не позволит империалистам осуществить нападение на Венгерскую советскую республику в ближайшее время, но и разногласия, возникшие у коммунистов и социал-демократов по вопросу комплектования армии. Последние, придерживаясь не оправдавшей себя по опыту Советской России практики

добровольного набора в армию, сорвали тем самым процесс ее создания и подготовки к вооруженному отпору интервентам.

Автор книги убедительно показывает, что только массовый призыв в ряды венгерской Красной армии, к которому перешли уже в Советской России, позволил бы своевременно сформировать многочисленную боеспособную армию. В труде подвергаются критике и ряд других положений Декрета о Красной армии, изданного Революционным правительственным советом. Однако это не умаляет значения декрета в целом. Разработанный при активном участии коммунистов, он содержал такие важнейшие положения ленинского учения о строительстве армии нового типа, как классовый подход при ее формировании, руководящая роль партии, соблюдение революционной дисциплины, интернациональный характер решаемых ею целей и задач. «Декрет о создании Красной армии — важная веха в истории венгерских вооруженных сил, — отмечает автор в своей монографии. — С его подписанием начался новый этап в венгерской военной истории. Впервые создавалась армия, которая не служила больше интересам эксплуататорских слоев населения, а защищала отечество освобожденных трудящихся, боролась за окончательную ликвидацию системы эксплуатации».

В критические дни мая 1919 г. этот декрет дал коммунистам и поддержавшим их левым социал-демократам возможность создать многотысячную армию, ядро которой составили части и подразделения, укомплектованные целиком из представителей рабочего класса. Идея создания пролетарского ядра была взята из практики организации вооруженной защиты революции в Советской России.

Особо подчеркивая роль рабочего класса в защите социалистического Отечества, Э. Липтаи приводит немало примеров героизма, проявленного его представителями в борьбе против интервентов и внутренней контрреволюции. «В боях 1919 года венгерский рабочий класс доказал, что он является не только признанным вождем передовых сил венгерского общества, но и самым последовательным защитником национальной независимости венгерского народа...» — не без основания делает он вывод.

О стремлении венгерских коммунистов создать армию по образу и подобию Рабоче-Крестьянской Красной Ар-

мии Советской России, использовать ее опыт свидетельствует и приведенное в книге Обращение народного комиссариата по военным делам к вернувшимся из России венгерским бойцам-интернационалистам. В листовке, которая призывала их вступать в ряды венгерской Красной армии, подчеркивалось значение приобретенного ими опыта вооруженной борьбы с интервентами и белогвардейцами на полях гражданской войны в Советской России.

Интернациональные цели и задачи венгерской Красной армии, так же как и в революционной России, привлекли в ее ряды граждан иностранных государств, в первую очередь тех, кто волею военных судеб оказался за рубежом своей родины. Широко используя опыт РКП(б), венгерские коммунисты сразу же приступили к формированию из добровольцев интернациональных частей и подразделений. Несмотря на встретившиеся при комплектовании частей личным составом определенные трудности (к этому времени почти полностью закончилась репатриация русских военнопленных на родину), в начале апреля был сформирован первый интернациональный полк. По заявлению заместителя наркома по военным делам коммуниста Тибора Самуэли, полк этот был единственной армейской частью, оснащенной всем необходимым. В состав полка вошли русский батальон и два батальона австрийских добровольцев, прибывших в Венгрию вскоре после установления в ней диктатуры пролетариата.

В книге особо отмечается активность находившихся в Венгрии русских военнопленных. Большую работу среди них проводили члены будапештской группы РКП(б) во главе с Владимиром Богдановичем Юстусом, профессиональным революционером, который после первой русской революции, спасаясь от преследований царской охранки, вынужден был покинуть Россию. Откликаясь на призывы правительств Советской России и советской Венгрии, как отмечает автор, русские военнопленные с большой охотой вступали в ряды венгерской Красной армии, чтобы под ее знаменами защищать Венгерскую советскую республику. Вскоре был создан еще один интернациональный полк, в состав которого вошли русские, австрийцы, румыны, словаки, поляки, сербы и другие.

Руководители советской Венгрии придавали большое значение интернациональной помощи и поддержке, ибо понимали, что, только объединив усилия, можно высто-

ять в борьбе против международного империализма. В переданном 22 марта 1919 г. обращении говорилось, что венгерский пролетариат «будет вести борьбу против империализма совместно с Российской Советской Республикой и всеми теми пролетариями, которые пришли к убеждению, что нет никакого другого пути для победы над силами международного империализма и для осуществления социализма, чем совместная борьба всех рабочих и крестьян» [1].

Специальный раздел книги отведен рассказу о помощи, которую оказывала революционной Венгрии Советская Россия. Приводится предложенный 11 мая 1919 г. начальником генерального штаба венгерской Красной армии Аурелем Штромфельдом план прорыва Красной Армии со стороны Коломыи на Стрый и Чоп. В докладе Беле Куну он указывал, что в обстановке ожидаемого нападения объединенных сил Антанты это должно облегчить положение венгерских войск на румынском фронте. Просьба Штромфельда была передана в Москву.

Отмечая, что инициатива установления непосредственного взаимодействия двух братских армий с венгерской стороны была проявлена не впервые, автор приводит заявление Белы Куна, сделанное им на заседании Революционного правительственного совета за месяц до предложения Штромфельда. Тогда для создания единого фронта Советской России и советской Венгрии Бела Кун предложил Красной Армии совершить прорыв под Маромарошем, исходя из того, что здесь она встретила бы наименьшее сопротивление. «Однако, — указывает автор, — каким бы реальным ни казался этот план, события, развернувшиеся позднее, к сожалению, не позволили осуществить его». В этой связи Э. Липтаи тщательно анализирует меры, предпринятые империалистами, чтобы не допустить объединения военных усилий двух братских республик.

Для полноты картины необходимо добавить, что мысль о создании единого фронта волновала Главное командование Рабоче-Крестьянской Красной Армии Советской России с первых дней провозглашения диктатуры пролетариата в Венгрии.

23 марта 1919 г. Главком Вацетис в докладной записке В. И. Ленину изложил наметки плана создания

[1] 1919 год в Венгрии. Сборник материалов к 40-летию Венгерской советской республики. М., 1959, с. 57.

общего фронта двух братских армий. В ней предлагалось:

«1. Установить общий фронт между Венгрией и РСФСР через Буковину.

2. Двинуть из Буковины венгерские советские войска в тыл петлюровским войскам, наступающим из Галиции на Киев» [1].

Через три дня, 26 марта, Главком Вацетис направил эту директиву командующему украинским фронтом В. А. Антонову-Овсеенко. В этом документе ставилась задача окончательно разгромить петлюровцев и, в частности, указывалось, что продвижение Красной Армии «необходимо довести до границ юго-восточной Галиции и Буковины. Последнее необходимо для того, чтобы установить нам непосредственную тесную связь с советскими войсками Венгрии» [2]. На следующий день в приветственной телеграмме венгерским братьям по оружию Главное командование писало: «Красная Армия Советской России шлет привет советским войскам Венгрии и еще большим самоотвержением, удвоив энергию, готова продолжать борьбу за святое дело и всемирного пролетариата рядом с советской Венгрией. Наш лозунг отныне: «Единый фронт, единая командная воля для Красной Рабоче-Крестьянской Армии РСФСР и советских полков советской Венгрии» [3].

Приведенные выше документы ярко показывают твердую решимость Советской России объединить военные усилия в борьбе против общего врага. Главком Вацетис, располагая довольно неполными сведениями о том, что происходило в тот момент в Венгрии, разумеется, не мог предугадать развитие событий — нападение на нее войск королевской Румынии и буржуазной Чехословакии. Эти события внесли значительные коррективы в первоначальный план создания общего фронта армий Советской России и советской Венгрии.

И. А. Штромфельд, предлагая Красной Армии Советской России осуществить прорыв со стороны Коломыи на Стрый и Чоп, не мог предвидеть, что именно в это время Антанта приложит все силы, чтобы изолировать Венгер-

---

[1] Директивы Главного командования Красной Армии (1917—1920). М., 1969, с. 219.

[2] Там же, с. 221.

[3] Венгерские интернационалисты в Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войне. М., 1968, т. 2, с. 48.

скую советскую республику от Советской России... Из Франции в Польшу прибыл экспедиционный корпус генерала Галлера, сформированный из военнопленных польской национальности. В середине мая хорошо вооруженные войска численностью 70 тысяч человек вторглись в пределы Западно-Украинской народной республики (ЗУНР) и заняли железнодорожные линии, по которым осуществлялось транзитное сообщение с советской Венгрией. В конце мая румынские войска перерезали линию Коломыя, Сигет [1].

И все это происходило в то время, когда армия Деникина перешла в решительное наступление против Красной Армии, а в ее тылу поднял мятеж атаман Григорьев, в результате чего подготавливаемое Страной Советов наступление за Днестр сорвалось. Несмотря на отсутствие необходимых сил, части Красной Армии 12 мая форсировали Днестр у села Чобручи, южнее Тирасполя, и начали продвижение вперед, рассчитывая на поддержку повстанческого движения в Бессарабии. Это очень обеспокоило румынское командование, которое вынуждено было «укрепить Бессарабский фронт войсками, в том числе и теми, что сражались против венгерской Красной армии. Во второй половине мая румынский генштаб перебросил с Западного фронта (из Венгрии. — *В. Ф.*) в Бессарабию одно из сильнейших соединений — 7-ю дивизию».

В книге Э. Липтаи приводится немало других примеров, свидетельствующих о том, что даже в самое трудное для нее время Советская Россия оказывала посильную военную помощь Венгерской советской республике. К сожалению, обстановка на фронтах к лету 1919 г. сложилась для Советского государства настолько тяжелая, что Главное командование Красной Армии 26 мая вынуждено было отказаться от наступательных действий в западном направлении со стороны Галиции и Днестра. Об этом был проинформирован находившийся в тот момент в Москве Тибор Самуэли. Вернувшись на родину, он доложил о военном положении Советской России Беле Куну, который позднее в своих воспоминаниях отмечал, что в то время оно было еще более тяжелым, чем положение Венгрии.

---

[1] См.: Иожа А., Милеи Д. Венгерские интернационалисты в борьбе за победу Октября. М., 1977, с. 266.

Все эти факты помогают автору раскрыть главную тему — рассказать о создании венгерской Красной армии в 1919 г. и ее боевых действиях против интервентов. И в этой связи прежде всего хотелось бы отметить стремление историка с предельной правдивостью показать события тех дней. Воссоздать историческую правду ему помогает богатейший документальный материал, которым Э. Липтаи умело пользуется. С помощью этого материала он день за днем, а иногда даже час за часом прослеживает боевые действия не только соединений и частей, но и отдельных подразделений венгерской Красной армии.

Бережное отношение автора к историческим документам вовсе не означает, что он, как историк, лишь излагает события в хронологической последовательности. Напротив, он старается глубоко осмыслить описываемые события и факты и дать их марксистско-ленинское истолкование. В разделе «Противоречия в наркомате по военным делам» Э. Липтаи правильно показывает суть расхождений в вопросах создания Красной армии между наркомом Й. Поганем, в прошлом левым социал-демократом, и его заместителями Т. Самуэли и Б. Санто, коммунистами. При анализе этих разногласий автор принимает сторону последних, поскольку они ратовали за использование военного опыта Советской России. Однако, признавая правоту Т. Самуэли в споре с Й. Поганем, автор отмечает, что в их конфликте присутствовали и «личные мотивы».

Всесторонний анализ позволил автору объективно оценить деятельность военного ведомства в период венгерской революции 1919 г., определить степень серьезности проблем, которые оно решало. Но, сколь бы серьезны ни были проблемы, возникавшие при становлении молодого пролетарского государства, а главное, при организации его вооруженной защиты, не они явились причинами гибели Венгерской советской республики, а агрессивные действия международного империализма, окружившего плотным кольцом советскую Венгрию и превратившего демаркационную линию в линию фронта.

Э. Липтаи подробно разбирает действия главного командования венгерской Красной армии по отражению империалистической агрессии. Справедливо оправдывая неожиданную переброску с Северного фронта одного корпуса в район Кечкемета и временную приостановку наступления против войск буржуазной Чехословакии, он тем самым опровергает мнение, будто указанный маневр

был предпринят вследствие происков вражеской разведки и потому являлся ошибочным. Используя фактический материал, автор доказывает обоснованность мер, принятых командованием венгерской Красной армии, и считает, что именно благодаря им французские империалисты были вынуждены воздержаться от нанесения удара по Будапешту с юга.

В целом Э. Липтаи в своей работе сделал значительный шаг вперед в изучении одной из героических страниц истории венгерского народа, хотя она не раскрыта им столь полно, как в вышедшей ранее монографии «Бои венгерской Красной армии». Многие вопросы, поставленные автором, требуют дальнейшего решения и уточнения. Например, объясняя причины, по которым войска Антанты не могли осуществить нападение на советскую Венгрию объединенными силами, он слишком большое значение придает межимпериалистическим противоречиям. Разумеется, противоречия эти существовали и их необходимо учитывать. Но в данном случае империалистов больше, чем распределение сфер влияния, беспокоило образование пролетарского государства в центре Европы. Страх перед дальнейшим распространением революции заставлял их действовать быстро и агрессивно, однако от ввода своих войск на территорию Венгрии они вынуждены были воздержаться, так как опасались проникновения в них большевистских идей. Горький опыт по этой части у империалистов уже имелся. Так, весной 1919 г. французское командование вывело свои войска с юга России, потому что они оказались распропагандированными большевиками. Называя эту победу над интервентами «самой главной», В. И. Ленин отмечал: «Путем агитации и пропаганды мы отняли у Антанты ее собственные войска» [1].

Тяжелое морально-политическое поражение, которое войска Антанты потерпели в Советской России, не позволило империалистам сразу же наброситься на Венгерскую советскую республику и растерзать ее. Нападение на молодое пролетарское государство они предприняли несколько позднее, использовав для этого чехословацких и румынских националистов, а также подразделения сенегальцев. Так закончилась неравная, героическая борьба венгерского пролетариата с интервентами, которая оставила неизгладимый след в истории международного рабочего движения.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 40, с. 125.

Таким образом, военно-политическая обстановка, сложившаяся на международной арене после свершения Великой Октябрьской социалистической революции, не только благоприятствовала победе революции в Венгрии и образованию Венгерской советской республики, но и позволила организовать ее вооруженную защиту. О борьбе венгерских трудящихся с интервентами, о советско-венгерской боевой дружбе, родившейся в огне этой борьбы, и рассказывает книга венгерского историка Э. Липтаи.

Замечательные традиции нашей дружбы все больше развиваются и углубляются. Советский Союз и Венгерская Народная Республика в дружной семье социалистических стран успешно строят новое общество.

В. ФОМИН,
кандидат исторических наук

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

21 марта 1919 года родилось детище Великой Октябрьской социалистической революции — Венгерская советская республика.

С созданием Венгерской советской республики впервые в истории Венгрии власть перешла к трудящимся. В руках народа оказались по праву принадлежавшие ему фабрики, земля и культурные ценности, которые он на протяжении многих веков защищал от различных иностранных завоевателей, обильно поливая родную землю своей кровью. Провозглашением республики был положен конец игу помещиков и капиталистов: венгерские трудящиеся освободились от многовекового гнета эксплуататорских классов. Венгерский народ с огромным подъемом приступил к перестройке экономической, политической и культурной жизни Венгрии, закладывая основы счастливого социалистического будущего своей родины.

Победу венгерского рабочего класса с радостью восприняли сознательные трудящиеся всего мира. Рождение Венгерской советской республики они рассматривали не только как крупный успех рабочего класса одной страны — Венгрии, но и как большую победу угнетенных и эксплуатируемых трудящихся всего мира.

За рубежом весть об установлении диктатуры пролетариата в Венгрии особенно горячо встретили трудящиеся молодого Советского государства. В это время оно вело самоотверженную борьбу за свое существование, находясь в смертельном кольце белогвардейской контрреволюции и армий империалистических государств, стремившихся уничтожить Советскую власть. Рождение Венгерской советской республики, появление в Европе первого союзника Страны Советов укрепили веру трудящихся России в конечную победу, в продвижение социалистической революции дальше на запад.

«...Мы видим также, что семя, посеянное русской революцией, всходит в Европе. Это создает в нас абсолютную, непреклонную уверенность, что, как бы тяжелы ни

были испытания, которые могут на нас еще обрушиться, как бы велики ни были беды, которые может еще принести нам издыхающий зверь международного империализма, — этот зверь погибнет и социализм победит во всем мире» [1], — сказал В. И. Ленин в заключительной речи на VIII съезде РКП(б) по поводу создания Венгерской советской республики.

Победа социалистической революции в Венгрии нашла живой отклик солидарности и в рабочем движении капиталистических государств. Наиболее сознательные представители австрийского, немецкого, словацкого, чешского, румынского, югославского, французского, итальянского рабочего класса, да и ряда других стран, выражая свое сочувствие венгерскому рабочему классу, смело выступали против собственных правительств, которые развили бешеную деятельность, направленную на подрыв и уничтожение диктатуры пролетариата в Венгрии. «Победа венгерского пролетариата обращена ко всему миру эксплуатируемых рабов... Столь смелый шаг венгерских пролетариев одновременно укрепляет уверенность угнетенных масс в собственные силы, поднимает их боевой дух и волю», — писала Клара Цеткин.

Насколько радостно приветствовали венгерские трудящиеся и трудящиеся других национальностей рождение Венгерской советской республики, настолько с ненавистью и злобой встретила мировая буржуазия весть о победе всемирно-исторического значения, которую одержали венгерские рабочие.

Свергнутые господствующие классы Венгрии на какое-то время даже отказались от контрреволюционных выступлений, поскольку огромный революционный подъем трудящихся делал бесперспективной любую их попытку в этом направлении. Однако империалисты стран Антанты с первых же дней возникновения советской республики в Венгрии начали готовиться к свержению власти венгерского рабочего класса.

События в Венгрии довольно болезненно затронули как руководящие круги Франции, Англии и Соединенных Штатов Америки, так и правительства соседних с Венгрией государств: Чехословакии, Румынии и Сербско-Хорватско-Словенского королевства. В политическом отношении рождение Венгерской советской республики толкало правящие круги этих стран на борьбу с пламе-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 215.

нем социалистической революции, вспыхнувшим в самом сердце Европы. Победа пролетарской революции в Венгрии, разоблачая ложь буржуазной пропаганды, свидетельствовала о том, что диктатура пролетариата отнюдь не «специфически русское» явление, а неминуемый способ освобождения рабочего класса, его развития по социалистическому пути. Венгерский пример усилил революционное движение в рядах рабочего класса и вооруженных сил многих европейских государств.

Возникновение венгерской советской республики в какой-то степени ослабило тылы империалистических государств, продолжавших антисоветскую интервенцию и стремившихся к расширению вооруженного вмешательства в дела молодого Советского государства. Империалисты все яснее начинали понимать, что осуществление их антисоветских, агрессивных планов наталкивается на волну сопротивления трудящихся своих стран.

Рождение Венгерской советской республики чувствительно затронуло империалистический лагерь и в военном отношении. Весной 1919 года против Страны Советов выступил целый ряд империалистических государств Запада с реакционными правительствами. Они приступили к созданию так называемого санитарного кордона, целью которого была изоляция Советской России, установление надежного барьера против проникновения идей пролетарской революции в другие страны. Империалисты хотели, чтобы и буржуазная Венгрия сыграла роль одного из звеньев такого санитарного барьера, включилась в интервенцию против Страны Советов.

В марте 1919 года их стремление к расширению антисоветской агрессии заметно возросло. Империалисты Антанты приступили в буржуазной Чехословакии к вербовке добровольцев для войны против Советской России. Наращивала свои вооруженные силы на территории Бессарабии и Буковины и королевская Румыния. На Балканах для интервенции против молодой Советской Республики — России готовилась мощная армия под командованием французского генерала Франше д'Эспери. К середине марта решение организационных вопросов в этом отношении настолько быстро продвинулось вперед, что вскоре намечалось выдвижение соединений и частей этой армии на рубеж наступательных действий.

Победа диктатуры пролетариата в Венгрии заставила империалистов всерьез задуматься над тем, что в тылу государств, готовящихся к антисоветской интервенции,

может появиться новая Красная армия — союзница Рабоче-Крестьянской Красной Армии Советской России. Империалистам стало ясно, что советская Венгрия решительно выступит с оружием в руках против все новых и новых территориальных притязаний чехословацкой и румынской буржуазии, поддерживаемой Антантой. Все это вынудило Чехословакию и Румынию бросить значительную часть своих вооруженных сил против Венгерской советской республики. Были перенесены сроки переброски на фронт против Советской России Балканской армии Антанты, которая придержала свои войска для нападения на Венгерскую советскую республику.

СОЗДАНИЕ ВЕНГЕРСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ

С рождением диктатуры пролетариата изменилось и отношение рабочего класса Венгрии к войне и армии.

С момента ликвидации государства, основанного на эксплуатации трудящихся, с приходом к власти рабочего класса новое содержание получили такие понятия, как «отечество», «защита отечества» и «революционная война».

«Мы выступали против войны до тех пор, пока армия была классовой армией буржуазии, но мы создали Красную армию в тот момент, когда пролетариату понадобилась своя армия.

...Ныне у пролетариата есть отечество в России и Венгрии. С помощью социалистической революции пролетариат сбросил с себя цепи эксплуатации и обрел то, о чем Маркс писал в своем «Коммунистическом Манифесте»: взамен оков он получил весь мир. Этот новый мир, новый общественный строй пролетариат Венгрии завоевал для себя в ходе мартовской революции, он будет защищать их с оружием в руках против любого врага», — говорилось в одной из листовок, выпущенных после провозглашения Венгерской советской республики.

Венгерские коммунисты понимали, что задача рабочего класса, пришедшего к власти, заключается не только в защите и укреплении советской республики, возросли и ответственность перед международным рабочим движением, его интернациональные обязанности. Поскольку было ясно, что правители буржуазных государств не потерпят существования Венгерской советской республики, то жизненно важным вопросом для ее диктатуры пролетариата стало создание своей боеспособной армии.

Руководители пролетарского государства, разумеется, ясно понимали, что они не могли создать, оснастить и обеспечить такую мощную армию, которая могла бы защитить страну даже в том случае, если враги нападут на нее одновременно со всех сторон. «...Когда мы устанавливали диктатуру пролетариата в Венгрии, наши расчеты строились не на том, что мы окажемся способными военной силой в обычной войне одолеть войска Антанты. Мы не думали, что сможем шестью дивизиями, которые разрешено держать советской республике по Соглашению о перемирии, остановить наступление, которым нам угрожали со всех сторон. Мы подчеркивали и подчеркиваем, что судьбу Венгерской советской республики мы связывали с мировой пролетарской революцией»[1], — говорил Бела Кун 19 апреля 1919 года на заседании Будапештского центрального Совета рабочих и солдат.

Учитывая все положительные и негативные явления внутреннего и международного положения, руководители Венгерской советской республики, несмотря на многие трудности, считали, что пролетарская власть способна в относительно короткое время создать такую армию, которая выстоит в борьбе как против внутренней, так и против международной контрреволюции.

В марте 1919 года руководству советской Венгрии казалось, что за 3—4 месяца можно создать армию в 200 тысяч человек. Это время, по мнению социалистов, было необходимо для того, чтобы укомплектовать, вооружить, обмундировать и оснастить всем необходимым новую армию. Предполагалось, что после окончания уборочной кампании удастся улучшить и снабжение личного состава продовольствием.

Диктатура пролетариата в Венгрии получила от буржуазной республики довольно неважное наследство в военном отношении. Венгерские вооруженные силы находились в стадии реорганизации. Большинство солдат предстояло демобилизовать, так как старая армия развалилась, а новая еще не была создана. Хотя к середине марта в ней числилось около 60 тысяч солдат, однако в состав новой армии в первую очередь зачисляли тех, кто пришел в нее по добровольному набору, проведенному бывшим военным министром Бемом. В войсках царила большая неразбериха.

---

[1] Кун Бела. Избранное. О Венгерской советской республике. Будапешт, 1980, с. 41.

Руководящий орган по военным делам диктатуры пролетариата — Народный комиссариат по военным делам представлял собой не что иное, как несколько реорганизованное военное министерство бывшего буржуазного правительства Венгрии. Несмотря на то что к руководству комиссариата по военным делам были привлечены верные диктатуре пролетариата офицеры резерва, подавляющее большинство его сотрудников по-прежнему составляли кадровые офицеры старой армии.

В этой обстановке многое зависело от того, кто возглавит этот комиссариат, насколько крепко этот человек сумеет взять его в свои руки, руководить и контролировать сложной работой по созданию новой армии.

После провозглашения советской республики бывшему военному министру Вильмошу Бему поручили руководство комиссариатом социализации. Во главе комиссариата по военным делам встал левый социал-демократ Йожеф Погань. Два его заместителя были из коммунистов: Тибор Самуэли и Бела Санто.

Однако по своим деловым качествам Погань не был подходящей фигурой для руководства комиссариатом по военным делам.

Уже с первых дней создания Красной армии между Поганем и Самуэли возникли острые разногласия. Погань намеревался строить армию на тех же основах, что и Бем, создававший в период буржуазной республики наемную армию. Он считал, что добровольцев в армию в первую очередь нужно набирать через профсоюзы и строить ее, основываясь на положениях указа, изданного еще до провозглашения Венгерской советской республики. Самуэли и Санто выступали за создание армии на совершенно новых основах. Они считали необходимым покончить с системой вербовки добровольцев и предлагали ввести в стране всеобщую воинскую обязанность, с помощью которой появится возможность создать армию необходимой численности за короткое время.

Для решения этого крайне важного с точки зрения советской республики вопроса Революционный правительственный совет 24 марта назначил комиссию из трех человек, в которую вошли: Бела Кун, Вильмош Бем и Якоб Велтнер.

В интересах скорейшего решения организационных вопросов при создании армии и ее высшего руководства Кун предложил создать специальную коллегию из пяти членов. Ими, по его мнению, должны были стать: По-

ган, Самуэли, Санто, Мюнних и Штейнбрюк. Двое последних тоже были коммунистами и уже обладали некоторым военным опытом. Их назначение, безусловно, помогло бы руководству военными делами.

Однако предложение Куна было отклонено. Свою роль в том, что Бела Кун в интересах сохранения единства в руководстве партией не стал настаивать на собственном предложении, сыграли донесения, прибывшие с демаркационной линии. В них говорилось, что сведения о нападении сербско-французских войск не имеют под собой оснований. Несколько дней спустя и сам Кун чересчур оптимистично оценивал военное положение страны.

В споре Поганя со своими заместителями комиссия из трех членов в конце концов поддержала точку зрения Поганя, что отчасти нашло свое отражение и в таком важном документе, как «Декрет о создании Красной армии», изданном 24 марта 1919 года.

В этом декрете Революционного правительственного совета прежде всего подчеркивался пролетарский характер создаваемой армии. «Красная армия, — говорилось в нем, — в первую очередь комплектуется из организованных рабочих и находящихся в настоящее время под ружьем солдат пролетарского происхождения».

Для вступления в армию необходимо было иметь рекомендацию уполномоченного воинской части, секретаря социалистической партии, а также профсоюза Совета рабочих или же комитета деревенской бедноты.

Добровольцев, изъявивших желание служить в армии, Революционный правительственный совет обеспечивал ежемесячным жалованьем в 450 крон. Кроме того, выдавалось дополнительно пособие на семью.

Определяя задачи Красной армии, декрет подчеркивал: «Красная армия — классовая армия пролетариата. Прямая обязанность каждого ее солдата — защита революционных интересов пролетариата против любых внешних и внутренних врагов, борьба за освобождение пролетариата во всем мире».

В декрете говорилось, что высшим направляющим органом для Красной армии является Революционный правительственный совет, а непосредственное руководство ею осуществляет Народный комиссариат по военным делам.

Особую важность Революционный правительственный совет придавал соблюдению строгой революционной дисциплины в армии. «Свою великую роль, которая делает ее орудием революции пролетариата, Красная армия мо-

жет сыграть только в том случае, если она будет пронизана революционной дисциплиной», — говорилось в декрете.

Согласно декрету командиров рот и выше в Красной армии назначал нарком по военным делам. Назначения командиров отделений и взводов происходили выборным путем.

Большое значение Революционный правительственный совет придавал созданию преданного делу рабочего класса военного руководства, командного состава. В декрете подчеркивалось, что «командиры подразделений должны назначаться из пролетарских элементов, имеющих определенный военный опыт». Поскольку на высшие военные должности, требующие военного образования, неминуемо привлекались офицеры старой армии, Революционный правительственный совет указывал на необходимость назначения на эти должности лиц, прошедших соответствующую проверку.

Правительственный совет дал указание комиссариату по военным делам об организации для командиров — выходцев из рядов рабочего класса специальных командных курсов.

По опыту Советской России для руководства политико-воспитательной работой в войсках и контроля за деятельностью офицеров старой армии был создан институт политкомиссаров. Революционный правительственный совет постановил, чтобы Народный комиссариат по военным делам по представлению социалистической партии назначил в каждую часть или отдельное подразделение политкомиссара.

Особого внимания заслуживает пункт декрета, который предписывал создание в Красной армии запасных рабочих батальонов и частей. Их командиры назначались исключительно из рядов рабочего класса. Комплектованием военных рабочих батальонов и полков Революционный правительственный совет стремился обеспечить создание такого политически надежного резерва, который в случае необходимости в самое кратчайшее время мог быть использован как против нападения извне, так и для разгрома сил внутренней контрреволюции.

Декрет о создании Красной армии — важная веха в истории венгерских вооруженных сил. С его подписанием начался новый этап в венгерской военной истории. Впервые создавалась армия, которая не служила больше интересам эксплуататорских слоев населения, а защищала

отечество освобожденных трудящихся, боролась за окончательную ликвидацию системы эксплуатации.

В то же время декрет, вобравший в себя и некоторые взгляды по военным вопросам бывших социал-демократов, стал также источником грубых ошибок, допущенных в отдельных областях строительства Красной армии.

Несмотря на то что в защиту строительства армии на основе добровольного набора были выставлены довольно веские аргументы, все же Революционный правительственный совет поступил ошибочно, выступив против введения в стране всеобщей воинской обязанности.

Как известно, в Советской России еще весной 1918 года перешли к организации массовой регулярной армии на основе всеобщей воинской повинности. Опыт гражданской войны в России показал, что только регулярная массовая армия, состоящая из сынов трудящихся, способна вести победоносную борьбу в защиту диктатуры пролетариата. Разумеется, было бы неправильным механически, без учета местных условий, переносить на венгерскую почву опыт Рабоче-Крестьянской Красной Армии Советской России. Создать в то время миллионную армию не позволяли ни численность населения страны, ни ее материальные возможности. Однако последовавшие за тем события подтвердили правильность точки зрения Самуэли, что было бы гораздо лучше, если бы, следуя военному опыту Советской России, вместо набора в армию на добровольных началах была введена всеобщая воинская обязанность.

Почему же Бела Кун, отлично знавший военный опыт Советской России в отношении принципов комплектования Красной Армии, встал на точку зрения Поганя, а не Самуэли? В первую очередь это объяснялось предположением Белы Куна, что Венгерской советской республике ни изнутри, ни извне не угрожает такое нападение врага, которого бы не могла остановить армия, созданная на добровольных началах, до прибытия на помощь Красной Армии Советской России. Поэтому вместе с большинством членов Революционного правительственного совета Бела Кун считал, что до объединения этих двух вооруженных сил натиску империалистов может противостоять и относительно малая по численности армия.

«Революция пролетариата сломала старую армию. Однако, пока мы окружены жаждущими трофеев, вынашивающими грабительские планы империалистическими государствами, существованию Венгерской советской республики угрожает опасность. С востока к нам идет армия

наших русских братьев, чтобы защитить нас от чешских эксплуататоров, румынских бояр-грабителей и югославских империалистов. Русская Красная Армия-освободительница — армия пролетариата Советской России. Нас объединяют не цепь и не нагайка, а пролетарская солидарность и пролетарская дисциплина. Это обеспечивает нам победу над несознательной солдатской массой чешских, румынских и сербских капиталистов, которую они посылают для подавления нашей революции... И до тех пор пока не подоспеет русская армия, нам нужно защититься, чтобы не погибнуть» — так сформулировал задачи венгерской Красной армии Бела Кун в статье по поводу опубликования декрета о ее создании, помещенной 25 марта 1919 года в газете «Непсава».

Помимо принятия ошибочной в условиях растущих масштабов вооруженной борьбы системы комплектования и пополнения армии по предложению Поганя в декрет был включен пункт о выборности командиров подразделений. Система выборности командного состава тормозила строительство регулярной, высокодисциплинированной армии нового типа.

Армия Страны Советов перешла к новому порядку замещения командных должностей в апреле 1918 года, а в венгерской Красной армии с системой выборности командиров подразделений покончили только после горького опыта отступления в апреле 1919 года.

Народный комиссариат по военным делам обратился к вернувшимся из России бывшим военнопленным, и прежде всего к тем, кто на полях гражданской войны доказал свою готовность бороться и даже отдать жизнь за идею освобождения пролетариата во всем мире. «Красные солдаты-интернационалисты! Вы уже сражались и проливали кровь за освобождение международного пролетариата на снежных равнинах Сибири, в дремучих лесах Урала, в Поволжье и песках Туркестана. Пролетариат первой в мире Советской Республики вручил вам в руки оружие, чтобы оно служило революционным интересам всех угнетенных... Вы были революционным авангардом уже тогда, когда над Уралом забрезжил пурпурный свет русской революции. Ваше место в первых рядах пролетарской армии советской Венгрии! Те, кто в русской Красной Армии научился выполнять революционные задачи пролетария, кто вместе с русскими, немецкими, чешскими, румынскими и сербскими братьями — пролетариями в интернациональной Красной Армии Советской России на

деле доказал свою преданность революции, должны записаться в первый полк красноармейцев-интернационалистов», — говорилось в одной из листовок комиссариата по военным делам.

Число добровольцев из солдат, рабочих и крестьян росло с каждым днем. К 29 марта количество записавшихся в Красную армию составило 11 199 человек, а к первому апреля их численность достигла 20 640. Значительную часть добровольцев составили военнослужащие, изъявившие желание остаться на сверхсрочной службе.

Большую работу по набору добровольцев Народный комиссариат по военным делам провел среди русских военнопленных, находившихся в Венгрии. Замечательным примером проявления пролетарского интернационализма явилось обращение Наркома по иностранным делам Советской России к русским военнопленным в Венгрии с призывом вступать в ряды венгерской Красной армии. «Наш долг как сынов народа, вышедших из пролетариата и крестьянства, — говорилось в обращении, — не оставаться безучастными в этой борьбе. Знайте, ваше место в рядах защищающих народную революцию венгерских рабочих и крестьян» [1].

По призыву русского и венгерского советских правительств русские военнопленные в Венгрии с большим воодушевлением вступали в ряды венгерской Красной армии. Те из них, кто находился в Будапеште, собравшись 30 марта на митинг, решили, что все как один будут воевать под знаменами Венгерской советской республики. Подобные решения были приняты на собраниях русских военнопленных на периферии. 29 марта газеты сообщили, что многие из русских в Залаэгерсеге записались в венгерскую Красную армию. «Русские заявили, — говорилось в статье, — что они считают своим долгом поддержать советскую республику».

Подобно русским интернационалистам, в венгерскую Красную армию записывались и представители других народов. Будучи сознательными рабочими и крестьянами, они понимали, что, взяв в руки оружие для защиты диктатуры пролетариата в Венгрии, они тем самым защищают не только интересы венгерского народа, но и свое собственное отечество, борются за будущее своего народа.

---

[1] Русские интернационалисты в борьбе за Венгерскую советскую республику. 1919 год. Сборник документов. М., 1972, с. 104.

25 марта 60 воинов с австрийского завода «Стаер» с 18 пулеметами перешли границу Венгрии и обратились с просьбой принять их в ряды венгерской Красной армии. Вслед за ними в начале апреля в Будапешт прибыли 1200 австрийских солдат, которые предложили свои услуги в защите Венгерской советской республики.

Вскоре было сформировано два интернациональных полка, в которых были русские, венгры, австрийцы, румыны, словаки, сербы, поляки и представители других национальностей. Эти полки были первыми и самыми надежными частями венгерской Красной армии в Будапеште.

ПРОТИВОРЕЧИЯ В КОМИССАРИАТЕ ПО ВОЕННЫМ ДЕЛАМ

На деятельности комиссариата по военным делам с самого начала отрицательно сказались постоянные распри Поганя с его заместителями — коммунистами. В конце концов эти споры вылились в открытые стычки. 2 апреля Революционный правительственный совет вынес на повестку дня вопрос о деятельности Народного комиссариата по военным делам. Доклад сделал Погань, обрисовав несколько приукрашенно положение дел с организацией Красной армии.

Бела Санто в своем выступлении отметил: «На фронте полная деморализация. Войска просят замены, а для этого необходимы свежие части, которые готовятся в тылу. У нас только один выход: как можно быстрее создать Красную армию. Мы не можем послать солдат ни из Пешта, ни с периферии. На сегодняшний день нам надлежало послать на фронт 8000—10 000 человек, поскольку против нас находится гораздо большая, чем перед мартовской революцией, военная сила, враг получил подкрепление, а мы этого не сделали».

Довольно резко выступил против приукрашивания Поганем действительного состояния венгерской Красной армии и Тибор Самуэли.

«Организация Красной армии, — говорил он, — близка к провалу. В Будапеште, кроме интернационального полка, нет ни одной части в нашем распоряжении, которая была бы сносно вооружена и оснащена. До сих пор еще не решен вопрос с назначением политкомиссаров. Нет курсов по подготовке командного состава. И на периферии положение дел также не настолько блестящее, как

его охарактеризовал Погань. Беспорядков гораздо больше, чем указывалось. Все директории отдают самые несуразные распоряжения, а из центра еще не последовало никаких распоряжений, в том числе и в отношении политкомиссаров».

Бем и другие правые социал-демократические лидеры пытались объяснить спор, возникший между Поганем и Самуэли, их психологической несовместимостью. Поэтому они, по существу, в равной степени с Поганем признали виновным и Самуэли за ошибки, допущенные в организации Красной армии. Ими не был принят во внимание тот факт, что Самуэли и Санто еще до 25 марта сигнализировали о негативных сторонах принципов Погаия, которые исключают возможность достижения нужных результатов.

Пытаясь отбить необоснованные, возводимые на него наговоры, Самуэли в своем выступлении, говоря об отношениях с Поганем, подчеркнул: «Между нами существуют противоречия отнюдь не личного, а принципиального характера».

Безусловно, Самуэли был прав, что возникшие между ним и Поганем противоречия основывались в первую очередь на их различном подходе к выполнению своих задач. В то же время они не были свободны и от личных мотивов. Столкнулись два остро дебатирующих, не терпящих иных мнений и страстно защищавших свою правоту человека.

Хотя причина отставания в строительстве Красной армии прежде всего крылась в ошибочных концепциях и слабых организаторских способностях Погаия (в ходе дискуссии Ене Ландлер[1] также открыто заявил, что Погань плохо разбирается в организационных вопросах), большинство Революционного правительственного совета высказалось за вывод из руководства Народного комиссариата по военным делам вместе с Поганем и Самуэли. В конце концов утвердилось мнение поставить во главе Народного комиссариата по военным делам Бема, а его заместителями назначить Фидлера и Санто.

Еще не закончилась смена руководства в Народном комиссариате по военным делам, как перед его зданием

---

[1] Ландлер Е. (1875—1928) — видный деятель венгерского рабочего движения, один из лидеров левых социал-демократов. В рассматриваемый период — народный комиссар торговли и внутренних дел в правительстве Венгерской советской республики. — *Прим. пер.*

По инициативе солдатского совета была организована демонстрация военнослужащих с требованием отставки и ареста Поганя. Демонстранты освистали появившегося перед ними Бема, провозглашая здравицу в честь Куна, Санто и Самуэли.

Эти события вечером того же дня бурно обсуждались на заседании Революционного правительственного совета. Социал-демократы с возмущением протестовали против привлечения солдатских масс к решению персональных вопросов.

Наконец страсти постепенно улеглись. Было принято решение о создании коллегии из пяти человек, что ранее уже предлагал Бела Кун. Однако состав коллегии с точки зрения интересов диктатуры пролетариата не был таким, каким он в свое время хотел видеть его. На включении кандидатуры Белы Куна в Народный комиссариат по военным делам настаивал Бем. Огромным авторитетом Белы Куна он стремился уравновесить недоверие народных масс, проявляемое к его собственной персоне.

Помимо Куна и Бема народными комиссарами стали Реже Фидлер, Бела Сапто, а также правый социал-демократ Йожеф Хаубрих. На его избрании в состав коллегии также настаивал Бем.

Этими событиями можно объяснить и тот факт, что на том же заседании Революционного правительственного совета коммунисты добились от социал-демократов согласия сделать всех членов коллегии народными комиссарами по военным делам. Тем самым соотношение сил по количеству народных комиссаров стало в пользу коммунистов. Одной из важнейших задач коллегия по военным делам считала укрепление дисциплины в войсках. «Мы требуем порядка, дисциплины, безоговорочного выполнения приказаний от каждого воина Красной армии. Мы хотим, чтобы Красная армия, будучи классовой армией пролетариата, стала мощным, всесокрушающим орудием господства пролетариата. Тот, кто поднимает руку на единство, порядок и дисциплину Красной армии, тот — изменник дела международного пролетариата», — говорилось в первом приказе Народного комиссариата по военным делам нового состава.

В качестве первого шага на пути укрепления воинской дисциплины в Красной армии была поставлена задача ликвидации в армии двойного руководства: со стороны Народного комиссариата по военным делам и солдатских советов. С победой диктатуры пролетариата в Венгрии

солдатские советы выполнили свое предназначение. Трудные задачи, которые новый строй поставил перед армией, требовали единства, решительного руководства ею, быстрого и неукоснительного выполнения личным составом приказов командиров. Солдатские советы не годились для того, чтобы мобилизовывать личный состав на выполнение необходимых, но иногда далеко не популярных в солдатской массе задач. Введение системы политкомиссаров обеспечивало контроль за деятельностью старых офицеров и защиту интересов солдат. Таким образом, деятельность солдатских советов становилась излишней, они изжили себя.

Разумеется, роспуск солдатских советов сам по себе не ликвидировал состояния общей недисциплинированности, унаследованной армией от буржуазной революции. Политкомиссары прибыли в войска с довольно большим запозданием, да и среди них было много неопытных, не обладающих нужными качествами лиц, чтобы со знанием дела и энергично выступить против проявлений недисциплинированности среди личного состава армии. В первой половине апреля число случаев нарушения воинской дисциплины во многих частях достигло угрожающих масштабов. Народный комиссариат по военным делам вновь отдал приказ об укреплении дисциплины в войсках. Однако его результаты оказались незначительными, поскольку анархизм, утвердившийся в войсках еще до образования Венгерской советской республики, оказывал большое влияние на состояние воинской дисциплины и боевого духа частей, унаследованных еще от буржуазной республики. Эти части уже не держались на той слепой дисциплине, основанной на беспощадных наказаниях, царивших в старой, королевской армии. Однако еще не была создана и дисциплина, основанная на социалистической сознательности. Офицеры уже не применяли старых методов наведения порядка и дисциплины в подразделениях, а новых подавляющее большинство из них еще не знало, да и не хотело знать.

В интересах укрепления дисциплины в Красной армии Революционный правительственный совет 12 апреля издал декрет о создании военных трибуналов. «Преступления военнослужащих, нарушающих революционную дисциплину, — говорилось в нем, — подлежат суду революционного военного трибунала... Если преступление составляет тяжкое нарушение революционной дисциплины Красной армии или подвергает опасности интересы советской респуб-

лики, виновному может быть вынесен и смертный приговор».

Однако решительности и твердости в своей практической деятельности революционные военные трибуналы не проявили, так как среди их членов значительную часть составляли правые социал-демократы. Их либерализм к нарушениям воинской дисциплины наложил свой отпечаток на всю работу военных трибуналов.

Наряду с мероприятиями по укреплению дисциплины в частях, по повышению их боеспособности Народный комиссариат по военным делам с возросшей энергией продолжал набор в армию добровольцев и формирование новых полков и батальонов.

Число лиц, изъявивших желание служить в Красной армии, к 5 апреля достигло примерно 33 тысяч, к 10 апреля их численность составляла почти 40 тысяч, а к 15 апреля — более чем 53 тысячи человек. Однако из-за трудностей с размещением и снабжением всех добровольцев не удалось распределить по воинским частям, многие прибыли туда намного позднее. В соответствии с постановлением от 9 апреля добровольцы, записывавшиеся в Красную армию, должны были прибыть к месту службы лишь в мае. Таким образом, данные о вербовке добровольцев, как мы видим, далеко не полно отражали картину численного роста сил Красной армии.

6 апреля Народный комиссариат по военным делам отдал распоряжение о сформировании 1, 2 и 3-го интернациональных полков. (Позднее, когда стало ясно, что нет возможности обеспечить эти части всем необходимым, 3-й интернациональный полк расформировали, а его личный состав использовали для пополнения 1-го и 2-го интернациональных полков.)

7 апреля Бела Кун и Вильмош Бем устроили смотр интернациональным полкам. После смотра они послали благодарственную телеграмму солдатскому совету австрийского фольксвера за помощь, оказанную им при отправке австрийских интернационалистов в Будапешт. В телеграмме говорилось: «На смотре Первого будапештского интернационального полка участвовали два немецко-австрийских батальона. Строевая подготовка немецких и австрийских товарищей, их боевой пастрой, революционный подъем, готовность пожертвовать жизнью за международную пролетарскую революцию вызвали у венгерского рабочего класса чувство горячего воодушевления.

От имени Венгерской советской республики мы выражаем вам благодарность за революционную помощь. Да здравствует международная рабочая революция!

Кун и Бем, народные комиссары по военным делам».

Наряду с формированием интернациональных частей Народный комиссариат по военным делам в соответствии с декретом о создании Красной армии приступил и к комплектованию резервных рабочих батальонов. Их организация преследовала своей целью создать из лучших сынов рабочего класса надежный резерв Красной армии, который в критический момент можно было бы с успехом использовать в борьбе как против внутреннего, так и против внешнего врага.

8 апреля на крупных предприятиях столицы при участии всех наркомов по военным делам были проведены митинги по вербовке добровольцев в армию, на которых рабочие приняли следующее решение: «8 апреля 1919 года мы, собравшиеся на митинг заводские рабочие, решили создать на каждом промышленном предприятии отряды Будапештской резервной рабочей армии. Митинг обязует каждого способного нести военную службу, работающего на заводе, физически здорового товарища немедленно подать заявление о его приеме в рабочую армию. Митинг заверяет Революционный правительственный совет, что заводские рабочие всегда готовы с оружием в руках защищать завоевания пролетарской революции против любого нападения на нее».

На фабриках и заводах широко развернулась работа по записи добровольцев. На каждом предприятии, которое могло сформировать хотя бы роту, была создана вербовочная комиссия.

За сравнительно короткое время, в течение двух недель, было сформировано два рабочих полка общей численностью 13 тысяч человек. Первым из рабочих — членов профсоюза был создан Чепельский красный пехотный полк, к формированию которого по особому распоряжению Народного комиссариата по военным делам приступили уже 1 апреля. К сожалению, решающее влияние на процесс организации рабочих батальонов оказала политическая линия Хаубриха. Несмотря на то что по указанию Революционного правительственного совета командные должности в рабочих частях могли занимать только представители рабочего класса, а кадровые офицеры назначались лишь советниками (им даже не разрешалось ношение оружия), представитель правых социал-демократов Хауб-

рих назначал на командные должности кадровых офицеров. Он и себя окружил такими же офицерами, влияние которых проявилось во всей его деятельности.

Довольно тяжелой, в первые дни почти неразрешимой, казалась задача оснащения частей Красной армии необходимым оружием, обмундированием, продовольствием и т. д. За время первой мировой войны складские запасы иссякли, а из-за недостатка сырья и рабочей силы резко упал уровень производства.

В обзоре, предназначенном для внутреннего пользования и составленном Народным комиссариатом по военным делам еще 26 марта, были сделаны довольно пессимистические выводы относительно материального обеспечения Красной армии. «Всего мало, необходимо быстро пополнить материальные ресурсы. А из чего? Для этого потребуется время», — говорилось в резолюции к обзору.

В действительности же не было причин к столь унылым настроениям. Как явствовало из предложений, подготовленных 10-м отделом Народного комиссариата по военным делам 25 марта, за короткое время вполне мог быть решен в основном вопрос и с обеспечением всем необходимым армии, численностью выходящей за рамки штатного расписания. В конце марта помимо оружия для частей, находившихся в стадии формирования, имелось еще 120 тысяч винтовок. Оружейные заводы могли ежедневно выпускать по 800 винтовок. В большом количестве оружие и боеприпасы имелись в распоряжении воинских частей и гражданского населения. В случае принятия соответствующих мер его можно было бы направить на нужды армии. Тяжелым казалось обеспечение формируемых артиллерийских частей орудиями и боеприпасами. Однако вскоре выяснилось, что, если их комплектовать не штатными образцами орудий, тогда пушек и гаубиц для Красной армии хватит.

Таким образом, в целом количество оружия, находившегося в распоряжении Народного комиссариата по военным делам, превышало число, определенное рамками развертывания армии.

Подобное положение было и с вещевым снабжением. Если даже на складах в тот момент и не было всех предметов обмундирования (в первую очередь не хватало шинелей) для экипировки личного состава, то этот пробел мог за короткое время быть в основном восполнен за счет производственных мощностей легкой промышленности. Основательно взвесив свои возможности, Народный комис-

сариат по военным делам в первых числах апреля констатировал, что «по общим подсчетам, до начала августа 1919 года 200 тысяч солдат будут одеты и оснащены всем необходимым».

Вопрос снабжения армии продовольствием, по крайней мере на первое время, также был разрешим, поскольку на армейских складах в конце марта находился месячный запас продовольствия на 150 тысяч человек.

Другими словами, материальное положение Красной армии не было столь тяжелым, как его ранее нарисовали. Однако деятельность центральных интендантских органов не поспевала за темпами формирования частей, и дело с обеспечением новых частей в армии продвигалось медленно.

Одной из важнейших проблем строительства Красной армии было обеспечение ее политически надежным, обладающим соответствующей подготовкой командным составом. Несмотря на создание советской республики, в генеральном штабе и на командных должностях в армии оставалось еще довольно много офицеров старой, буржуазной армии. Воспитанные в духе империалистической, националистической идеологии, эти офицеры в большинстве своем были выходцами из господствующих классов и были далеки от того, чтобы отстаивать интересы рабочего класса и цели, которые поставила перед ними диктатура пролетариата. Все они, за небольшим исключением, ненавидели власть рабочего класса и были ярыми сторонниками восстановления старого режима.

Несмотря на контрреволюционные настроения, большинство кадровых офицеров, видя огромный авторитет и возможности диктатуры пролетариата, энергичные действия Советского правительства и надеясь, что советская республика более эффективно, чем буржуазная, сможет защитить территорию страны от захватнических устремлений Антанты, были согласны, по крайней мере временно, служить в Красной армии. Многие из них думали, что они будут поддерживать диктатуру пролетариата до тех пор, пока не вернут оккупированные врагом территории, а потом сами свергнут власть рабочего класса и восстановят господство помещиков и капиталистов.

Вот как позднее объяснял мотивы поведения старого кадрового офицерства один из его представителей — Михай Ясаи Дюрчик в книге «Уроки и истина недавнего прошлого». «И в этом, — писал он, — в конечном счете не было беды, самая большая наша ошибка заключалась в

том, что территорию своей родины мы должны были очистить от врагов не под национальным трехцветным флагом. Если бы мы сумели рассчитаться с внешним врагом, то в конечном счете этот успех восстановил бы у солдат доверие к офицерам, и тогда бы мы смогли легко рассчитаться и со сторонниками советской республики.

Такова была наша цель, когда мы служили в Красной армии, начиная от высшего военного руководящего лица до последнего офицера».

Решающую роль в поведении старых офицеров играл и тот факт, что большинство кадровых офицеров, кроме своей военной специальности, ничего другого не умели делать. Боязнь за свой престиж, ухудшение материального положения в случае увольнения из армии — все это вынуждало их служить в Красной армии.

У коммунистов из Революционного правительственного совета не было иллюзий относительно старых военных специалистов. Однако они ясно понимали, что без них на первых порах нельзя создать Красную армию и руководить ею.

Вопрос о военспецах в свое время остро дебатировался и в Советской России, где многие считали ошибочным привлечение их к службе в Красной Армии. Ленин придерживался другого мнения, разъясняя, что Советская власть как в армии, так и в любой другой области хозяйственного строительства, не имеющей собственных специалистов, какое-то время не обойдется без старых специалистов.

«Вы, вероятно, знаете, какие споры вызвал этот вопрос, как часто товарищи, принадлежащие к числу самых преданных и убежденных большевиков-коммунистов, выражали горячие протесты против того, что в строительстве Красной социалистической армии мы пользуемся старыми военными специалистами, царскими генералами и офицерами, запятнавшими себя служением царизму, а иногда и кровавыми расправами с рабочими и крестьянами.

Противоречие бросается в глаза, негодование тут является, можно сказать, само собою. Каким образом строить социалистическую армию при помощи специалистов царизма?!

Оказалось, что мы построили ее только так. И если мы подумаем над задачей, которая здесь выпала на нашу долю, то нетрудно понять, что так только и можно было построить» [1].

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 53.

По декрету о создании Красной армии на должность выше командира подразделения могли быть назначены только те из кадровых офицеров, против которых не возникло никаких возражений. Список офицеров, предполагаемых для назначения на такие должности, публиковали в течение недели в газетах. Однако эта система назначения паталкивалась на целый ряд трудностей и носила затяжной характер, угрожая оставить на какое-то время части без командного состава. Поэтому 29 марта Народный комиссариат по военным делам распорядился не трогать старый офицерский состав в частях, несущих службу на демаркационной линии, и, если это необходимо, обязать исполнять свои должностные обязанности.

Таким образом, уже в конце марта по отношению к офицерскому корпусу свои изменения претерпел принцип добровольного набора в армию. Сам факт, что из-за недостатка надежных, обладающих соответствующей подготовкой командных кадров на большинстве руководящих должностей в Красной армии приходилось использовать старых офицеров, поставил руководство Народного комиссариата по военным делам перед необходимостью решения двух задач: во-первых, создать институт политкомиссаров, осуществляющий кроме всего прочего и контроль за деятельностью старых офицеров; во-вторых, организовать курсы командного состава для способных и преданных Советской власти солдат пролетарского происхождения.

В соответствии с декретом о создании Красной армии Народный комиссариат по военным делам 26 марта отдал распоряжение о введении в армии института политкомиссаров, согласно которому в каждую дивизию, бригаду и полк назначался политкомиссар. Политкомиссар дивизии подчинялся непосредственно Народному комиссариату по военным делам, политкомиссары бригад и полков — политкомиссару дивизии.

«Политкомиссары частей, — говорилось в директиве Народного комиссариата по военным делам, — являются представителями диктатуры пролетариата и выражают революционную волю всего пролетариата».

Ввиду того что на должностях командиров дивизий, бригад и полков почти все без исключения находились старые кадровые офицеры, контроль за их деятельностью Народный комиссариат по военным делам поставил перед политкомиссарами в качестве первостепенной задачи. Согласно директиве в круг обязанностей политкомиссара вхо-

дил и контроль за распоряжениями командира. Комиссар имел право отдавать под суд революционного трибунала офицеров за саботаж и контрреволюционную деятельность.

Наряду с контролем за деятельностью офицерского корпуса политкомиссары должны были следить за дисциплиной в войсках и поддержанием высокого революционного духа. Для выполнения этой задачи, особенно в частях, унаследованных от буржуазной республики, от политкомиссара требовалось проведение эффективной политико-воспитательной работы среди личного состава.

Обращая внимание на важность этой работы политкомиссара, в директиве от 11 апреля говорилось следующее: «Долг политкомиссара состоит в том, чтобы наряду с контролем за деятельностью командира и установлением правильных взаимоотношений с ним всегда находиться на страже того, чтобы Красная армия являлась прочной и надежной опорой советской республики. Он обязан всемерно способствовать укреплению воинской дисциплины, удовлетворению материальных и социальных запросов солдат, проверять, как их кормят и одевают».

Несмотря на то что для советской республики вопрос о поддержании высокого революционного духа и крепкой воинской дисциплины как в старых, так и во вновь сформированных частях был жизненно важным, успехи в политической работе в этом отношении за период до начала интервенции империалистов были незначительными. Политкомиссары прибыли к месту службы всего за несколько дней до начала интервенции. Они едва успели приступить к исполнению своих обязанностей, как враг напал на страну. Положение затруднялось еще и тем, что многие из политкомиссаров по своим деловым качествам оказались непригодными для проведения политико-воспитательной работы.

Было отдано распоряжение о создании курсов по подготовке командиров пролетарского происхождения. Более того, даже приступили к их организации, однако начало работы курсов из-за нападения империалистов пришлось временно отложить.

ПОДГОТОВКА ДЕМАРКАЦИОННОЙ ЛИНИИ К ОБОРОНЕ

Свое первое распоряжение войскам Наркомат по военным делам отдал 24 марта. Из его содержания можно

было сделать вывод, что находившиеся на больших должностях военные специалисты еще не уяснили себе внешнеполитическую линию советского правительства. Неправильно поняв смелое и решительное поведение Революционного правительственного совета по отношению к Антанте, они считали, что смогут поставить Красную армию на службу своим националистическим целям — восстановлению территориальной целостности страны. Руководители советской республики не раз заявляли: «Мы полны решимости защищать Венгерскую советскую республику от кого-либо, одновременно выражаем свою полную решимость и волю заключить как можно скорее такой мир, который обеспечил бы для рабочего класса нормальные условия жизни и сделал бы возможным мирное сосуществование со всеми народами, и прежде всего с соседними».

Несмотря на это, в указаниях оперативного отдела Наркомата по военным делам значилось: «Распространить вооруженным путем пролетарскую власть Венгерской советской республики на всей территории страны».

Одновременно в этом документе предусматривалось, что «до тех пор, пока создаваемая быстрыми темпами армия еще не готова для ведения наступательных боевых действий, свое место при защите нынешней демаркационной линии найдет и отступление перед превосходящими силами противника».

Через несколько дней после провозглашения советской республики оперативный отдел отдал войскам распоряжение о подготовке к наступлению на двух участках фронта. В его директиве от 24 марта перед командиром Секейского особого отряда была поставлена задача «сосредоточить главные силы группировки его войск для наступления в направлении Деш». Той же ночью отдел приступил к разработке наступательной операции силами до бригады из состава 3-й дивизии.

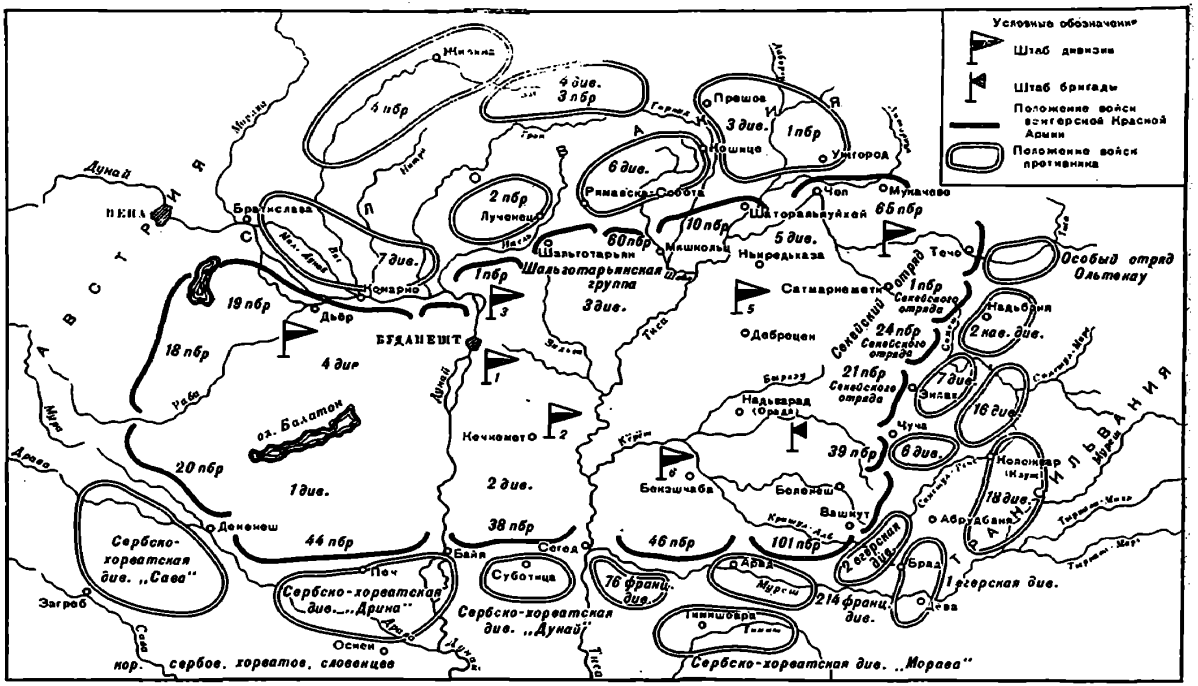
На планы оперативного отдела, несомненно, большое влияние оказали стремление к быстрым действиям и недооценка противника, исходившие из замыслов националистически настроенных офицеров.

Руководители Наркомата по военным делам вполне обоснованно отклонили эти планы, ставя в центр внимания войск и руководящих военных органов необходимость укрепления воинской дисциплины и ускоренного формирования частей Красной армии, а также подготовки должным образом к защите демаркационной линии. В даль-

нейшем распоряжения Наркомата по военным делам, рассылаемые войскам, уже учитывали реальное соотношение сил и вместо составления нереальных планов наступления уделяли главное внимание вопросам организации обороны на отдельных участках демаркационной линии. В этой связи в распоряжении Наркомата говорилось, что «упомянутые группы силой до бригады на первое время должны составлять тот максимум сил, которые, находясь на станциях комплектования, должны быстро пополняться всем необходимым. Однако большую часть бригадных групп следует оставлять на станциях комплектования в резерве, с тем чтобы в случае возникновения серьезной опасности нарком по военным делам смог бы сосредоточить в любой части страны значительные силы».

В распоряжениях Наркомата по военным делам просматривалось законное стремление избежать недостатков так называемой кордонной системы построения обороны и создать глубокую как в тактическом, так и в оперативном отношении оборону, а также иметь необходимые для этого резервы.

Подобного рода тенденции просматривались и в распоряжениях отдельных командиров дивизий. О правильном понимании дивизиями своих задач в обороне, реальной оценке своих возможностей, например, свидетельствует план на организацию обороны, разработанный командиром 3-й дивизии. «Цель обороны, — говорилось в нем, — заключается в том, чтобы удержать противника за линией, определенной условиями перемирия. Каждый грамотно мыслящий военный быстро поймет, что одна пехотная дивизия не располагает достаточными силами, чтобы преградить путь врагу, если у него есть серьезные намерения прорвать в одном или же нескольких местах 170-километровую линию обороны. Тем более что нападающий в данных условиях будет находиться в более выгодном положении, позволяющем незаметно сосредоточить свои силы на участке прорыва и успешно осуществить его, имея значительное превосходство как в живой силе, так и в любом другом отношении. Разумеется, нельзя упускать из виду, что наш «чехословацкий» противник располагает только 7—8 дивизиями. Поэтому, стремясь совершить нападение, он всегда будет вынужден оставить значительную часть сил для обеспечения линии, определенной условиями перемирия. Из сказанного можно сделать вывод, что противник не может сосредоточить значительные силы для проведения крупного наступления,



Положение сторон к началу военной интервенции против Венгерской советской республики. 16 апреля 1919 г.

если на участке обороны дивизии мы сосредоточим необходимые резервы и нанесем ими энергичный контрудар по прорвавшемуся врагу, с тем чтобы обеспечить успех всей нашей операции».

Однако даже правильные принципы были все же далеки от их осуществления на практике, поскольку большинство войск все еще находилось в состоянии организационной неразберихи. Боеспособных частей, которые с успехом можно было бы бросить против наступающего противника, имелось пока еще довольно мало.

Планы Наркомата по военным делам о создании тактических и оперативных резервов начали осуществляться в середине апреля и находились лишь в начальной стадии. В момент нападения империалистов Наркомат по военным делам не располагал такими резервами, которых было бы достаточно, чтобы остановить наступающего противника. Контрреволюционная армия румын, напавшая 16 апреля на Венгерскую советскую республику, натолкнулась на границе на слабую оборонительную линию, которую она легко прорвала.

ПОЛОЖЕНИЕ В КРАСНОЙ АРМИИ НАКАНУНЕ НАПАДЕНИЯ ПРОТИВНИКА

В соответствии со штатным расписанием Красная армия на 15 апреля состояла из шести пехотных дивизий, Секейского особого отряда, морской бригады, Дунайской погранохраны и интернациональных полков, подчиненных непосредственно Наркомату по военным делам, и частей инженерных войск.

Это штатное расписание, разумеется, не отражало истинного положения вещей, а лишь определяло направление дальнейшего развития армии. В действительности же войска, включенные в штатное расписание, в большинстве своем находились лишь в начальной стадии формирования.

По данным орготдела Наркомата по военным делам, численность шести дивизий, Секейского особого отряда и морской бригады выглядела следующим образом:

1-я дивизия	— 5176	человек
2-я дивизия	— 7387	»
3-я дивизия	— 7937	»
4-я дивизия	— 7384	»
5-я дивизия	— 5516	»
6-я дивизия	— 7986	»

Секейский особый отряд	— 11 353 человек
Морская бригада	— 3476
Общая численность	56215 человек.

Большая часть личного состава дивизий находилась в местах формирования. Для несения службы на демаркационной линии по указанию Наркомата по военным делам командование дивизий выделяло всего несколько батальонов. Неодинаковыми были дивизии к середине апреля по степени сплоченности, силе и боеготовности.

На севере линию обороны, проходившую почти в 500 километрах от чехословацких войск, прикрывали три дивизии Красной армии — 4, 3 и 5-я.

На правом берегу Дуная, в Задунайском крае, части 4-й дивизии находились в стадии формирования. Из трех бригад дивизии только две (18-я и 19-я) несли службу на демаркационной линии вдоль Дуная, а 20-я бригада находилась на югославском фронте, на линии вдоль реки Мура.

На 150-километровом участке фронта от устья реки Ипой до Шайоказинц располагалась 3-я дивизия. За Тисой 400-километровый участок фронта от Течо до канала Красна защищал Секейский особый отряд. В апреле этот отряд был самым большим по численности соединением советской республики.

Особый отряд находился под влиянием националистически настроенного офицерского корпуса. Председатель правительственного совета в Надьвараде 3 апреля сообщил наркому по военным делам, что рядовой состав особого отряда, «вероятно находясь под влиянием офицеров, начинает проявлять большое недоверие по отношению к советской республике».

Командир отряда полковник Картохвил в начале апреля тайно направил парламентера в Арад к французскому генералу Гондрекуру, а также в Клуж к румынскому политику Маниу. Он сообщил им, что «секейские части настроены отнюдь не по-коммунистически, более того... они начали вести себя враждебно по отношению к большевикам и готовы выступить против них вместе с румынскими войсками». Картохвил просил румынское руководство, насколько это возможно, привлечь Секейский особый отряд к боевым операциям против советской рес-

публики, обеспечив тем самым возвращение солдат-секейцев в Трансильванию[1].

Хотя Наркомату по военным делам и было известно о контрреволюционных настроениях в Секейском особом отряде, однако они не знали о масштабах опасности, угрожавшей с этой стороны. Поэтому комиссариат для выяснения положения послал комиссию в Секейский особый отряд, а затем сменил на демаркационной линии два батальона 21-й секейской бригады двумя интернациональными полками.

Участок фронта шириной в 70 километров от Чуча до Халмадьчуга обеспечивала 39-я бригада, ранее находившаяся в подчинении Секейского особого отряда. Незадолго до нападения империалистов Наркомат по военным делам предоставил ей статус отдельной.

От Халмадьчуга до Тисы на участке фронта более чем в 200 километров располагалась 6-я пехотная дивизия. Поскольку формирование дивизии начали только в марте, то при укомплектовании и оснащении ее батальонов встретились большие трудности. Многие из батальонов не были готовы к отправке на фронт лишь потому, что солдаты не имели шинелей и винтовок. 14 апреля командир дивизии доложил в Наркомат по военным делам о том, что хорошее настроение личного состава ухудшается из-за недостатков в оснащении дивизии всем необходимым.

В южных районах междуречья Дуная и Тисы и Задунайского края, на фронте в 350 километров, находилась часть войск 1-й и 2-й дивизий, а также уже упомянутая выше 20-я бригада, входившая в состав 4-й дивизии.

В центре между Дунаем и Тисой располагалась 2-я дивизия. К середине апреля она только начала укомплектовываться. На демаркационную линию дивизия могла выслать лишь шесть не полностью укомплектованных батальонов. Дивизия не имела ни одной боеспособной артиллерийской батареи. У нее имелся лишь один бронепоезд.

От Дуная до Декепеша, на фронте в 150 километров, располагалась 44-я бригада 1-й дивизии. Две другие бригады дивизии находились на формировании и не имели ни одного боеспособного батальона.

---

[1] Секеи — представители венгерской этнографической группы, проживающей в юго-восточной части Трансильвании (ныне Румыния). — *Прим. авт.*

Вдоль реки Муры, от Декенеша до австрийской границы, на 100-километровом участке фронта, как мы уже отмечали, дислоцировалась 20-я бригада.

К середине апреля на демаркационной линии находились всего 73 батальона и 34 артбатареи. Помимо этого в каждой из дивизий имелось несколько батальонов в разной стадии сформированности. Если учесть все батальоны, находившиеся в различной степени боеготовности на демаркационной линии, то на каждый из них приходился 17-километровый участок обороны. Плотность артиллерии была еще меньшей: на 36,7 километра — одно орудие. Слабость обороны демаркационной линии усугубляло отсутствие в глубине обороны дивизий, частей, перебросив которые можно было бы в случае необходимости усилить наиболее слабые участки первой линии. Наркомат по военным делам еще не располагал достаточными резервами, из которых он мог бы заранее создать, по крайней мере в первую очередь на опасном участке фронта, второй эшелон.

На темпы создания Красной армии в значительной мере повлияло и то обстоятельство, что Революционный правительственный совет не считал вероятным нападение империалистов в ближайшее время.

Среди членов советского правительства господствовало мнение, что руководители крупных империалистических государств, учитывая настроения своих трудящихся, революционное брожение в армии, не рискнут на интервенцию против советской республики, а соседние буржуазные государства в данный момент находятся не в том положении, чтобы организовать такое нападение. Считали, что империалисты, повторив методы, применяемые в России, займутся в первую очередь организацией контрреволюционных мятежей в отдаленных от венгерской столицы районах. «...Сама Антанта не может сделать ничего. Она не может направить против нас страны, образовавшиеся на территории бывшей Австро-Венгерской монархии, но она сделает то, что было в России: начнет поднимать против нас контрреволюцию на периферии» — так оценивал обстановку Бела Кун на заседании Революционного правительственного совета 11 апреля. Из оценки военного положения советской республики в докладе, сделанном Бемом на следующий день, можно было сделать вывод, что и высшее военное руководство безо всяких на то оснований заняло излишне оптимистическую позицию не только в определении опасности империалистического

нападения. Оно даже не имело ясного представления о действительном состоянии боеспособности вооруженных сил советской республики.

«Самым слабым нашим фронтом, — говорил Бем, — является чешский фронт, однако все донесения свидетельствуют о том, что чехи не собираются на нас нападать. В самой Чехии ведется сильная агитация против нападения чехов на нас... Если Антанта захочет напасть, то она это сделает с юга, с помощью же чехов постарается помешать оказанию нам поддержки со стороны русских. До сих пор самым сильным у нас был румынский фронт, и теперь мы его усилили еще больше. Там на самом важном участке находится интернациональный батальон. Рядовой состав из Секейского особого отряда в наших руках, беда с офицерским составом. Сейчас этот вопрос мы не будем затрагивать. Он требует особой осторожности. За междуречье Муры нечего беспокоиться, мы договорились, что не будем трогать друг друга», — заявил Бем. Слишком оптимистическую, далекую от истины нарисовал нарком картину и о состоянии 6-й дивизии: «В Бекешчабе находится полностью укомплектованная дивизия, которая стремится к активным действиям, но мы удерживаем ее личный состав... У нас есть дивизии такие же, как и бекешчабская, которые находятся в самом лучшем состоянии».

Доклад этот породил всеобщее успокоение, и в Революционном правительственном совете стало господствующим мнение о том, что «все в порядке». И это в то время, когда большинство дивизий Красной армии находилось в начальной стадии своего формирования, а империалисты уже открыто готовились к нападению на советскую республику. Отражение этой всеобщей удовлетворенности нашло свое место и в выступлении Ене Ландлера на заседании Революционного правительственного совета 14 апреля. «Наша сила заключается в том, — говорил он, — что среди нас нет разных мнений. Силы же контрреволюции ни в коей мере не являются сплоченными. В этом другая наша сила, а третья состоит в том, что Антанта в военном отношении находится в том же положении, что и мы».

Вредным последствием слишком оптимистичной оценки Революционным правительственным советом сложившейся обстановки было не только то, что дела с организацией армии (хотя после 3 апреля они, несомненно, ускорились) не получили должного импульса, чтобы вести

их с полным напряжением сил и использованием всех возможностей. Благодаря такой оценке лишь небольшая часть направляемых на фронт подкреплений попадала в места, откуда советской республике угрожала наибольшая опасность: в Затисье.

С 21 марта по 15 апреля на фронт было отправлено 14 с половиной батальонов, три артбатареи, один кавалерийский эскадрон и саперная рота. Из них на румынский фронт попало пять батальонов, один кавалерийский эскадрон и саперная рота.

ПОДГОТОВКА ИНТЕРВЕНЦИИ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Главным вдохновителем экономических, политических и военных операций против Венгерской советской республики был всемогущий в ту пору руководящий орган Парижской мирной конференции — Совет четырех, в который входили: американский президент Вильсон, английский премьер Ллойд Джордж, французский — Клемансо и игравший роль подчиненного итальянский премьер Орландо, решавшие вопросы послевоенного переустройства мира.

Руководители империалистических государств — стран-победительниц с самого начала были едины в одном: в Венгрии необходимо восстановить власть капиталистов и помещиков. С большим беспокойством они думали о том, что пламя вспыхнувшей социалистической революции в России с помощью советской Венгрии может перекинуться дальше, на западноевропейские страны. «Если мы не уничтожим большевизм в Венгрии, то это будет способствовать его дальнейшему распространению... Нельзя недооценивать связанную с этим опасность для Европы. Самой большой опасностью Венгрия грозит окружающим ее странам, однако в опасности находится и Италия, а за ней и Франция, а также и Великобритания...» — так сформулировал причины опасения западных и империалистических кругов Хольстед — глава американской миссии в Вене.

После образования советской Венгрии по инициативе американцев была установлена строжайшая блокада этой страны. Голод стал первым оружием, которое Антанта дружно и незамедлительно применила против диктатуры пролетариата в Венгрии.

В отношении же применения против нее иных средств и методов оказывания давления у руководства Антанты

не было единого мнения. С уничтожением Венгерской советской республики Америка, Англия, Франция и Италия хотели усилить свое влияние в европейских делах. Именно поэтому развернувшаяся вокруг венгерского вопроса сложная дипломатическая борьба была связана с межимпериалистическими противоречиями.

Французы с самого начала стояли за немедленное вооруженное вмешательство в дела Венгрии. 27 марта главнокомандующий французскими вооруженными силами маршал Фош представил Совету четырех план создания из французских, английских, американских, румынских, югославских и греческих частей интервенционистской армии для использования ее одновременно как против Советской России, так и против Венгерской советской республики. В Центральной и Восточной Европе не было значительных американских и английских сил. А на Балканах под командованием французского генерала Франше д'Эспери находилась так называемая Восточная армия.

В Сербско-Хорватско-Словенском королевстве, Румынии и Чехословакии действовали военные миссии, которые контролировали армии этих государств. При этих обстоятельствах участие американских и английских войск в походе против советской республики было в какой-то степени формальным и вовсе не помешало бы французам вмешиваться в дела Венгрии с целью удовлетворения своих интересов.

Не случайно, что Фош не хотел втягивать в эту акцию итальянцев, которые сами стремились оккупировать Венгрию, вернее говоря, с помощью чехословацких войск, находившихся под итальянским командованием. Итальянские империалисты тем самым хотели убить сразу двух зайцев: с одной стороны, подчинить своему влиянию Венгрию, с другой — оказаться в более выгодном военном положении перед Югославией, отношения с которой у них были напряженными из-за Триеста, Далмации и Истрии. А французы именно по этой же причине хотели исключить участие итальянцев в военных операциях против Венгрии, тем более что их близко находящиеся к этой стране войска действительно могли сказать свое слово в исходе венгерских событий.

В отличие от французов Вильсон и Ллойд Джордж первое время считали, что нужно попытаться дипломатическими маневрами, обещаниями и используя внутренних врагов диктатуры пролетариата ликвидировать Венгерскую советскую республику «мирным путем». Руководя-

щим кругам Америки и Англии был не по душе рост влияния Франции в Центральной и Восточной Европе. Они не хотели способствовать его дальнейшему распространению. Наряду с этим империалисты США и Англии не могли не считаться с тем, что их участие в вооруженной интервенции против советской республики вызовет возмущение американского и английского рабочего класса, недовольство солдат собственных армий. Они боялись, что поход против диктатуры пролетариата в Венгрии выйдет за рамки так называемой полицейской акции и приведет к длительной войне с неизвестными последствиями. Эти опасения нашли свое выражение в меморандуме американского генерала Ташкера Н. Блисс Вильсону. Он писал: «Если мы присоединимся к попытке остальных великих государств заставить вооруженным путем Венгрию, которую поддерживает Россия, принять их требования, мы окажемся втянутыми в огромную по масштабам и неопределенную по времени войну».

Удручающе на глав англосаксонских государств подействовал тот факт, что Венгерская советская республика появилась на свет не вследствие вооруженного восстания, а была рождена мирным путем и поддерживается подавляющим большинством народа. При таких обстоятельствах вооруженное нападение Антанты могло бы развеять миф, который старался создать вокруг своей личности Вильсон, — миф об апостоле «справедливого мира» и борце за права народов на самоопределение.

Таковы были основные причины, которые вынудили американских и английских политиков временно занять отрицательную позицию по отношению к планам вооруженного вмешательства против советской республики. Несмотря на это, на всякий случай Вильсон приостановил эвакуацию американских войск из Европы.

Из сопредельных Венгерской советской республике государств руки были связаны и у Сербско-Хорватско-Словенского королевства. В первую очередь по причине внешнеполитических противоречий с итальянцами, а также из-за трудностей внутреннего характера. Поэтому королевство не могло стать инициатором вооруженных акций, направленных против Венгерской советской республики. Югославские трудящиеся и солдаты много бед вынесли в войне, и потому им давно опротивело кровопролитие. В сербской армии и в тылу все шире и шире распространялись революционные идеи. Большую роль в этом сыграли военнопленные, вернувшиеся из России, вое-

вать против которой югославских солдат посылала в свое время Австро-Венгерская монархия.

«Вернувшиеся из России сербские военнопленные, — говорилось в донесении директории Словенского края Наркомату по военным делам от 16 апреля, — вместе с венгерскими проводят активную большевистскую агитацию как среди населения, так и среди солдат».

11 апреля группа сербских солдат в Уйсегеде бросила оружие и, прославляя диктатуру пролетариата, перешла на сторону венгров. На другой день югославские солдаты в Сегеде сложили оружие и «вместе с венграми, распевая революционные песни, прошли по улицам города... Все они в один голос заявили, что не желают больше воевать и хотят последовать примеру венгерского пролетариата».

При этих обстоятельствах у сербского правительства не было большой охоты вступать в войну против Венгерской советской республики.

Совсем иным было положение в Румынии и Чехословакии. Аппетиты господствующих классов этих двух государств еще не были удовлетворены за счет Венгрии. Они поставили своей целью захват новых территорий и новых трофеев. Разумеется, что их устремления против Венгерской советской республики в немалой степени питал страх перед тем, что диктатура пролетариата в Венгрии станет возбудителем революционного движения и в их собственных странах.

После образования Венгерской советской республики буржуазные румынское и чехословацкое правительства раструбили на всю Европу, что «агрессивные намерения» венгерской диктатуры пролетариата серьезно угрожают интересам Румынии и Чехословакии. Они распространили слух о том, что советское правительство именно с этой целью объявило всеобщую мобилизацию, в ходе которой в армию будут призваны все мужчины в возрасте от 16 до 42 лет. Румынская газета «Темпс» в номере от 30 марта сообщила, что в Трансильвании находится 6—8 венгерских дивизий и советское правительство хочет увеличить их число. Распространением лжи о серьезной опасности, угрожающей им якобы со стороны Венгерской советской республики, румынское и чехословацкое правительства намеревались убить двух зайцев: во-первых, обмануть трудящихся собственных стран и подготовить европейское общественное мнение к возможности нападения с их стороны на Венгерскую советскую республику; во-вторых, разжалобить сердца своих западных союзников

и тем самым вынудить у них как можно больше военной помощи для своих армий.

Вскоре после создания Венгерской советской республики Ллойд Джордж принял румынского премьер-министра Братиану, который выклянчил у него 100 тысяч комплектов английского военного снаряжения. 22 марта министр национальной обороны Чехословакии послал в Париж телеграмму следующего содержания: «Для ликвидации большевизма прошу прислать транспорты с оружием, особенно пулеметы, револьверы и необходимое к ним количество боеприпасов, если возможно, особым эшелоном через Германию». С аналогичной просьбой чехословацкая буржуазия обращалась и к Италии. «Чехословакия чувствует себя в опасности из-за венгерской большевистской революции и будет вынуждена вмешаться в нее», — обосновал свою просьбу чехословацкий военный атташе в Риме.

После провозглашения в Венгрии советской республики в Румынии, Чехословакии и Сербско-Хорватско-Словенском королевстве в силу вступил строгий пограничный режим. Здесь спешно приступили к усилению своих войск на демаркационной линии и начали подготовку для ведения военных действий против Венгрии.

Хотя мероприятия румынского и чехословацкого генштабов в ответ на победу диктатуры пролетариата в Венгрии и не были лишены элементов замешательства и неопределенности, но и в них проглядывают намерения организации боевых действий против Венгерской советской республики. В дни, последовавшие после 21 марта, свои мероприятия по подготовке боевых операций против Венгерской советской республики вражеские штабы обосновывали опасностью, которая якобы угрожает их странам со стороны диктатуры пролетариата в Венгрии. Позднее, когда стало ясным, что слухи о всеобщей мобилизации в Венгрии и намерениях нападения в скором времени ее войск не соответствуют действительности, военное руководство врага уже открыто заявило, что оно организует свои силы для оккупации территории Венгерской советской республики, для уничтожения гнезда большевизма в Венгрии.

Ставка румынского военного командования уже 21 марта отдала директиву главному командованию своих войск в Трансильвании о подготовке к боевым действиям против Венгерской советской республики.

В директиве ставка, в частности, информировала командующего трансильванскими войсками генерала Мардареску о том, что ею отложена запланированная ранее отправка одной из дивизий для боевых действий против Советской России и эту дивизию направляют в распоряжение Мардареску.

В подобном же духе распорядилось 22 марта и чехословацкое военное руководство. В тот же день в соответствии с распоряжением генштаба командиры дивизий дали указание офицерскому составу о полном закрытии границы и призвали быть готовыми к возможности столкновения с вооруженными силами Венгерской советской республики.

«Прошу сохранять необходимую бдительность в своих действиях. Будьте готовы к любым военным конфликтам», — телеграфировал 22 марта подчиненным частям командир 6-й чехословацкой дивизии итальянский генерал Росси.

Больше всего врагов Венгерской советской республики беспокоила возможность объединения сил русской и венгерской пролетарских армий. Это объединение в огромной степени усилило бы Венгерскую советскую республику как в военном, так и в политическом отношении и, несомненно, оказало бы довольно большое влияние на революционное движение в европейских странах, в первую очередь в Австрии.

Страх перед возможностью объединения сил двух пролетарских государств, а также империалистические, захватнические намерения чехословацкого буржуазного правительства привели к тому, что командиру 3-й дивизии французскому генералу Эннноку сразу же после образования Венгерской советской республики была поставлена задача оккупации Закарпатской Украины. Приказ по этому поводу министр национальной обороны Клофач отдал 29 марта.

О возможности объединения русской и венгерской красных армий систематически писала и западная буржуазная пресса. Интересная статья по этому вопросу появилась 8 апреля на страницах французской газеты «Л'Ом Либр» под заголовком «Объединятся ли русские и венгерские большевики?». Автор статьи доказывал в ней, что части украинских националистов не послужат надежной преградой для такого объединения. Рисуя в мрачных красках положение Румынии, он обращался к странам Антанты с просьбой начать крупное наступление на Будапешт

с юга. Основная цель статьи заключалась в подготовке общественного мнения для вооруженной интервенции против Венгерской советской республики. «...Лучшие венгерские силы находятся не там, где им следовало бы быть. Антибольшевистские силы в основном состоят из румынских частей, находящихся в Трансильвании и в Бессарабии, из французских и греческих контингентов бывшей Салоникской армии,- которая дислоцируется в районе Галац, Бухарест, Кишинев и Одесса. Французские войска оккупировали и Банат, находятся перед Темишуарами, подкрепленные сербами, пехота которых располагается в Оршове, а кавалерия — в Сегеде.

Таким образом, положение Румынии в случае нанесения концентрического удара венгров, украинцев и большевиков, может стать довольно серьезным. Несомненно, наши храбрые союзники ослабят удар Красной Армии с севера, у Днестра. Однако эта линия может измениться из-за объединения большевистских войск венгров и русских в Карпатах, и тогда долина реки Прут может стать путем для продвижения максималистских орд, пока венгры будут атаковать румынские войска в долине рек Марош и Самош... Французские войска у Темишуар действительно находятся в выгодном положении для начала наступления против правого крыла венгерской армии, с тем чтобы отрезать ее от Будапешта еще до того, как она соединится с русскими. Эта инициатива послужила бы сигналом к наступлению союзных армий, стоящих наготове на итальянской границе».

Первое время американская и английская делегации на Парижской конференции не давали своего согласия па организацию французами, румынами и чехословаками нападения против Венгерской советской республики. 30 марта по предложению Ллойд Джорджа Совет четырех принял решение послать в Венгрию делегацию во главе с английским генералом Смэтсом, в составе американских, английских, французских и итальянских представителей, с целью вступить в переговоры с венгерским советским правительством для более основательного выяснения положения в Венгрии.

Такой поворот событий привел в замешательство французскую ставку в Белграде. Действительно, для Антанты создалось бы довольно неудобное положение, если бы до или во время этих переговоров румынские или чехословацкие войска начали военные действия против советской республики. Французы были вынуждены на время при-

остановить акции, в проведении которых еще несколько дней назад торопили румын и чехословаков.

2 апреля полковник Димитриу послал в Бухарест телеграмму следующего содержания: «Французскому командованию сообщено, что завтра, 3 апреля, румынские войска в Трансильвании начнут наступательные действия с целью захвата новой демаркационной линии. Генерал де Лобит, командующий армией на территории Венгрии, просит нас не предпринимать ничего такого, что возбудило бы национальные чувства венгров. Дела, как он выразился, идут своим чередом, и представляется возможность покончить с венграми, по возможности, без особого шума, с тем чтобы все внимание обратить на Россию, которая представляет намного большую опасность. В связи с этим генерал де Лобит просит как можно скорее сообщить ему, был ли отдан приказ о наступлении. И, в случае утвердительного ответа, распространяется ли этот приказ на Трансильванию; и если дела обстоят именно так, то это распоряжение нужно отменить».

Возглавляемая Смэтсом делегация 4 апреля прибыла в Будапешт. После информации, полученной от руководителей миссии стран Антанты, Смэтс передал представителям советского правительства ноту, содержащую требования Антанты. Эти требования были во многих отношениях умереннее, чем те, что содержались в ноте, переданной подполковником Виксом 20 марта 1919 года. Линия, на которую по предложению Смэтса должны были отведены венгерские войска, проходила примерно на 25 километров восточнее. А граница районов, оккупированных румынскими войсками, пролегала на 70—80 километров восточнее предыдущей. Оккупацию нейтральной зоны между румынскими и венгерскими войсками должны были обеспечить части английской, французской, итальянской и американской армий. В случае принятия требований Антанты открывались перспективы снятия блокады с Венгерской советской республики, приглашения ее представителей на заседания по подготовке мирного договора.

Однако эта нота отнюдь не означала решающего сдвига в требованиях Антанты: изоляции Венгрии на востоке. Несмотря на это, уже сам факт посылки в Венгрию делегации во главе с авторитетным английским генералом, содержавшиеся в требованиях Смэтса уступки, по сравнению с нотой Викса, объективно содействовали укреплению авторитета советской республики, показав, что Ан-

Антанта вынуждена принять всерьез существование диктатуры пролетариата в Венгрии.

5 апреля советское правительство дало ответ на ноту Антанты. В нем говорилось, что венгерское правительство настаивает на том, чтобы румынские войска были отведены за линию, определенную Белградским соглашением о перемирии 1918 года, а нейтральная зона оставалась бы под юрисдикцией конституции и законов Венгерской советской республики. Помимо этого в ответе содержались менее значительные требования экономического и дипломатического характера. По всем остальным пунктам требования Антанты принимались советским правительством Венгрии.

Смэтс не принял ответа Революционного правительственного совета. Однако в донесении, отправленном в Париж, он не поддержал позиции агрессивных кругов. «Если мы будем обращаться с Венгрией по-умному, — писал Смэтс, — то я не считаю, по имеющимся у меня данным, что она оказалась бы потерянной для союзных государств. Из оценки обстановки у меня складывается убеждение, что самое умное, если бы мы не настаивали на выполнении отдельных, менее значительных пунктов соглашения о перемирии, а, выслушав мнение венгров в Париже, тем или иным путем окончательно урегулировали бы вопрос о политических границах».

Как и на каком основании Смэтс пришел к выводу, что в случае обращения с Венгрией «по-умному» ее можно «спасти» для союзных стран, не трудно установить из тех заявлений, которые генерал сделал после отъезда из Будапешта в беседе с тогдашним президентом Чехословацкой республики Масариком.

«Положение в Венгрии сложилось следующее: у правительства нет власти. Имеется две партии — социалистическая и коммунистическая», — сформулировал Смэтс свой вывод на основе сведений, собранных в Будапеште. Что касается отсутствия власти у советского правительства, то в этом Смэтс сильно ошибался. В это время правительство крепко держало власть в своих руках. К этому ошибочному выводу Смэтс и его компания пришли потому, что именно в день их прибытия в Будапешт в Будайской крепости состоялись демонстрация против Поганя и избиение Бема. Эта демонстрация и была расценена как признак общей слабости правительства. Более существенным, однако, был вывод о том, что в Венгрии две партии: социалистическая и коммунистическая. Этот вывод Смэтс

сделал в ходе переговоров с руководителями миссий стран Антанты в Будапеште. Из приобретенного им ранее опыта общения с правыми лидерами социал-демократической партии, а также из бесед, проведенных после провозглашения диктатуры пролетариата с правыми соцдемами, занимавшими руководящие посты в советской республике, стало ясно, что значительная часть соцдемовского руководства была вынуждена признать диктатуру пролетариата лишь под влиянием сложившихся обстоятельств, то есть вопреки своим желаниям.

Вернувшись из Венгрии, Смэтс стал придерживаться взглядов, по которым диктатура пролетариата в этой стране может быть свергнута «мирным» путем, опираясь на внутренних врагов советской республики, без попыток открытого применения вооруженного насилия. В подобном духе на руководителей американской миссии в Париже влияли донесения американского агента в Будапеште Брауна.

В первые дни после провозглашения советской республики в Венгрии Браун настаивал на необходимости военной интервенции, предлагая оккупировать Венгрию американскими и английскими войсками. Однако несколько позже он изменил свою точку зрения, считая, что для Антанты было бы более выгодно ликвидировать диктатуру пролетариата изнутри, с помощью правых социал-демократов. «Интервенция с военной точки зрения, возможно, прошла бы легко, если ее осуществить толково. Но может ли военная интервенция до конца ликвидировать социалистическое правительство? Сомневаюсь», — писал Браун в одном из донесений, развивая мысль о целесообразности ликвидации советской республики дипломатическими и политическими средствами.

На основе донесения Смэтса правительству Венгрии было направлено приглашение на мирную конференцию, но оно уже не попало в Будапешт. Вскоре создалась новая обстановка, которая изменила решение Антанты.

Политические и военные круги Франции не одобряли такого хода событий. В делегации, которую возглавлял Смэтс, французы играли второстепенную роль, и им было ясно, что переговоры с советской республикой лишь увеличат влияние и укрепят авторитет англо-американцев в Венгрии. Достижение же собственных империалистических целей они считали возможным только в том случае, если Венгрия будет оккупирована французскими, а также находившимися под их командованием румынскими и че-

хословацкими войсками. Поскольку французы располагали сведениями о слабости Красной армии, то они решили внезапным нападением за короткое время покончить с советской республикой, а уже затем поставить своих союзников перед свершившимся фактом.

После поездки Смэтса в Венгрию французский генштаб приступил к подготовке интервенции против советской республики. Как явствует из различных документов, нападение планировалось осуществить с привлечением румынских, чехословацких и югославских войск в период между 15 и 20 апреля.

7 апреля министр национальной обороны Чехословакии отдал приказ о подготовке нападения на советскую Венгрию. «Наступление начнется в ближайшие дни, — говорилось в приказе, — к вновь установленным на бывшей территории Венгрии границам, которые признаны Чехословацкой республикой как временные границы».

Деятельность тех, кто готовил нападение против Венгрии, в некоторой степени ограничивалась тем, что на Парижской мирной конференции еще не было единого мнения по вопросу вооруженного вмешательства в дела Венгрии. 8 апреля ставка верховного командования Франции официально сообщила министру национальной обороны Чехословакии о том, что армия Франше д'Эспери на некоторое время остается в обороне; чехословацкому военному руководству было рекомендовано вести себя подобным же образом. В приказе Клофача от 10 апреля особое внимание командиров словацких частей обращено на то, что подготовка к нападению должна осуществляться втайне.

Румынский генштаб свою работу по подготовке нападения на Венгерскую советскую республику проводил в условиях более благоприятных, чем чехи. Румынские силы в Трансильвании были более значительными, чем войска, которыми располагал Клофач на территории Словакии. Румынская армия имела свой хорошо подготовленный офицерский корпус, и дело с ее оснащением обстояло лучше, чем у чехословацкой армии. Румыния получила от Антанты в большом количестве продовольствие, снаряжение для армии и другие военные материалы.

«Если быть откровенными, то нужно признать, что без этой помощи, которая тогда явилась для нас единственно возможным источником, во многих районах страны наступил бы голод ... и военный поход против Венгрии мы не

смогли бы начать при выгодных для нас условиях», — писал в своей книге один из румынских дипломатов.

Французы хорошо знали, что в данной обстановке наиболее успешного выступления против Венгерской советской республики можно ожидать от румынской армии. Поэтому втайне они подстрекали румынский генштаб к нападению на Венгрию.

В Бухаресте знали о линии генерала Франше д'Эспери, который советовал, чтобы «мы не медлили с захватом Будапешта».

8 апреля Франше д'Эспери прибыл в Бухарест, чтобы принять участие в подготовке нападения на Венгерскую советскую республику. Через два дня, 10 апреля, коронный совет Румынии принял решение о таком нападении. Начальник генштаба румынской армии Пресан 11 апреля ознакомил генерала Мардареску с планами боевых действий, одновременно поручив ему, как главнокомандующему румынскими вооруженными силами в Трансильвании, подготовиться и осуществить нападение на Венгерскую советскую республику. Учитывая, что перегруппировка войск и их выдвижение для ведения боевых действий не потребуют много времени, подготовка к нападению продвигалась быстро. Через несколько дней все было готово для начала агрессивной войны против советской республики.

«Все было подготовлено... В сопровождении генерала Мосону сам эрцгерцог Кароль также интересовался состоянием всего фронта. Мы ждали лишь команды, чтобы привести нашу военную машину в движение...»

Таким образом, румынский генштаб задолго до нападения на советскую республику детально разработал его план. Однако, с одной стороны, для обмана общественного мнения, с другой — с целью одобрения своих действий англо-американскими союзниками, румынское военно-политическое руководство хотело обставить свою агрессию так, чтобы она выглядела как противодействие, вызванное якобы провокационными действиями венгерских войск. Этой цели служила и телеграмма генерала Бертело, посланная 16 апреля Пресану, в которой тот, передавая привет от своих вышестоящих начальников в Париже, писал: «...Румыны имеют полное право в случае нападения венгров отбить его наступательными действиями и с целью захвата определенного для них рубежа продвинуться до восточной границы нейтральной полосы».

В истории агрессии этот метод, когда агрессор обвиняет страну, на которую он сам же напал, в провокации столкновения, хорошо известен. Румынский контрреволюционный господствующий класс использовал эту хорошо испытанную практику в нападении против Венгерской советской республики.

В приказе о нападении на советскую республику, отправленном Пресаном командованию трансильванских войск, уже в открытой форме было сформулировано то, что втайне разрабатывали румынские господствующие классы, готовясь к нападению на диктатуру пролетариата в Венгрии. И здесь не отказались от фарисейской фразы «постоянные нападения венгров». Но наряду с этим в нем были раскрыты и те глубоко скрытые причины (разумеется, сформулированные по вкусу румынских бояр), которые подтолкнули румынское правительство к такому нападению: страх перед распространением коммунистических идей и боязнь, что венгерский пример найдет своих последователей как среди румынских трудящихся, так и в армии.

«...Учитывая, что венгры, во-первых, своими постоянными нападениями на наши войска нарушают решения, принятые по соглашению о перемирии, с которыми они выразили согласие, и, во-вторых, своей большевистской пропагандой хотят склонить на сторону большевизма наши войска и партийных активистов и в конечном счете подбить население неоккупированной части территории к террору, приказываю: командованию трансильванских войск вывести свои части на западные склоны гор и овладеть районом Кёрёш и Мармарош... Операцию провести в самое кратчайшее время, неожиданно и энергично».

НАЧАЛО НАПАДЕНИЯ

К началу вооруженной интервенции против советской республики 16 апреля 1919 года соотношение сил Красной армии и противостоящих ей вражеских войск было крайне невыгодным для диктатуры пролетариата в Венгрии.

На Северном фронте трем дивизиям Красной армии, которые, вместе взятые, насчитывали всего 28 батальонов и 14 батарей, в Словакии противостояли четыре дивизии (3, 4, 6 и 7-я) и четыре отдельные бригады (1, 2, 3 и 4-я). Их силы составляли 85 батальонов и 24 батареи.

Таким образом, чехословацкая армия в Словакии имела перед венгерскими войсками трехкратное превосходство по пехоте и почти двойное по артиллерии.

На Восточном фронте против двух дивизий и отдельной бригады, располагавших 34 батальонами и 16 батареями, действовали шесть румынских пехотных и одна кавалерийская дивизии, а также один усиленный отряд особого назначения. Они имели 64 батальона, 28 кавэскадронов и 48 артбатарей. Исходя из численности пехотных батальонов, включая и кавалерию, румыны имели более чем двойное превосходство над венграми в живой силе. А румынская артиллерия по количеству стволов превосходила венгерскую в три раза.

На Южном фронте венгерская Красная армия против своих 11 боеспособных батальонов и 4 батарей имела на французском участке две пехотные и одну кавалерийскую дивизии, на югославском участке — одну пехотную и одну кавалерийскую дивизии. Превосходство врага на этом фронте, принимая во внимание только дивизии первого эшелона, было более чем в шесть раз.

Таким образом, враги Венгерской советской республики располагали подавляющим превосходством в силах и средствах.

При таких обстоятельствах нападающие имели преимущества даже в том случае, если бы венгерская Красная армия уже представляла собой дисциплинированную, боеспособную вооруженную силу, которая могла бы в этой обстановке оказать упорное сопротивление врагу. Однако в тот момент венгерская Красная армия лишь называлась армией диктатуры пролетариата.

Для нападения на советскую республику румынские войска в Трансильвании были объединены в две группы. Северная группа, которой командовал генерал Траян Мосоину, состояла из трех пехотных (6, 7 и 16-я), 2-й кавалерийской дивизий и смешанного особого отряда генерала Олтяну. Южная группа находилась в непосредственном подчинении главного командования румынских войск в Трансильвании. Она состояла из 1-й и 2-й егерских, а также из 18-й пехотной дивизий.

Обе наступающие группы располагались в три эшелона. В первый вошли особый отряд Олтяну, 6-я и 7-я пехотные, а также 2-я кавалерийская дивизии. Во второй эшелон в качестве резерва Северной группы вошла 16-я пехотная дивизия, а 1-я егерская дивизия составила здесь резерв Южной группы. В тылу этих групп войск в ка-

честве резерва главного командования разместилась 18-я дивизия.

По планам главного командования румын, ближайшей задачей наступающих являлось преодоление горного хребта, окаймлявшего Трансильванию с запада, и занятие линии Сатмарнемети, Надькарой, Надьварад, Надьсалонта. Дальнейшая задача: выход на линию Вашарошнамень, Дебрецен, Орошхаза, Сегед.

Выполнение поставленных задач прежде всего зависело от Северной группы, а внутри ее — от успеха действовавшей на главном направлении 7-й дивизии.

Наступление началось по всему фронту 16 апреля на рассвете, в 3 часа 15 минут.

Нападение румынских войск в определенном отношении подействовало ошеломляюще на предательское руководство Секейского особого отряда. Картохвил надеялся, что румынское военное руководство примет его предложения и привлечет отряд к нападению против диктатуры венгерского пролетариата. Наступление румынских войск показало, что их командование не приняло помощи предателей. В этой обстановке Картохвил решил отвести войска, не оказывая врагу особого сопротивления. Утром, в 10 часов, он отдал приказ о начале всеобщего отступления. Преступный замысел предателя характеризует и тот «аргумент», которым он пытался позднее объяснить свое решение: «...Румыны напали! В этот момент я вновь оказался перед необходимостью принятия трудного и ответственного решения: трансильванские части Секейской дивизии не были красными войсками. Эти части я хотел направить против диктатуры пролетариата, но это стало невозможно, поскольку румыны осуществили нападение. Если бы я отбил нападение румын на линии Чуча, Мармарош, тогда Секейская дивизия и трансильванские части... превратились бы в защитников диктатуры пролетариата. Тем самым они зря пролили бы кровь секеев — трансильванских венгров. Чувствуя всю тяжесть ответственности, я и решил постепенно ликвидировать фронт, на котором находились дивизия и трансильванские части. Я приказал избегать напрасного кровопролития, не делать попыток наступать или наносить контрудар там, где натиск румын был слишком силен, и отходить под их натиском.

В дни, последовавшие после 16 апреля, я самостоятельно принял решение отвести назад свои войска, чтобы выиграть время для ведения новых переговоров с румы-

нами. Я хотел сосредоточить части, разбросанные на участке в 150 километров по фронту, на меньшей территории, чтобы они находились в моих руках как ударная сила».

Разумеется, при соответствующем руководстве секейские части могли бы затруднить продвижение врага. Об этом свидетельствуют смелость и стойкость, которую проявили отдельные секейские части еще до отдачи приказа об отступлении. У Хадада, например, ранним утром одна из рот 24-й секейской бригады нанесла удар по вражескому батальону, двигавшемуся по шоссе без охранения, и с помощью местного венгерского населения захватила штаб батальона. Однако после получения приказа об отступлении секейские части лишь изредка оказывали сопротивление противнику.

В первый день нападения румын Секейский особый отряд отошел на 15—20 километров. Вынуждена была отступить и располагавшаяся на центральном участке Восточного фронта 39-я бригада, позициям которой в районе Чуча враг грозил обходом.

Не сумела помешать продвижению румын и 6-я дивизия. Продвижение сильных румынских частей по склонам гор, окаймляющих долину, угрожало окружением, что привело к панике, возникшей в некоторых подразделениях дивизии.

В донесении командира 6-й дивизии о настроении солдат говорилось о низком боевом духе ее частей: «В частях возникла паника. В результате три батальона, находившиеся в долине реки Кереш, беспорядочно начали отступать».

Таким образом, батальоны венгерской Красной армии не смогли оказать успешного сопротивления внезапному нападению значительно превосходящих сил противника. В этой обстановке завидную стойкость проявили личный состав 39-й бригады и команды бронепоездов, находившихся в подчинении штаба 6-й дивизии. В Чучском ущелье бронепоезд № 4 прицельным огнем своей артиллерии помешал продвижению противника, обеспечив отход своих войск. В долине реки Фехер-Кереш храбро сражалась команда бронепоезда № 8, который «успешно прикрывал своим огнем отходившие части и таким образом спас от огня противника большое количество оружия, продовольствия и т. д.» — говорилось в очередном донесении в Наркомат по военным делам.

Наступление румынских войск продолжалось и в последующие дни. Секейский особый отряд отошел назад, хотя темп наступления румынских войск отнюдь не вынуждал его к этому.

Несмотря на то что между секейскими частями и передовыми отрядами румын дело не доходило до серьезных стычек, командование особого отряда в своих донесениях в наркомат писало о «тяжелых боях и понесенных в них огромных потерях». Все это делалось для того, чтобы как-то объяснить поспешное отступление Секейского особого отряда. Одновременно командование отряда хвасталось боеспособностью и высокой дисциплиной секейских частей, с тем чтобы Наркомат по военным делам не заменил бы их другими частями и не направил бы в их распоряжение новых подкреплений, что могло бы затруднить Картохвилу осуществление своего предательства.

17 апреля офицеры некоторых частей Секейского особого отряда уже открыто приступили к контрреволюционным действиям. Они арестовали в Сатмаре всех членов Директории и начали вести себя враждебно по отношению к другим частям венгерской Красной армии. Подобные события разыгрались и в Надькароле. Здесь по приказу командира 1-й секейской бригады Пала Надь были арестованы члены Директории и Красной охраны.

Донесение о контрреволюционных действиях офицеров Секейского особого отряда Народный комиссариат по военным делам получил 17 апреля. Однако руководство наркомата не придало серьезного значения этому сигналу. Оно ничего не сделало в интересах расследования событий и предотвращения опасности, вызванной предательством Картохвила. Большинство политкомиссаров в Секейском особом отряде оказались людьми неопытными и неэнергичными. Они позволили себя провести и не раз сами способствовали сокрытию назревшего в особом отряде предательства.

Отступление Секейского особого отряда поставило в катастрофическое положение и 39-ю бригаду. Донесения об этом отходе привели в смятение как командование бригады, так и боявшихся окружения ее солдат.

Командование 39-й бригады оказалось неспособным в этой обстановке упрочить собственное положение. Оно само поддалось панике, возникшей в Надьвараде. Об этом свидетельствует донесение политкомиссара бригады, отправленное в полдень этого же дня. В нем говорилось: «Положение в Надьвараде безнадежно. Линию обо-

роны у Баратки удерживает лишь один батальон. Остальные части разбрелись и потеряли голову... Срочно нуждаемся по крайней мере в двух пехотных полках, артиллерии, пулеметах. На первое время, как минимум, необходимо: обмундирование и несколько орудий».

Противник продолжал наступать и на участке фронта, который обороняла 6-я венгерская дивизия. Деморализация войск, опасность вражеского окружения и отсутствие резервов вынудили командира дивизии отдать приказ об отводе войск на новую линию обороны.

Несомненно, 6-я дивизия могла бы оказывать противнику более упорное сопротивление, если бы ее полки были должным образом обмундированы и вооружены. На 17 апреля в штате дивизии находилось 3700 подготовленных в военном отношении солдат, но они не имели оружия.

События первых двух дней боев показали, что на Восточном фронте румыны развертывают довольно крупное наступление, которое может привести к серьезной опасности для диктатуры пролетариата в Венгрии в целом.

Народный комиссариат по военным делам принял решение оказать упорное сопротивление противнику, приказав войскам до конца удерживать линию обороны. «Для того чтобы приостановить продвижение румын, — говорилось в его распоряжении от 17 апреля, — необходимо все свободные силы сосредоточить в районе Эрмихайфалва, Надькарой с целью нанесения контрудара.

Командиры и политкомиссары имеют все полномочия для того, чтобы строжайшими требованиями поддерживать в войсках высокую дисциплину и, в случае необходимости, применять меры устрашения».

Прежде всего было отдано распоряжение направить в Беретьоуйфалу и Надькарой два батальона 21-го секейского полка, находившегося в резерве. Одновременно из Будапешта на Восточный фронт было отправлено два батальона 2-го интернационального полка. Командование 19-й группы в Дьере получило указание немедленно привести в боевую готовность 4—5 батальонов для отправки их на Восточный фронт. Помимо этого были отданы распоряжения о переброске туда же еще большего количества батальонов из Будапешта, с чехословацкого и французско-югославского фронтов. Из них 14 батальонов и 5 батарей направлялись в район Эрмихайфалва и Надькарой, где планировалось создание группировки сил. Решение Наркомата по военным делам было правильным, не-

смотря на то что из-за последовавших затем событий на фронте наркомат все-таки не смог выполнить своих замыслов. Ему было неизвестно, что командование Секейского особого отряда вообще не стремилось остановить продвижение румынских войск. И еще до прибытия этих батальонов в указанный выше район особый отряд Картохвила далеко отошел за линию, на которой было запланировано сосредоточение войск.

Боевые действия, которые велись после 16 марта, явились для руководства Венгерской советской республики тяжелым уроком.

В ходе боев стало ясно, что старая армия, которую, по сути дела, всего лишь «перекрестили» в Красную армию, ни по своим боевым возможностям, ни тем более по духу не годится для защиты диктатуры пролетариата.

18 апреля Революционный правительственный совет вплотную занялся положением, которое сложилось вследствие нападения на страну румынских империалистов.

В тех условиях было трудно прийти к правильному в стратегическом отношении решению. Руководители Венгерской советской республики не могли предугадать, что наступление крупных сил румынских войск не повлечет за собой участия в нападении французской, югославской и чехословацкой армий. Поскольку Наркомат по военным делам не располагал нужными резервами, необходимо было быстро перебросить подкрепление на Восточный фронт с других фронтов, в частности, с тех, где республике угрожали французы, югославы и чехословаки. А в случае перехода их в наступление остановить его ослабленными силами, что, собственно, становилось неразрешимой задачей.

И все же Революционный правительственный совет принял довольно смелое, но правильное, с учетом уроков, извлеченных из прошедших событий, решение: бросить все силы, которые только можно снять с других фронтов, против наиболее опасной, угрожающей самому существованию советской республики румынской королевской армии.

В Революционном правительственном совете имели место и такие взгляды, из которых следовало, что даже после нападения румынских войск необходимо было бы сосредоточить основные силы не для упрочения Восточного фронта и задержания наступления противника, а для перехода Красной армии в наступление против французских и югославских войск, то есть «для разжигания по-

жара революционной войны» в южном направлении. 18 апреля на заседании Революционного правительственного совета такой план предложил Ене Ландлер. При этом он надеялся на то, что расширение масштабов войны приведет к дальнейшему обострению классовой борьбы в империалистических государствах, а это в свою очередь создаст возможность подготовки революционных сил, прежде всего в Австрии, которые-де в последующем предпримут решительные шаги для оказания помощи Венгерской советской республике.

Принятие такого плана, несомненно, привело бы венгерскую Красную армию к необходимости одновременно вступить в единоборство со всеми буржуазными армиями, стоящими у границ советской республики. Это противоборство, имея в виду огромное превосходство сил противника, неминуемо привело бы к быстрому падению советской республики, задолго до того, как надежды Ландлера на подъем революционного движения в Европе дали бы свои результаты.

Бела Кун выступил против предложения Ландлера, подчеркнув, что первостепенная задача, которую требует решить создавшаяся обстановка, заключается в том, чтобы в первую очередь остановить наступление румынских войск.

«Ныпе бессмысленно провоцировать Антанту. Теперь нужно показать, что мы сможем остановить румынское наступление. До тех пор пока нет необходимости в сомнительных шагах, мы их не будем делать. Мы не сможем организовать успешного наступления в южном направлении. Движением военного характера нельзя повлиять на Австрию», — сказал Бела Кун в ответе Ене Ландлеру.

18 апреля на заседании Революционного правительственного совета было принято решение не довольствоваться переброской частей в Затисье с других фронтов, а обратиться с призывом к пролетариату Венгрии; ускорив темпы вербовки, усилить Красную армию формированием новых рабочих частей и подразделений. Было решено также послать на важнейшие участки фронта народных комиссаров.

19 апреля на заседании Будапештского центрального совета рабочих и солдат Бела Кун, рисуя тяжелую военную обстановку в Венгерской советской республике, говорил, что судьба диктатуры пролетариата зависит от готовности пролетариата пойти па жертвы и от его стойкости в бою.

«Первейшая задача состоит в том, чтобы послать на фронт всех тех, без кого можно обойтись здесь, в Будапеште, без кого можно обойтись в центральном аппарате, послать на фронт каждого пролетария, каждого представителя пролетариата», — подчеркнул в своем выступлении Бела Куп [1].

На этом же заседании было принято постановление об отправке на фронт половины членов правительственного и рабочего советов, а также половины всего рабочего класса страны. Проверку исполнения этого решения поручили Революционному правительственному совету, который вместе с социалистической рабочей партией, Советом рабочих и солдат обратился к рабочему классу Венгрии с призывом, который начинался следующими словами: «Революция в опасности! Рабочие! Товарищи! Победоносная революция рабочих, крестьян и солдат обращается к вам с призывом: вооружайтесь! Готовьтесь к защите пролетарской революции, на которую напали враги, к ее дальнейшему развитию и укреплению, с тем чтобы эта революция могла дать все, что нужно для построения социализма и окончательного упрочения власти пролетариев.

...Сегодня дело диктатуры пролетариата, социализма, международную революцию нужно защищать на демаркационных линиях. Поэтому, братья пролетарии, через нас, а также через Революционный совет рабочих и солдат находящаяся в опасности Революция, на которую напал враг, призывает вас добровольно вступать в Красную армию. Внемлите не только нашим словам, но и словам всех революционно и социалистически настроенных людей и вместе с ними в массовом порядке вступайте в Красную армию, которая борется под знаменем международной, победоносной Революции», — говорилось в обращении.

20 апреля, в пасхальное воскресенье, большая часть народных комиссаров и членов секретариата социалистической партии выехала в провинцию. Там на митингах они рассказывали трудящимся об опасности, которая угрожает диктатуре пролетариата, и призывали их вступать в Красную армию.

В Дьере массовый митинг успешно провел Тибор Самуэли. «Венгерскому пролетариату угрожает опасность!—

---

[1] Куп Бела. Избранное. О Венгерской советской республике, с. 42.

говорил он на этом митинге. — Румынские бояре-империалисты объявили войну Венгерской советской республике. Мы не можем приукрашивать или замалчивать тот факт, что часть наших войск на румынском фронте не выполнила своего пролетарского долга. Эту часть наших войск нужно отозвать, а вместо нее послать на фронт сформированные из рабочих части и подразделения. Нужно сломить натиск контрреволюционеров, с тем чтобы не была восстановлена власть капитала, а мы сами снова не стали бы в тысячу раз сильнее угнетенными, чем раньше. На вас смотрит пролетариат всего мира!..»

На призыв «К оружию!» трудящиеся Будапешта и крупных городов на периферии ответили массовым вступлением в ряды Красной армии. О горячей поддержке венгерским рабочим классом диктатуры пролетариата, его революционном подъеме свидетельствуют и решения, которые были приняты в те дни по всей стране трудящимися фабрик и заводов.

«Мы, нижеподписавшиеся организованные рабочие,— писали будапештские трудящиеся, — вступаем в Красную армию и готовы в любой момент по ее призыву отправиться на фронт, а там, если нужно, ценой своей жизни защищать пролетарскую власть. Это мы делаем во имя лучшего будущего человечества, наших семей и нас самих. Мы готовы и к тому, чтобы, не щадя жизни, защищать власть трудящихся, если против нее выступит контрреволюция, организованная буржуазией, здесь, в нашей стране».

Группа доверенных Чепельского завода боеприпасов в своем решении, принятом на заседании 21 апреля, записала, что она «единогласно и с большим воодушевлением высказалась за то, чтобы в каждом цехе Чепельского завода, где производится не военная, а какая-либо другая продукция, прекратить производство, а в цехах, производящих военное снаряжение, занять лишь самое необходимое число рабочих. Высвободившихся таким образом товарищей обязать вступить в Красную армию». Группа доверенных заявляет, что, пока не отпала необходимость в производстве военного снаряжения, она повременит с введением восьмичасового рабочего дня и меньшим числом рабочих, не снижая, а повышая темпы, будет производить и впредь необходимое количество военной продукции.

Молодежь и пожилые рабочие, переживая чувство огромного воодушевления, спешили встать под боевые

знамена Красной армии. Организация студентов и рабочей молодежи в Уйпеште в полном составе вступила в ряды Красной армии. Их примеру последовала и молодежь, которая группировалась вокруг «Кружка Галилея» [1].

Молодежный отдел профсоюза венгерских учителей также принял решение о том, что члены их профсоюза вступят в Красную армию и «исключат из своих рядов каждого, кто попытается увильнуть от выполнения этого долга».

Замечательным примером любви к социалистической родине прозвучал призыв на митинге по вербовке добровольцев пожилого кузнеца-котельщика с машиностроительного завода МАВАГ: «Мне пятьдесят один год, но когда речь идет о том, быть рабочему рабом или освободиться силой оружия, тут раздумывать нельзя ни минуты. Пойдемте со мной, мои молодые товарищи!»

Призыв к рабочему классу ускорил формирование рабочих частей и подразделений.

Разумеется, события в Будапеште и других городах страны не могли сразу оказать своего влияния на происходящие на фронте события.

Предательское командование Секейского особого отряда продолжало отводить свои войска. Преследуя их, румынские части 19 апреля заняли Сатмарнемети (Орад), а на другой день — Эрмихайфалву.

Картохвил сосредоточивал свои войска на территории южнее Тисы и западнее канала Красна. В тот день командование отряда послало с захваченным в плен румынским майором парламентеров к румынскому военному командованию с предложением продолжить переговоры об условиях капитуляции. С этого момента большая часть Секейского особого отряда, по существу, уже прекратила какие-либо боевые действия против врага. Прекратилось и поступление информации о положении особого отряда в наркомат. Теперь ее приходилось получать через действовавшую по соседству с особым отрядом 5-ю дивизию.

Первые дивизии резерва, направленные в соответствии с распоряжением Наркомата по военным делам в Эрмихайфалву и Надькарой, встретились с частями отступавшего Секейского особого отряда. На бойцов ошеломляюще подействовало быстрое отступление хорошо во-

---

[1] Организация прогрессивной студенческой молодежи, созданная в 1908 г. в Венгрии. — *Прим. авт.*

оруженного особого отряда, которого к этому вовсе не вынуждала боевая обстановка. Из-за предательского поведения подразделений Секейского особого отряда с некоторыми его подразделениями произошли вооруженные столкновения частей Красной армии, в ходе которых пришлось разоружать бойцов-секеев, обманутых предателями-офицерами. В это время и в Будапеште начали говорить о предательстве командования и некоторых частей Секейского особого отряда. По отношению к нему возникло недоверие в Революционном правительственном совете и в рядах частей Красной армии, воевавших за Тисой. Находившийся там Вильмош Бем не хотел подтверждать известия о предательском поведении командования особого отряда. Бем думал, что националистическое руководство отряда можно отнести к числу самоотверженных защитников страны, которые будут стремиться во что бы то ни стало отбросить румынские войска назад. Плохо понимая природу буржуазного национализма, Бем считал, что речь идет о каких-то неувязках, значение которых коммунисты слишком преувеличивают, и их можно ликвидировать выражением полного доверия к командованию особого отряда. Несомненно, Бем несет ответственность за то, что, выступая против выражения законного недоверия командованию Секейского особого отряда, он тем самым способствовал Картохвилу беспрепятственно продолжать свою предательскую деятельность.

Тяжелая обстановка сложилась и на участке обороны 39-й бригады. Отступление ее частей становилось все более беспорядочным. Бойцы оставляли на поле боя оружие, даже часть артиллерии.

Командование Дебреценского военного округа выслало в распоряжение 39-й бригады для укрепления линии фронта перед Надьварадом 1200 бойцов из Красной охраны. Большая их часть до событий 21 марта были полицейскими или жандармами, и потому, естественно, они не собирались защищать диктатуру пролетариата. Вечером 18 апреля в Дебрецене 510 красных охранников отказались выполнить приказ и отправиться на фронт. Мятежников разоружили батальоны 2-го интернационального полка, который располагался в городе.

Положение усугублялось еще и тем, что само командование 39-й бригады не очень-то заботилось об организации прочной обороны. Подобно командованию Секейского особого отряда, оно не желало воевать за «красную» Венгрию. 20 апреля, когда главные силы 6-й румынской

дивизии вступили в Надьварад, командование бригады исчезло. По распространенным в то время слухам, оно попало в плен; в действительности же командование бригады просто-напросто сдалось на милость победителя. Оставшиеся без командования части бригады в беспорядке отступили к Дебрецену и частично к Бёретьоуйфалу.

Оголение фронта на участке 39-й бригады создало угрожающее положение для главного города в Затисье— Дебрецена. Наркомат по военным делам назначил начальником военного округа в Дебрецене Шарои-Сабо, которого многие знали как капитана старой, австро-венгерской армии, как энергичного человека и коммуниста. Шарои-Сабо старался навести порядок среди возникшего хаоса. На защиту Дебрецена им было послано две тысячи вооруженных рабочих — членов партии и профсоюза.

В период между 18 и 20 апреля на участке фронта, обороняемом 6-й дивизией Красной армии, наступило относительное затишье, хотя противник медленно, но все же продолжал наступать.

Командование дивизии приложило все силы для укрепления боевого духа солдат. Однако из-за недостатка вооружения и отчасти из-за неспособности младшего командного состава оно не достигло желаемых результатов.

«Боеспособность частей невысокая. Солдаты рвутся в отпуск и не хотят воевать. Часто бывают случаи, когда из состава взводов и рот, выставленных в охранение, назад возвращается лишь половина личного состава, а остальные разбегаются», — доносил о настроениях бойцов командир дивизии. Несмотря на слабость боевого духа солдат, командование все же стремилось сохранить сплоченность личного состава. Оно надеялось, что позднее сумеет сколотить пока еще не способные для ведения серьезных боевых действий, недисциплинированные части. И эта надежда имела под собой реальную почву. Об этом свидетельствуют те успехи, которых добилась 6-я дивизия в боях с врагом несколько позднее, в первой половине мая.

Уже 19 апреля стало совершенно ясно, что решение Наркомата по военным делам от 17 апреля относительно сосредоточения сил в районе Эрмихайфалва, Надькарой из-за отступления Секейского особого отряда неосуществимо. Тогда-то и появился новый замысел для нанесения контрудара. Он предусматривал сосредоточить снятые с других фронтов резервы в районе Дебрецена и Ньиредьхазы.

Наркомат по военным делам планировал собрать воедино посланные в Затисье резервы следующим образом: в Дебрецене и его окрестностях 4-ю дивизию с восьмью батальонами и восьмью артбатареями; в Ньиредьхазе и ее окрестностях — 1-ю дивизию с одиннадцатью батальонами и тремя артбатареями. Однако вскоре стало ясно, что развернувшиеся события обрекли и эти планы на неудачу.

ПОПЫТКА УКРЕПЛЕНИЯ ФРОНТА

Опыт первых дней боев после нападения армии боярской Румынии на Венгрию показал, что Народный комиссариат по военным делам не может руководить войсками, их боевыми действиями с высоты Крепостной горы в Будапеште. Он отставал от событий, к тому же и информация о них часто бывала неточной. Поэтому наркомат не всегда стремился к отдаче решительных приказов, а его директивы, как правило, носили общий характер.

По предложению Белы Куна Революционный правительственный совет принял постановление о создании командования армии непосредственно для руководства частями, которые вели боевые действия за Тисой.

В Революционном правительственном совете возник спор относительно лица, которое должно было возглавить это командование в Затисье. Коммунисты хотели назначения командующим армией Тибора Самуэли, революционный опыт которого, решительность и отличные организаторские способности делали его наиболее подходящей фигурой для выполнения этих функций. Однако правые социал-демократы резко выступили против кандидатуры Самуэли, угрожая подать в отставку в случае его назначения. Они хотели доверить армию Вильмошу Бему. Коммунистические руководители, боясь нарушить единство партии в тяжелой для диктатуры пролетариата обстановке, в конце концов уступили требованиям правых социал-демократов, командующим войсками Красной армии в Затисье был назначен Бем. Сам он, находясь там в те дни, вначале не хотел занимать эту должность и принял ее только после того, как его товарищи по партии сообщили, что, если он отклонит их предложение, командующим армией станет Тибор Самуэли.

Слабо подготовленный в военном отношении, Бем, разумеется, мог выполнять свои обязанности лишь в том случае, если бы оперативное руководство армией при нем

осуществлял опытный начальник штаба. Бем, в бытность военным министром буржуазного правительства, знал такого отличного военного специалиста. Им был государственный секретарь министерства Штромфельд. Именно его Бем и хотел назначить начальником штаба армии.

Штромфельд вскоре после провозглашения диктатуры пролетариата подал в отставку и вернулся в город Дьер. Когда же новое правительство хотело назначить его на ответственный пост в Народном комиссариате по военным делам, Штромфельд отклонил это предложение. Однако в тяжелый для страны час, как патриот, он почувствовал, что все свои военные знания должен отдать армии. Поэтому, когда ему предложили должность начальника штаба Восточной армии, он, не раздумывая, согласился.

20 апреля Народный комиссариат по военным делам послал в Дьер автомашину за Штромфельдом. Однако по дороге в Будапешт его машина сломалась, и Штромфельда подвез Тибор Самуэли, возвращавшийся из Дьера с митинга, в котором он участвовал.

Используя случайную встречу, Самуэли подробно проинформировал Штромфельда об обстановке, сложившейся на Восточном фронте. Ничего не скрывая, он затронул проблемы все разраставшейся в войсках анархии, недисциплинированности, отсутствия у личного состава соответствующей стойкости.

Услышанное потрясло Штромфельда. «Поездка с Самуэли причинила мне немало душевных мук, — вспоминал позднее об этом разговоре Штромфельд. — Их я не желал бы никому, даже своему врагу». Вероятно, картина, которую нарисовал Самуэли о положении в Затисье, заставила бы человека слабого отказаться от выполнения порученной ему задачи. В Штромфельде же, напротив, она еще более укрепила решение отдать все свои силы и способности, чтобы предотвратить приближавшуюся катастрофу.

После краткой информации, полученной в Народном комиссариате по военным делам, Штромфельд 21 апреля прибыл в город Сольнок. Здесь в отеле «Националь» он и приступил к формированию органов управления армии.

В Штромфельде Бем обрел идеального начальника штаба. Отличная подготовка в военном отношении, огромная работоспособность, высокий авторитет, приобретенный в годы первой мировой войны, наряду с искренним стремлением сблизиться с рабочим классом, сделали

Штромфельда среди других старших офицеров самой подходящей кандидатурой для выполнения функций начальника штаба армии.

При распределении обязанностей между Бемом и его начальником штаба практически оперативное руководство войсками Штромфельд осуществлял самостоятельно. Командующий армией осуществлял общее военно-политическое руководство и участвовал лишь в принятии важных решений.

Положение венгерской Красной армии на затисском фронте в момент создания органов управления армии оставалось довольно тяжелым. Несмотря на всю серьезность обстановки, начальник штаба считал возможным остановить наступление румынских войск, а также сделать попытку отбросить их назад. Он надеялся, что фронт можно удержать до прибытия подкрепления — частей 1-й и 4-й дивизий. В этом случае командование армии могло располагать резервами, ввод в бой которых значительно изменил бы ход дальнейших боевых действий.

Прежде всего перед командованием армии встала задача положить конец беспорядочному отступлению частей Красной армии, укрепить воинскую дисциплину в войсках, навести порядок в частях, а после соответствующей подготовки перейти в наступление и отбросить противника.

Уже вечером 21 апреля командование армии отдало первый боевой приказ. В нем говорилось: «1. Принимаю на себя командование всеми частями, находящимися на территории междуречья Тисы и Мароша. Наименование командования: командование Красной армии в Затисье. Место его размещения с 22 апреля — город Сольнок».

В том же приказе перед войсками были поставлены следующие задачи:

а) 6-й дивизии обороняться по линии реки Марош от места ее впадения в Тису до Арада с задачей воспрепятствовать продвижению противника между Арадом и реками Шебеш, Кереш.

б) Командованию Дебреценского военного округа задержать продвижение противника на рубеж Шебеш, Кереш, Нирадонь, Теглаш.

в) 1-й дивизии задержать продвижение противника к северу от линии Нирадонь, Теглаш до Тисы.

г) Командиру 4-й дивизии сосредоточить в районе Балмазуйварош особый отряд, созданный из прибываю-

щих сил, в составе трех батальонов и одной артбатареи, а основные силы, прибывшие в район Надьудвар, Пюшпекладань, привести в полную боевую готовность.

Командование армии рассматривало Секейский особый отряд из-за его постоянного отступления полностью развалившимся соединением. Поэтому командир 1-й дивизии получил задачу собрать разбросанные по фронту части и подразделения Секейского особого отряда в одном месте и принять самые энергичные меры к восстановлению боеспособности этого отряда.

Отдельным частям в приказе были определены лишь направления их боевой деятельности. Было дано указание, чтобы на главных участках фронта соприкосновение с противником поддерживали только разведотряды. Основные же силы надлежало держать в укрытии, с тем чтобы они могли в нужный момент неожиданно контратаковать противника.

При образовании командования Красной армии в Затисье ни Штромфельд, ни Бем не тешили себя надеждами за короткое время в корне изменить положение на фронте, однако, несмотря на это, они старались сделать все возможное: овладеть управлением находившимися в стадии полного развала войсками и укрепить фронт.

Последовавшие за этим события четырех-пяти дней убедили их, как и Революционный правительственный совет, что все усилия, направленные на остановку продвижения противника, наступавшего в Затисье, ведут к неминуемому краху, то есть полному перемалыванию противником советских войск.

Секейский особый отряд во главе с Картохвилом отступал к Ракамазу. Одновременно его командование старалось не выпустить из рук подчиненные ему части. Из-за отступления особого отряда правый фланг 5-й дивизии оказался полностью оголенным, и его командование было вынуждено оставить Мункач и Берегово. По той же причине и частям 41-й дивизии не удалось дождаться подхода своих отставших подразделений и должным образом подготовиться к встрече с противником. Поскольку особый отряд не обеспечил сосредоточения сил этих дивизий, их пришлось бросить в бой до приведения в полную боевую готовность. Столь тяжелое положение создалось и в районе Дебрецена. Из-за отступления Секейского особого отряда на левом крыле войск, оборонявших Дебрецен, образовалась брешь, которую командование армии не могло закрыть необходимыми для этого силами.

Дебрецен защищало всего несколько еще не имевших боевого крещения батальонов. Резервами командование Дебреценского гарнизона не располагало. Среди не обстрелянных в бою солдат при одном лишь виде превосходящих сил противника возникла паника. Лишь некоторые из бойцов вели себя достойно, а большинство, несмотря на приказ, отступало. В этих боях смертью героя пал Лео Ротцигель, руководитель австрийских воинов-интернационалистов. Его последнее, написанное перед смертью письмо — ярчайший документ международной пролетарской солидарности.

«Империалистические войска боярской Румынии приближаются, — писал он. — Завтра мы будем находиться в огне сражения. Я счастлив идти даже на смерть во имя освобождения пролетариата, счастлив и горд этим. Я с радостью пролью кровь за советскую Венгрию, которую считаю родиной международного пролетариата...»

Большой храбростью и дисциплинированностью отличились в боях за свой город дебреценские рабочие. Когда 22 апреля румынские войска приблизились к городу, их подняли по тревоге. За короткое время они были вооружены и с песнями, под звуки оркестра отправились на фронт. Рабочие сражались геройски и задержали врага до тех пор, пока регулярные войска не покинули город.

23 апреля румынские части вошли в Дебрецен.

Штромфельд не мог смириться с потерей столь важного по своему значению города. 23 апреля в телефонном разговоре с Бемом он предложил план: перебросить по железной дороге в Теглаш войска, дислоцированные в районе Ньиредьхазы, и ударом с севера или северо-востока вернуть Дебрецен. Однако до его осуществления дело не дошло, поскольку войска продолжали отступать по всему фронту. Командование соединений и частей настолько потеряло голову, что отступавшие батальоны оставили Балмазуйварош и Хайдусобосло, хотя натиск противника отнюдь не был настолько силен, чтобы принудить их к этому.

Поскольку брешь, образовавшаяся с падением Дебрецена, грозила катастрофическими последствиями, командование армии приняло меры к ее ликвидации.

В этой связи 4-я дивизия получила приказ нанести контрудар из района Пюшпекладань на Хайдусобосло. Одновременно отступавшему из района Тиса-Фюреда Шарои-Сабо было отдано распоряжение создать из остатков его части боеспособный отряд и направить его в

Балмазуйварош, чтобы заполнить стык между 4-й и 1-й дивизиями.

Контрудар, нанесенный 4-й дивизией 24 апреля, оказался успешным: удалось захватить и временно удержать в руках Хайдусобосло. Однако участвовавшие в этой небольшой операции два батальона и одна батарея изгнали из города лишь три мелких подразделения румын. Поэтому, когда им на помощь пришли свежие силы, красноармейцы не смогли сдержать натиска противника и на другой день после занятия города вынуждены были снова оставить его.

Штромфельд предпринимал новые попытки положить конец отступлению и так называемой пассивной обороне. Почти каждый его приказ дивизиям содержал требование взять инициативу в свои руки, тактикой активного сопротивления помешать продвижению противника. Однако к нужным результатам эти распоряжения не привели.

Положение командования армии усугублялось еще и тем, что подкрепления из Будапешта и других концов страны прибывали медленно и очень часто без соответствующего вооружения и оснащения. Из-за быстрого отхода войск не хватало времени для сосредоточения прибывающих на фронт батальонов и их использования крупными группами. Поэтому иногда приходилось затыкать образовавшуюся брешь одним-двумя батальонами, вводимыми в бой поодиночке. Они, разумеется, быстро перемалывались превосходящими силами противника, будучи не в силах остановить его наступление. Введение в бой подкреплений по очереди приводило к упадку боевого духа личного состава свежих батальонов, особенно после их контакта с деморализованными войсками.

26 апреля Штромфельд сделал еще одну попытку нанести контрудар по противнику с целью остановить его и вынудить отойти. Нанести контрудар было приказано частям 1-й дивизии, которая собиралась без боя сдать город Ньиредьхазу. Дивизия выполнила приказ и в результате ожесточенного боя, который длился с утра до темноты, заставила противника отступить в направлении Надькалло.

Большую роль в достигнутом успехе сыграл народный комиссар Йожеф Погань, незадолго до этого прибывший в дивизию и взявший на себя функции ее политкомиссара. Пламенные слова Поганя воодушевили солдат, да и сам он до конца боя сражался в первых рядах, лично показывая пример храбрости и отваги.

В вечерние часы, когда стало известно о победе 1-й дивизии, одержанной в районе между Ньиредьхазой и Надькалло, командование армии довело до сведения каждого командира части об успехе, поставив бойцов 1-й дивизии в пример остальным частям.

Контрудар 1-й дивизии был первым наиболее значительным успехом, которого войска Красной армии достигли за время боев с 16 апреля. Однако этот успех не мог быть продолжительным.

В тот же день контрреволюционное руководство Секейского особого отряда завершило свое предательство: отряд сложил оружие перед противником. Готовясь к этой акции, Картохвил старался соответствующим образом подготовить и рядовой состав соединения. В своем приказе от 25 апреля он утверждал, что Антанта перешла в наступление по всей линии обороны и, следовательно, дальнейшее сопротивление просто бессмысленно.

26 апреля ночью уполномоченные особого отряда подписали позорный протокол, по которому все сдавшиеся, как офицеры, так и солдаты, интернировались до окончания боевых действий против советской республики. Картохвил и его компания предпочли выбрать судьбу военнопленных в буржуазной Румынии, чем быть свободными и сражаться за Венгерскую советскую республику.

«Оружие было погружено на повозки и отправлено румынскому командованию, которое приняло его в Матесалке. В первые дни мая нас через Дебрецен отвезли по железной дороге в Брашов», — так описывал Картохвил свои «славные боевые заслуги», за которые Хорти позднее с удивительной поспешностью произвел его в генералы.

Однако предателям из командования особого отряда не удалось принудить весь личный состав к позорной капитуляции. Часть войск отряда не пожелала следовать по пути своих начальников. Эти воины-секейцы до конца участвовали в боях за советскую республику.

Те же из Секейского особого отряда, кто капитулировал, сосредоточились в Демечере, а не пожелавшие стать предателями — в районе Токая.

Только в 7 часов вечера командование армии узнало о позорной капитуляции Секейского особого отряда. Об этом из штаба 1-й дивизии доложил по телефону Йожеф Погань. Это тяжелое известие дополнили неутешительные донесения, которые командование армии получило в тот же день с других участков фронта. 4-я дивизия сда-

ла Пюшпекладань, а на участке обороны 6-й дивизии противник захватил города Бекешчабу и Бекеш.

После всего этого у Штромфельда не оставалось другого выбора, как прийти к выводу, что дальнейшее сопротивление имеющимися у него войсками в Затисье полностью бессмысленно. Поэтому нужно приступить к осуществлению созревшего ранее решения.

Это решение у командования армии сформировалось утром того дня, когда Штромфельд сообщил Народному комиссариату по военным делам, что «с войсками ничего нельзя поделать», и доложил о намерении отвести их за линию Тисы, с тем чтобы привести в порядок и укрепить дисциплину личного состава. Во второй половине дня Штромфельд принял окончательное решение: «Полная невозможность боевого использования частей вынуждает командование армии отвести части за Тису и там из этих лишь называющихся воинскими частями войск, после наведения соответствующей дисциплины и приведения личного состава в боевую готовность, сколотить силы, пригодные для ведения боя.

К востоку от Тисы, у Сольнока и Ракомаза, есть намерение оставить плацдармы для организации с них в будущем наступления, а у Тисафюреда — плацдарм для ведения арьергардных оборонительных боев. Для выполнения этого решения планируется создание следующих группировок:

6-ю дивизию использовать в районе Кечкемет, Надькереш; будапештские части — в районе Альбертирша, Цеглед; 4-ю дивизию — на участке Уйсас, Ясладань, Яношхида, Ташоселе; Секейскую дивизию — на участке Кал, Фюзешабонь; ядро 1-й дивизии — на плацдарме у Ракомаза.

На тисафюредском плацдарме использовать особый отряд Шарои-Сабо, состоящий из пяти батальонов и временно из двух артбатарей.

К выполнению этого решения приступить немедленно. Командованию армии приложить все силы, чтобы удержать в своих руках линии обороны вдоль Хортобадьского канала, к востоку от Карцаг, Туркве, Мезетур и далее на Кереш. До тех пор пока это возможно, командование армии остается в Сольноке, затем оно намерено перенести место своего пребывания в Геделле».

Этим приказом закончился второй этап боевых операций Красной армии за Тисой. Он означал, что командование армии было вынуждено временно отказаться от

территорий за Тисой. Надежды, которые возлагали руководители Красной армии, создавая командование армии, не оправдались.

В чем же причина того, что начальник штаба, который еще 21 апреля считал возможным не только задержать, но и отбросить врага назад, теперь, несколько дней спустя, сам оценил полностью безнадежными попытки удержать за собой Затисье?

Одной из главных причин, приведших к неудаче, несомненно, явилось предательство командования Секейского особого отряда. Его постоянное отступление привело к тяжелым последствиям не только тактического, но и стратегического характера, поскольку оголение левого фланга вынудило к отступлению и центр Восточной армии. Уже сам факт постоянного отхода наиболее оснащенного и боеспособного соединения деморализующе действовал на остальные части армии. Он поколебал веру в собственные силы и одновременно слишком преувеличил значение превосходства сил противника.

Наряду с предательством командования Секейского особого отряда неудачные попытки остановить продвижение противника во многом были связаны со слабостью боевого духа войск.

Народный комиссариат по военным делам до 26 апреля сумел послать на подкрепление войск Восточного фронта 30 батальонов и 10 артбатарей. При правильном использовании этих сил можно было бы в какой-то степени изменить ход событий, однако из-за быстрого отхода войск командование не имело возможности сосредоточить подкрепления, посланные на фронт. Прежде всего они поступали в распоряжение 1-й и 4-й дивизий, находившихся на передовой. Посылаемые по частям подкрепления не были настолько сильными, чтобы с их помощью можно было бы существенным образом изменить положение на фронте, благоприятно повлиять на настроения военнослужащих старых частей. Напротив, деморализация этих частей, как правило, заражала свежие подразделения, прибывшие на фронт. Примером служит случай, имевший место во 2-й роте 2-го батальона морской бригады. 22 апреля, когда батальон прибыл из Будапешта в Пюшпекладань, его командир доложил в Народный комиссариат по военным делам, что «батальон полностью надежен и его бойцы своим боевым духом заражают других». Однако паника, возникшая на следующий день в

частях, находившихся на передовой, охватила и этот батальон, что привело к потере Дебрецепа.

Отрицательно повлиял на настроения войск и недостаток в вооружении, особенно в артиллерии. Некоторые соединения, например 6-я дивизия, не располагали нужным количеством артиллерийских стволов. Организации артиллерийских частей и подразделений препятствовал недостаток не столько в орудиях, сколько в прицелах для них и в конской тяге. 21 апреля Наркомат по военным делам выделил каждой дивизии по 8 стволов 90-мм минометов, а прицелы к ним получил лишь каждый второй командир минометного расчета. Слабость дивизионной артиллерии, которая не могла противостоять хорошо оснащенной артиллерии противника, также негативно повлияла на настроения войск Восточной армии.

Не менее отрицательно влиял на боеготовность личного состава и недостаток в оснащении другими видами вооружения. Мы уже говорили об упущениях в оснащении войск, уже находившихся на Восточном фронте. С еще большими трудностями в этом отношении встретились вновь сформированные части. 26 апреля Наркомат по военным делам сообщил командованию армии об отсутствии у него возможности обеспечить вновь сформированные батальоны штатной артиллерией, необходимым количеством пулеметов и интендантского имущества. Поэтому наркомат предложил использовать эти батальоны для пополнения других частей. Хотя практически дело так и не дошло до введения этих батальонов в бой, однако стало абсолютно ясно, что в этих условиях вновь сформированные батальоны не могли оказать существенной помощи фронту. На них сказалось влияние отрицательных настроений, господствовавших на фронте.

При создании командования Восточной армии Наркомат по военным делам, как и командование армии, надеялся, что ему удастся сосредоточить в тылу силы, необходимые для успешного нанесения контрудара. Первый тяжелый удар по этим надеждам нанесла потеря Дебрецена. Для того чтобы закрыть брешь, образовавшуюся на центральном участке фронта, командование армии бросило в прорыв 4-ю дивизию. При этом оно ожидало, что этот маневр существенно улучшит положение на фронте. Постоянное отступление Секейского особого отряда, а затем его капитуляция на левом фланге фронта вынудили ввести в бой 1-ю дивизию еще до полного укомплектования ее личным составом.

Отдавая распоряжение об оставлении территории за Тисой, командование армии исходило из того, что позже будут созданы условия, необходимые для успешного нанесения контрудара по противнику. Эту операцию Штромфельд намеревался осуществить в течение короткого времени, через одну-две недели. Поэтому он распорядился сохранить у Сольнока и в Токае два плацдарма, с тем чтобы после быстрого пополнения и приведения частей в надлежащий порядок нанести с этих плацдармов концентрический удар по силам противника в Затисье.

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА В ОПАСНОСТИ

Ухудшение военного положения советской республики подняло на поверхность глубокие противоречия, которые продолжали существовать между искренними сторонниками диктатуры пролетариата и правыми социал-демократами и после объединения двух рабочих партий.

Правые социал-демократы утверждали, что эти события подтвердили правоту тех, кто считал преждевременным установление в Венгрии диктатуры пролетариата.

В профсоюзных центрах и партийных клубах, которые стали излюбленным местом встреч социал-демократической оппозиции диктатуре пролетариата, все сильнее раздавались голоса об удалении коммунистов из правительства, с тем чтобы через некоторое время восстановить в стране положение, которое существовало до 21 марта.

26 апреля подобные заявления высказывались и на заседании Революционного правительственного совета, которое было созвано по инициативе Бема. Он хотел проинформировать Революционный правительственный совет о создавшемся на Восточном фронте тяжелом положении и просить одобрения в принятии им решения об оставлении венгерскими войсками территории за Тисой. Нарисовав на базе истинного положения дел тяжелую картину состояния войск, он заявил о решении командования осуществить преднамеренный отход войск за линию Тисы. Одновременно Бем просил направить в войска группу политработников.

Выступивший на заседании заместитель председателя Революционного правительственного совета Аптал Довчак, выражая мнение правых элементов социалистической партии и руководителей профсоюзов, хотя и в замаскированной форме, говорил о необходимости ликвида-

ции диктатуры пролетариата. «Массы не настроены продолжать войну», — сказал он. Затем Довчак стал утверждать, что рабочие батальоны не хотят идти на фронт. «Если мы не можем создать соответствующей армии, нужно найти другой модус вивенди», — закончил он, перед этим снисходительно покритиковав ошибки и перегибы, которые неизбежно сопутствуют рождению нового общественного строя.

Коммунисты и левые социал-демократы выступили с критикой пораженческих настроений некоторых рабочих лидеров. «Положение таково, — отметил в своем выступлении Бела Кун, — что в партийных клубах создают пораженческие настроения... Многие еще не встали искренне на позиции диктатуры пролетариата». Его поддержал нарком по военным делам Деже Фидлер. «Сегодня, — сказал он, — я заметил, что часть членов правительственного совета заколебалась. Нужно с корнем вырвать эти шатания и сомнения, потому что, если они станут господствовать, мы потеряем все... Сомнения одного или другого руководящего деятеля неизбежно влияют на массы... Тот, кто сомневается, боится, должен уйти, ибо это — зараза».

Решительную позицию против капитулянтских взглядов занял и Ене Ландлер: «Если каждый из вас согласен подать в отставку, то я — нет. («И я тоже!» — выкрикнул с места Бела Кун.) Только через диктатуру пролетариата можно достичь цели, которую мы поставили перед собой. Венгерские рабочие массы — искренние сторонники диктатуры пролетариата. Беда не в массах, а в их руководителях, в том числе и сидящих в этом зале, которые восседают здесь на собственных поминках. Именно так все это и можно было бы объяснить. Нужно еще подумать, совет ли это революционеров, или же совет дряхлых стариков».

В это время и центристы еще не встали на правокапитулянтские позиции. Хотя из-за военных неудач и их коснулись чувства разочарования. Они в тот момент тоже высказались за сохранение власти пролетариата и продолжение вооруженной борьбы. «Без кровопролитной гражданской войны мы не дадим капитализму восстановить свою власть, — заявлял один из лидеров центристов — Кунфи. — В мире еще не было более открытой классовой борьбы, чем та, что происходит здесь... Под влиянием рабочего класса за диктатуру пролетариата выступили даже те, у кого были принципиальные или какие-

либо другие возражения против нее. Сегодня нельзя становиться перед выбором: возвращаться нам на позиции социал-реформизма или же нет. Нужно восстановить мораль рабочих и крестьян, добиться понимания того, что здесь ведется не просто война, а классовая война. Место всех, у кого есть способности к агитации, не тут, а там. Я сам приму участие в этой работе.

По основным вопросам диктатуры пролетариата, за исключением нескольких человек, здесь существует единое мнение. Нельзя допускать хотя бы малейших злоупотреблений, чтобы не отбивать охоты у людей к новой власти. Из-за этого нельзя забывать о больших делах, нельзя допускать, чтобы отчаяние взяло верх над нами».

К сожалению, через несколько недель Кунфи своим поведением зачеркнул свои собственные слова, сказанные им на заседании Революционного правительственного совета 26 апреля 1919 года.

Настроение и позиция центристов менялись по мере роста трудностей внешнего и внутреннего характера, с которыми встретилась молодая советская республика. Во многом на их поведение подействовали и переговоры, которые велись с представителями государств Антанты. Они обещали в случае ликвидации диктатуры пролетариата и удаления коммунистов из правительства поддержать политически и экономически правительство, состоящее из социал-демократов. Все это привело к появлению среди правых соцдемов и центристов коллаборационистских взглядов.

В те дни американский уполномоченный профессор Браун развил в Будапеште довольно активную деятельность. Он считал, что наступил подходящий момент для восстановления буржуазного государства. По этому вопросу Браун беседовал со многими социал-демократическими лидерами, которые проявили готовность к осуществлению его замысла.

План Брауна предусматривал сначала отстранение от руководства государством таких коммунистов, как Самуэли, Ваго. Затем под предлогом участия в мирных переговорах планировалось заманить в Швейцарию Белу Куна и в его отсутствие осуществить антикоммунистический переворот.

Браун установил контакт и с Белой Куном, надеясь использовать для осуществления своих целей самого популярного и самого влиятельного народного комиссара.

Куну же казалось, что персона Брауна вполне подходит для того, чтобы через него вступить в контакт с заправилами Парижской мирной конференции и достигнуть с ними соглашения, которое дало хотя бы временную передышку диктатуре пролетариата в Венгрии. О своих переговорах с Брауном Кун систематически информировал Революционный правительственный совет. На его заседании 26 апреля он доложил, что Антанта только тогда начнет официальные переговоры с советским правительством, когда из его состава будут выведены Самуэли, Погань и Ваго, прекратится взятие заложников, а также революционная пропаганда Венгрии за рубежом. В конце апреля советское правительство еще не располагало надежной военной силой, и завоевание передышки было для диктатуры пролетариата вопросом жизни или смерти. Кун считал, что данные требования Антанты выполнимы. «Это даст нам передышку, — заявил он на заседании правительственного совета 26 апреля, — и я не против того, что с точки зрения сохранения социализма здесь будет допущен небольшой компромисс. Выигранное время нужно использовать для дела революции, классовой борьбы и для международной пропаганды, как это делал Ленин».

Разумеется, Бела Кун даже не подозревал, что его приглашение в Швейцарию должно было способствовать восстановлению буржуазного строя в Венгрии. Правые социал-демократы, уверенные в том, что их действия поддерживает Браун, которого они считали влиятельной персоной, еще решительнее выступили за ликвидацию диктатуры пролетариата. Мысль о капитуляции для центристов Кунфи, Бема и их компании становилась все более желанной по мере того, как все более бесперспективной вырисовывалась для них общая картина военной обстановки в стране. А она с каждым днем становилась все тяжелее. Политические и военные руководители буржуазной Чехословакии, наблюдая за быстрым захватом венгерской территории румынскими войсками, сами сгорали от нетерпения стать их соучастниками. Предвкушение легкого успеха вскружило им головы. Их терпение совсем иссякло после того, как особый отряд румынского генерала Олтяну вступил в Закарпатскую Украину, захватил Берегово, а затем Мукачево. На захват этой территории претендовала и чехословацкая буржуазия.

Свои империалистические устремления чехословацкое правительство и поддерживавшая его французская военная миссия старались закамуфлировать утверждением о

том, что их наступление будет начато исключительно с гуманными целями. Они объявили, что чехословацкие войска якобы наступают исключительно затем, чтобы, оккупировав оставленные частями Красной армии территории, «положить конец грабежам» и помешать распространению анархии.

27 апреля Клофач отдал приказ о наступлении. В нем говорилось: «Венгерские силы к востоку от Тисы отступают по всему фронту, сосредоточиваясь к северу от Мишкольца, а также в районе Кечкемета и Сольнока. Венгерские арьергардные подразделения с берегов реки Унг под нажимом румын отходят в южном направлении. Возможно, что венгры сдадут нынешнюю демаркационную линию, проходящую к западу от реки Унг. Чтобы предотвратить грабежи и беспорядки на землях, оставляемых венграми, приказываю нашим войскам оккупировать их. Очень важны быстрый захват города Шаторальяуйхей и установление локтевой связи с румынами у Чопа. С румынами нужно договориться относительно захвата железной дороги Шаторальяуйхей — Чоп — Унгвар (ныне Ужгород) и ее дальнейшей эксплуатации».

В этот момент чехословацкие вооруженные силы в Словакии были сосредоточены в двух крупных группировках, одна из которых располагалась в Западной Словакии, под командованием итальянского генерала Пиччоне, и другая — в Восточной (в Закарпатье), под командованием французского генерала Эннока. В состав группы Пиччоне входили: 6-я и 7-я дивизии легионеров, находившаяся в стадии формирования 4-я дивизия, три отдельные бригады (2, 3 и 4-я) и 71-й пехотный полк.

Группа Эннока была значительно меньше. Она состояла всего из 3-й пехотной дивизии, 1-й бригады и 21-го полка.

Директиву Клофача о подготовке нападения на Венгерскую советскую республику Пиччоне и Эннок получили еще 7 апреля. Исходя из того, что директива от 27 апреля главным образом определяла задачи Восточной группы, Пиччоне, чтобы не упустить возможности легко снискать славу полководца, запросил из Праги разрешение принять участие и его войскам в нападении на Венгрию. На свою просьбу он быстро получил положительный ответ.

27 апреля войска генерала Эннока перешли в наступление. Не встречая серьезного сопротивления, они 29 апреля достигли Чопа, а 30-го — Мункача (Мукачево).

Здесь чуть не произошло столкновение между румынскими и чехословацкими войсками. Его предотвратило лишь вмешательство Фоша, который определил линию раздела двух союзных армий.

29 апреля в наступление перешла и группа Пиччоне. Первое время она наступала только силами левофланговой 6-й дивизии. Ее части продвигались в южном направлении пятью колоннами. Первая — с Текетеребьеша на Шаторальяуйхей, вторая, третья и четвертая ее колонны наступали на Мишкольц, продвигаясь по обоим берегам реки Хернад, а также по долине реки Бодва. Пятая колонна наступала вдоль реки Шайо.

Все свои резервы Наркомат по военным делам бросил на Восточный фронт. Теперь, когда положение стало угрожающим и на Северном фронте, он с огромными трудностями смог наскрести для подкрепления сил 5-й дивизии, теснимой группой Пиччоне, всего один-два батальона. Комдив уже наперед заявил, что из-за превосходства сил противника вскоре придется сдать Шаторальяуйхей и Мишкольц. 30 апреля пал Шаторальяуйхей и чехословацкие войска уже находились на подступах к Мишкольцу.

В этот же день к наступлению 3-й и 6-й чехословацких дивизий подключилась и 2-я бригада. Им противостояла 3-я дивизия венгерской Красной армии, часть сил которой вступила в бой с войсками Пиччоне гораздо раньше, еще у Банрева. 2-я чехословацкая бригада, которая подключилась к наступлению 6-й дивизии на ее левом фланге, в последующие дни все свои силы бросила против Шальготарьяна.

Донесение командования 3-й дивизии в Наркомат по военным делам не обнадеживало. «Рядовой состав после многодневных боев из-за плохой погоды и недостатка в вооружении, — говорилось в нем, — выдохся... Войска близки к полному самороспуску».

2 мая на Северном фронте советской республики создалось критическое положение. И здесь большая часть войск Красной армии была сильно деморализована и оказалась неспособной задержать наступление противника, который захватил Мишкольц, Диошдьёр, Озд, приблизился к Эгеру и угрожал Шальготарьяну — одному из важнейших центров добычи угля в совстской республике.

После 26 апреля Штромфельд делал все, чтобы обеспечить в полном порядке отход войск за линию Тисы, удерживая на левом берегу лишь запланированные им

плацдармы. В последнем случае его усилия оказались напрасными. Ракомазский плацдарм 28 апреля был потерян. Собственно говоря, этого нужно было ожидать после того, как стало известно о предательстве Секейского особого отряда. Его остатки вместе с частями 1-й дивизии вечером 28 апреля отошли на правый берег Тисы. Командование направило все усилия, чтобы, по крайней мере, отстоять плацдармы у Токая и обеспечить оборону по линии реки Тисы. К сожалению, из-за общего неудовлетворительного состояния войск и эта задача оказалась невыполнимой.

Боеспособность личного состава дивизии, за исключением артиллеристов, была сильно подорвана. Когда командование дивизии хотело послать в Тардош одну из рот, ее личный состав отказался выполнить приказ. «Дисциплина частей быстро падает. Личного состава очень мало, в батальоне едва наберется 100 штыков, часть больна, многие находятся в самовольной отлучке»,— докладывал командир дивизии в штаб армии 1 мая, считая сомнительным удержать с такими частями оборону по линии Тисы.

В центре и на правом крыле фронта, преодолевая всевозможные трудности, все же удалось переправить основные силы на правый берег реки. Относительно медленные темпы наступления румынских войск позволили оторваться от них частям Красной армии.

Румынскому генштабу теперь уже некуда было спешить. В телеграмме маршалу Фошу от 28 апреля генерал Пресан сообщал:

«1. Венгерские вооруженные силы скоро будут полностью отброшены на западный берег Тисы.

2. С окончанием боевых действий в этом районе мы будем вынуждены большую часть своих сил перебросить на линию Днестра, где в них, безусловно, сильно нуждаются.

3. Для того чтобы эта перемена произошла без компрометации военно-политического положения Румынии, нужно полностью ликвидировать опасность со стороны венгров. С этой целью необходимо захватить Будапешт и полностью разоружить венгерскую армию...»

Далее румынский генерал писал, что, по его мнению, победить венгерскую Красную армию будет легко, если союзные войска еще крепче сожмут кольцо вокруг советской республики и одновременно начнут наступление против нее. Для участия в этих совместных действиях он

предложил две дивизии румынской армии. В заключение начальник румынского генштаба поставил условие: если «союзники ничем не пожертвуют для проведения боевых операций», то он остановит войска на линии Тисы.

Этой телеграммой румынский генштаб преследовал двойную цель: с одной стороны, облегчить положение своих войск в Затисье, чтобы тем самым сделать возможной отправку оттуда нескольких дивизий на бессарабский фронт, где Красная Армия Советской России, сломив сопротивление украинских националистов, во второй половине апреля успешно продвигалась в юго-западном направлении; с другой стороны, чтобы узаконить агрессию румынских войск и оправдать оккупацию Затисья. Это было необходимо, поскольку американские и английские дипломаты в Париже выразили протест против действий румынской армии. В ее наступлении на территории Венгрии они, не без основания, видели тайные маневры их французского соперника. Как уже упоминалось выше, американские и английские политические руководители всячески стремились помешать росту французского влияния в странах Центральной Европы.

Первого мая, когда трудящиеся Будапешта и периферии впервые радостно и свободно праздновали свой праздник, Восточный фронт находился на стадии полного развала.

В первой половине дня противник атаковал с нескольких сторон плацдарм у города Сольнока. На плацдарме находились десять батальонов, девять батарей и рота саперов Красной армии. Этих частей, если бы они проявили должную стойкость, было бы вполне достаточно, чтобы успешно противостоять натиску сил противника. Однако боеспособность батальонов, защищавших плацдарм, была настолько низкой, что при малейшем натиске противника у них возникла паника. Правда, некоторые батальоны прилагали героические усилия, чтобы предотвратить катастрофу. Благодаря их усилиям удалось перебросить на правый берег Тисы боеприпасы для артиллерии. Командование войск на плацдарме, собрав все части, которые можно было использовать, стремилось удержать в своих руках мосты через реку. Однако в тот день неразбериха в Сольноке еще более усилилась. Личный состав некоторых артбатарей по наущению своих офицеров перешел на сторону контрреволюционеров и вместе с ними захватил город в свои руки. Командование Красной армии полностью потеряло управление войсками на плац-

дарме и приказало им отходить на Абонь. В течение ночи телефонная связь с городом была прервана. Позиции на плацдарме у города Тисафюред продолжали удерживаться советскими венгерскими войсками еще 1 мая. Однако 2 мая под нажимом превосходящих сил противника они также были вынуждены отступить.

Внутренняя контрреволюция намеревалась использовать тяжелое положение, создавшееся на фронтах советской республики, для ликвидации в стране власти рабочего класса. Правые социал-демократические лидеры, которые согласились на объединение социал-демократической партии с Коммунистической партией Венгрии и провозглашение диктатуры пролетариата лишь под воздействием сложившихся обстоятельств, увидели, что настало время, когда они могут открыто выступить с требованием реставрации буржуазных порядков.

23 апреля и в последующие за этой датой дни профсоюзные лидеры провели ряд совещаний, на которых приняли решение выступить с требованием об отказе от диктатуры пролетариата и отставке Революционного правительственного совета.

Социал-демократические лидеры из центристов, которых увлек за собой вихрь народного подъема первых дней революции, теперь, когда советская республика оказалась в столь тяжелом положении, испугались, заколебались и начали поддерживать капитулянтов.

Правые социал-демократы в Революционном правительственном совете и возглавлявшие профсоюзы выступили с требованием отставки советского правительства и передачи власти директории, состоящей из 12 правых профсоюзных лидеров.

В ночь на 2 мая политическое бюро Революционного правительственного совета провело заседание. Большинство профсоюзных лидеров на этом заседании, при поддержке правых элементов в Революционном правительственном совете, решительно потребовали отставки советского правительства. Негативную роль при этом сыграл Бем, который проинформировал политбюро таким образом, будто румынские войска, форсировав Тису, уже продвигаются к Будапешту и защиту столицы он считает делом безнадежным. Бем предложил послать навстречу румынам парламентеров для обсуждения условий немедленного заключаемого с ними перемирия. Политбюро приняло это предложение. С ним согласились и присутствовавшие на заседании коммунисты. Однако они пред-

ложили, чтобы Революционный правительственный совет сразу же обратился к вооруженным рабочим, призвав их немедленно отправиться на фронт для защиты диктатуры пролетариата. Вильмош Бем решительно отклонил это предложение, обвинив коммунистов в «революционном романтизме». Он заявил, что в мобилизации рабочего класса нет никакого смысла, поскольку рабочие сами убедились в бесцельности продолжения борьбы. При этом Бем ссылался на то, что подобное обращение Революционного правительственного совета от 19 апреля не достигло желаемой цели. Этот его довод был явно фальшивым. Откликом на обращение Революционного правительственного совета, руководства социалистической партии и Будапештского рабочего совета явилась добровольная запись многих тысяч рабочих в ряды Красной армии. Однако записавшиеся так и не попали на фронт из-за сопротивления правых социал-демократических лидеров, которые выступили против отправки на фронт рабочих частей.

В конце концов политбюро приняло решение пригласить руководство будапештских рабочих батальонов и спросить у них, какую позицию занимает рабочий класс Будапешта по вопросу дальнейшей защиты советской республики.

Коммунисты не собирались ждать сложа руки решения руководства рабочих частей. После заседания политбюро они постановили, вопреки воле социал-демократов, в течение ночи поднять будапештский пролетариат на защиту его диктатуры.

Правые социал-демократы и профсоюзные лидеры ушли с заседания политбюро Революционного правительственного совета убежденные в том, что 2 мая станет последним днем существования диктатуры пролетариата в Венгрии. Вильмош Бем еще до принятия политбюро решения, в 6 часов утра 2 мая, отправил в Геделле приказ о прекращении на фронте боевых действий. В нем говорилось: «Командованию армии немедленно установить через парламентеров связь с чехами, румынами и югославами. Парламентеры на основе телеграммы, находящейся у начальника штаба Штромфельда, должны сообщить им слово в слово о том, что венгерское правительство запросило по телеграфу мира у Антанты».

В соответствии с распоряжением Бема командование армии отдало дивизиям подготовленные заранее приказы. Ниже дословно приводится текст одного из приказов,

который был послан командованием Восточной армии за № 502/4 в Мезекевешд командиру 1-й дивизии:

«30 апреля венгерское правительство по телеграфу сделало предложение о мире Вильсону, чешскому, югославскому и румынскому правительствам. В этом предложении венгерское правительство признает правомочность чешских, югославских и румынских требований на венгерскую территорию и просит о немедленном прекращении с их стороны боевых действий. Командование армии уполномочивает командира дивизии Дьюлу Шипоша, а в случае его заболевания начальника штаба Сабо — Паппа выступить в качестве парламентеров на предмет немедленного заключения перемирия. Одновременно оно просит о немедленном прекращении всех боевых действий и сообщить по телеграфу, на какой основе командование противостоящих войск намерено заключить перемирие, чтобы избежать напрасного кровопролития».

Распоряжения подобного рода командование армии отдало и остальным дивизиям. Несмотря на то что этот приказ не содержал ничего относительно дальнейшего поведения частей Красной армии, командиры дивизий расценили его как капитуляцию. Приказ Бема разъяснялся контрреволюционными элементами как документ, который, по существу, означает не что иное, как полное прекращение боевых действий и капитуляцию. Во многих местах, где до этого контрреволюционеры трусливо отсиживались в тени, этот приказ они стали толковать как сигнал к открытому выступлению против советской власти. Характерный случай произошел в Балашшадьярмате, где телеграмма Бема была зачитана перед солдатами. После ее зачтения один из офицеров воскликнул: «Долой коммунизм!» Однако этот тип плохо рассчитал, поскольку провозглашенный им лозунг у солдат вызвал прямо противоположный отклик, чем тот, на который он надеялся. Возмущенные солдаты избили его до полусмерти. Поскольку офицеры в Балашшадьярмате вели себя открыто контрреволюционно, по требованию солдат политкомиссар арестовал всех офицеров, поставив на их место унтер-офицеров. Подобные события разыгрывались и в других частях.

После приказа Бема и 5-й (оперативный) отдел Наркомата по военным делам считал бои в защиту Венгерской советской республики законченными. Опираясь на распоряжение Бема, начальник 5-го отдела отдал командованию 6-й дивизии следующий приказ:

«...Через парламентеров немедленно установить связь с французами и достигнуть с ними договоренности относительно того, чтобы все части 6-й дивизии без оружия получили бы возможность свободно отойти на места своей дислокации в мирное время. Командование 6-й дивизии в полном составе остается в Надькёрёше и будет руководить отправкой частей на места их постоянной дислокации».

Этот приказ свидетельствует о том, что отдельные руководители из Наркомата по военным делам окончательно отказались от дальнейшего сопротивления.

Таковым было военное положение Венгерской советской республики на 2 мая 1919 года. Большая часть войск Восточного и Северного фронтов потеряв голову отступала. Командующий армией, начальник оперативного отдела Наркомата по военным делам считали капитуляцию делом свершившимся. Парламентеры уже отправились к противнику.

В подобном положении единственным выходом для любого буржуазного правительства была безоговорочная капитуляция. Однако Революционный правительственный совет не был буржуазным правительством, а Венгерская советская республика — буржуазным государством. Коммунисты и левые социал-демократы в революционном правительстве хорошо понимали, что венгерский рабочий класс против возврата ярма эксплуатации и готов напрячь все свои силы, чтобы защитить диктатуру пролетариата.

РАБОЧИЙ КЛАСС БЕРЕТСЯ ЗА ОРУЖИЕ

Рано утром 2 мая Революционный правительственный совет собрался на очередное заседание, чтобы решить дальнейшую судьбу диктатуры пролетариата в Венгрии.

Правые социал-демократические лидеры и поддерживавшие их центристы явились на заседание с твердым намерением заставить Революционный правительственный совет подать в отставку и передать власть так называемому временному правительству, сформированному из правых профсоюзных лидеров. Это правительство должно было сделать необходимые шаги на пути восстановления буржуазного строя в Венгрии.

Однако коммунисты и верные диктатуре пролетариата социал-демократические лидеры не захотели примириться с потерей власти рабочего класса. Они собрали все силы

для того, чтобы мобилизовать рабочие массы Будапешта на защиту диктатуры пролетариата, укрепление дисциплины и повышение боеспособности частей Красной армии. Когда Беле Куну стало известно, что по приказу Бема большая часть венгерской Красной армии прекратила боевые действия, он, получив согласие Белы Санто и Ене Ландлера, немедленно отдал распоряжение об их продолжении.

Коммунисты и поддержавшие их социал-демократические лидеры, несмотря на всю тяжесть сложившегося положения, отнюдь не оценивали военную обстановку в стране как безнадежную. Веря в патриотизм венгерского пролетариата и его готовность к самопожертвованию, они считали, что он способен на многое, когда речь идет о защите завоеванной ими свободы.

На заседании Революционного правительственного совета Бела Кун вкратце доложил о военном положении Венгерской советской республики и проинформировал о взглядах членов политбюро, определившихся на его ночном заседании.

«Красная Армия без боя сдала Сольнок, — сказал он, — чехи вошли в Мишкольц. Военных сил нет. Боеспособность частей равна нулю. Ставка находится в Геделле. Бем отдал приказ о прекращении боевых действий наших войск. По полученным сведениям, он предложил перемирие всем трем вражеским государствам. Послал он предложение о заключении перемирия и Вильсону, а ночью, по предложению болгарского посланника, и Куннихему. Бем сообщил им о том, что ночью правительственный совет провел очередное заседание, на котором выдвинут план отставки правительства и передачи власти директории в составе 12 членов. Однако другие члены Политбюро считают, что необходимо созвать руководство рабочих и, проинформировав их об исключительно серьезном положении, предупредить, что если они не поднимутся все как один, то всякая борьба будет безнадежна и Будапешт падет».

Далее Бела Кун доложил Революционному совету, что в 3 часа дня он собирает уполномоченных от рабочих полков, а в 6 часов вечера — Будапештский центральный революционный совет рабочих и крестьян для того, чтобы выяснить их позицию в отношении продолжения борьбы. В заключение Бела Кун заявил: «...Для того, чтобы помешать прекращению боевых действий, я в этом отношении действовал заодно с товарищами Ландлером и Сан-

то и с их согласия принял меры в интересах продолжения боевых действий».

После краткого сообщения Белы Куна Жигмонд Кунфи передал Революционному правительственному совету просьбу находившегося в отъезде Бема. Он просил для поддержания порядка вывести рабочие полки на улицы Будапешта, объявив город на осадном положении. Назначить командующим войсками Будапештского гарнизона Йожефа Хаубриха. Одновременно Бем рекомендовал, чтобы солдаты, разъезжающиеся по домам, не задерживались бы в Будапеште.

После нескольких выступлений в прениях вторично выступил Кунфи, высказавшийся за отставку правительства и ликвидацию диктатуры пролетариата в Венгрии. В своем выступлении он утверждал, что у венгерского пролетариата нет ни сил, ни желания защищать советскую республику.

«Правда состоит в том, — говорил Кунфи, — что диктатура была построена на возможности получения помощи от русских и мировой революции, но диктатуре венгерского рабочего класса пришлось защищаться самой. Необходимо выяснить, хочет и способен ли пролетариат бороться за сохранение своей диктатуры. Нынешнее поведение армии говорит об обратном. Правда, она еще не стала настоящей пролетарской армией. Сегодня армия главным образом состоит из люмпен-пролетариев. Поскольку судьба революции решалась в Будапеште и его пригородах, необходимо узнать, намерены ли они бороться за нее. Многое говорит о том, что у рабочих в настоящее время нет для этого ни необходимых сил, ни возможностей. Есть мнение создать из организованных и вооруженных рабочих орган, который возьмет власть в свои руки, так как Антанта не желает вступать в переговоры с Революционным правительственным советом. Однако орган, который возьмет власть в свои руки, должен иметь в виду следующее: заявить о своей солидарности со всеми мероприятиями диктатуры пролетариата, выпустить из тюрем заложников, отменить цензуру, сделать заявление относительно программы переходного правительства и посетить Австрийскую Республику, чтобы добиться ее содействия в установлении контакта с Антантой».

В подобном духе выступил и Якоб Велтнер. Он пошел дальше Кунфи настолько, что считал падение советской республики и восстановление диктатуры буржуазии на штыках Антанты уже почти свершившимся фактом.

Против капитулянтской позиции, прозвучавшей в выступлениях этих ораторов, резко выступили Тибор Самуэли, Бела Санто и Ене Ландлер, которые предложили продолжать борьбу. Самуэли подчеркнул, что членам правительственного совета нужно оставаться на своих местах, даже если в интересах продолжения борьбы нужно будет отступить в Задунайщину. Бела Санто заявил, что отказ от власти бросает рабочий класс на произвол судьбы. Ене Ландлер в своем выступлении обратил внимание на то, что его «привело к диктатуре пролетариата твердое убеждение в невозможности построить социализм без диктатуры пролетариата. И поскольку диктатура действует в интересах не только венгерского рабочего класса, но и пролетариата всего мира, ее нужно отстаивать. Самый большой вред делу причинит то, если правительственный совет передаст рабочих в руки белого террора».

После дебатов Революционный правительственный совет принял следующее постановление:

«1. Правительственный совет остается на своем месте.

2. Он должен заранее позаботиться об обороне столицы, предотвратив возникновение грабежей.

3. Оборону подготовить самым тщательным образом; с этой целью в 3 часа дня он должен рассказать перед доверенными лицами рабочих о всей серьезности положения и получить у них ответ на вопрос: намерены ли они защищать Будапешт до конца? На беседу к уполномоченным послать товарищей Хаубриха и Санто.

4. В 7 часов вечера с подобным вопросом Революционный правительственный совет обратится к рабочему совету. С докладом перед ним поручено выступить Беле Куну.

5. К уполномоченным рабочих-металлургов для выяснения подобного вопроса и принятия по нему соответствующего решения направляются Ференц Баяки и Ене Ландлер».

В послеобеденные часы твердая позиция, занятая уполномоченными будапештских рабочих за продолжение борьбы, показала, что лидеры из числа предателей и маловеров, которые считали падение советской республики делом решенным, слишком рано начали справлять панихиду по диктатуре пролетариата в Венгрии.

Хаубрих ознакомил посланцев фабричных рабочих с положением в стране. Его речь была далеко не такой, чтобы воодушевить представителей вооруженных рабо-

чих. Отчасти его выступлением, частично влиянием правых социал-демократов можно объяснить тот факт, что руководство рабочих батальонов не заняло единой позиции в вопросе защиты диктатуры пролетариата.

Иначе прошло собрание уполномоченных рабочих-металлургов. Их руководство после страстного выступления Ене Ландлера единогласно выступило за диктатуру пролетариата, за продолжение борьбы.

Таковы были события, которые предшествовали заседанию Будапештского центрального совета рабочих и солдат. Здесь по решению правительственного совета, как известно, доклад делал Бела Кун. Он безо всяких прикрас рассказал о тяжелом военном положении советской республики, проинформировав присутствующих о двух точках зрения, которые сложились в Революционном правительственном совете по вопросу защиты диктатуры пролетариата в Венгрии. В своем докладе Бела Кун решительно выступил за продолжение революционной войны, за оборону Будапешта: «Будапешт нужно защитить любой ценой, его нужно отстоять во что бы то ни стало, потому что необходимо защитить рабочее движение Венгрии, эту действительно славную ветвь международной пролетарской революции».

Вопрос о дальнейшей судьбе диктатуры пролетариата Бела Кун поставил перед посланцами рабочего совета отнюдь не в форме дилеммы — продолжать борьбу или отказаться от нее, — а в том плане, что́ именно необходимо сделать в интересах защиты диктатуры пролетариата.

После Куна прозвучало много выступлений. Выступающие в большинстве своем были кратки, но из их слов чувствовалось желание как можно скорее действовать. «Нечего много говорить. Короче, нужно действовать. Пойдемте на фабрики, соберем тех товарищей, на которых можно положиться», — сказал Лайош Киш — коммунист, руководитель партийной организации 5-го района Будапешта.

В подобном духе выступили и другие. «...Наступает время действовать. С этой минуты прочь сон и покой до тех пор, пока все сознательные и дисциплинированные пролетарии Будапешта не возьмут в руки оружие и не отправятся на фронт сражаться против банды империалистических разбойников», — заявил Шандор Келлнер, комиссар правительственного совета области Шопрон.

Подавляющее большинство представителей будапештских рабочих выступили с твердым сознанием того, что

рабочие не допустят падения диктатуры пролетариата. «Я не хочу верить тому, — говорил один из руководителей рабочих-металлистов, — что ныне найдется хотя бы один пролетарий из металлистов, который выскажется за прекращение борьбы и восстановление старого режима. Я заявляю рабочему совету, что охотно отдам себя целиком за диктатуру пролетариата и завтра же вместе с моими товарищами пойду в бой».

Выступление рабочего-металлиста поддержали многие. «Какое бы решение ни вынес центральный совет, — говорил другой выступающий, — я твердо заявляю, и меня поддержат остальные: мы пойдем только по тому пути, по которому должен идти революционный пролетариат. Напрасно голосовать «за» или «против» — это не имеет никакого значения. Ответ на этот вопрос даст только тот пролетарий, который завтра отправится на фронт защищать свою диктатуру».

От имени пролетарских женщин слова попросила Шари Мануэль. «Я чувствую, — сказала она, — что в этом очень серьезном положении мы, матери, женщины, возможно, лучше мужчин ощущаем всю серьезность момента. От имени своих подруг я заявляю, что, если понадобится, мы будем защищать Будапешт, и не только Будапешт, но и диктатуру пролетариата».

Большинство рабочего совета настолько решительно выступило за продолжение борьбы, за защиту диктатуры пролетариата, что правокапитулянтские лидеры решили лучше промолчать. Это молчание было настолько удивительным, что один из выступавших следующим образом высказался по этому поводу: «Я очень сожалею, но факт остается фактом, что представители профсоюзов, председатели и секретари профорганизаций до сих пор еще не выступили. Я очень прошу всех находящихся здесь товарищей из числа председателей и секретарей профсоюзов высказаться по обсуждаемому вопросу. Я лично никогда не обманывал профсоюзы, всегда ценил их силы и организаторские способности, которые таятся как в самих профсоюзах, так и в их руководителях». Однако и это обращение профсоюзные лидеры оставили без отклика. Правые социал-демократические лидеры свое мнение придерживали для другого случая. Раскрывать же свое подлинное лицо здесь, на столь широком форуме представителей будапештских рабочих, было для них слишком опасно. Лишь в одном-двух выступлениях прозвучали нотки маловеров. Однако боевая решимость большинства,

единое выступление в защиту диктатуры пролетариата заглушили эти слабые голоса.

Рабочий совет после заключительного слова Куна единогласно встал на позицию защиты советской республики и с огромным воодушевлением принял решение о всеобщей мобилизации рабочего класса на защиту диктатуры пролетариата.

Опираясь на поддержку руководства будапештских рабочих, Революционный правительственный совет объявил всеобщую мобилизацию рабочего класса. «Для спасения пролетарской революции мы объявляем всеобщую мобилизацию пролетариата, — говорилось в обращении.— Каждый хоть в какой-либо мере подготовленный в военном отношении пролетарий должен немедленно отправиться на фронт, каждый рабочий, не подготовленный в военном отношении, должен записаться в учебный батальон или же на фортификационные работы. С сегодняшнего дня Будапешт объявляется районом боевых действий. Мы призываем пролетариат до конца выполнить свой долг».

Вечером того же дня Наркомат по военным делам отдал приказ, в котором призывал солдат к оказанию противнику самого решительного сопротивления. «Все будапештские рабочие, — говорилось в приказе, — направляются сразу же на фронт для усиления войск. Отправку частей с фронта немедленно прекратить, а тем, кто уже прибыл оттуда, без промедления вернуться на фронт.

Командирам всех степеней сделать все, чтобы поднять людей на борьбу за дело диктатуры пролетариата».

Революционный правительственный совет на своем вечернем заседании принял решение: направить утром следующего дня народных комиссаров на крупные предприятия Будапешта для ускорения мобилизации рабочих в Красную армию.

Утром 3 мая рабочие будапештских заводов с большим подъемом восприняли обращение Революционного правительственного совета.

«Настроения рабочих, — писала газета «Вёрёш уйшаг» в номере от 4 мая 1919 года, — появившихся рано утром на фабриках, превзошли все ожидания. Они с огромным подъемом заявляют о своей готовности немедленно отправиться на фронт и защищать диктатуру пролетариата. В ранние утренние часы были проведены митинги, на которых рабочие единогласно проголосовали за то, чтобы немедленно взять в руки оружие и в соответ-

ствии с решением, еще вчера вечером принятым рабочим советом, отправиться на фронт».

О воодушевлении рабочих, их боевой решимости говорит и тот факт, что, хотя Революционный правительственный совет призвал взять оружие рабочих в возрасте от 18 до 45 лет, на многих предприятиях решили мобилизовать всех мужчин в возрасте до 50 лет. Выступавшие на фабриках народные комиссары призывали вступать в ряды Красной армии главным образом рабочих, подготовленных в военном отношении. Однако трудящиеся предприятий потребовали отправки на фронт всех, независимо от того, знаком он с военным делом или нет. На заводе «Теудлофф и Дитрих» рабочие прервали докладчика, заявив: «Довольно слов, мы хотим действовать и все немедленно отправляемся в казармы».

В Северных мастерских, где в то время работало около 3000 человек, 1800 рабочих, то есть более половины, уже утром 3 мая выстроились поротно и прямо с завода отправились в казарму. Аналогичные события разыгрались на машиностроительном заводе МАВ, фабрике Липтака, на машиностроительном заводе хозяйственного инвентаря, в Иштвантелекских мастерских и на других будапештских промышленных предприятиях. Наряду с рабочими Будапешта продолжения борьбы потребовали и многие части Красной армии. Политкомиссары 6-й и 3-й дивизий уже 2 мая докладывали о том, что солдаты протестуют против прекращения боев с противником.

Духовный подъем будапештских рабочих, их пример высокого патриотизма увлекли за собой и лучшую часть крестьянства страны. После 2 мая в провинции с новой силой возобновилось формирование частей и подразделений Красной армии.

«Деревня пришла в движение для того, чтобы... ударить по наемникам, подрядившимся за кровавую мзду сломить сопротивление венгерского пролетариата, — писала газета «Шомоди вёрёш уйшаг» в своем номере от 9 мая.— В Надьатаде быстрым темпом идет процесс формирования крестьянского батальона. Пролетарии из крестьян и ремесленников из сел и пригородов с подъемом, достойным подражания, встают под красное знамя. Через два-три дня батальон из Надьатада будет полностью сформирован».

Героическое поведение будапештского рабочего класса и его смелое выступление в защиту диктатуры пролетариата оказали большое влияние и на бывших кад-

ровых офицеров, служивших в Красной армии. Характерный в этом отношении пример приводит Бела Санто. В первые дни к нему пришел бывший полковник австро-венгерской армии Карой Шрейнер, а ныне начальник артиллерии Красной армии, и сказал: «По своему воспитанию и прошлому я, конечно, не революционер. До сих пор ход революции не мог меня воодушевить. Ту власть и то государство, у которых нет армии, нужно ликвидировать. Пацифизм правительства Каройи не только развалил старую армию, но и лишил нас возможности создания новой. До 2 мая советское правительство тоже проводило подобную политику. Но сейчас, как я понимаю, произошел серьезный поворот, я вижу, что в советском правительстве верх взяли коммунисты. Уверен, что они смогут мобилизовать массы на защиту родины и создать новую армию. Я склоняю голову перед коммунистами. Сам я не коммунист, но все свои военные знания и опыт отдаю в ваше распоряжение. Я буду честно служить и выполнять приказы господина народного комиссара».

Шрейнер сдержал свое слово. Его деятельность во многом содействовала тому, что за довольно короткое время Красная армия организовала артиллерию, которая и по количеству стволов, и по своему качеству превосходила артиллерию противостоящих ей армий румын и чехословаков.

Твердая позиция рабочего класса в отношении защиты диктатуры пролетариата явилась достойным ответом тем, кто еще 2 мая утверждал, что у пролетариата «нет для борьбы необходимых сил и способностей». Правые социал-демократические лидеры не выступили открыто против решения рабочего класса, однако втайне они продолжали оставаться при своем мнении и искали путь, который вел назад, к буржуазной демократии. 3 мая Вильмош Бем провел переговоры с Брауном, который уезжал на румынский фронт. Он признался американскому агенту, что не одобряет того, что произошло в Венгрии 2 и 3 мая. «В беседе со мной Бем отметил, что он ни в коей мере не поддерживает политику напряжения и симпатизирует моей точке зрения», — писал в своем донесении начальству Браун.

Свое отношение к тому, что произошло, Бем выразил отказом командовать армией. Однако правительственный совет не принял его просьбы об отставке. Социал-демократы не хотели отказаться от столь важной ключевой

позиции в государстве, а коммунисты понимали, что уход социал-демократических лидеров мог бы привести к раздроблению сил рабочего класса, сузил бы базис массовости в диктатуре пролетариата в Венгрии. А это в том тяжелом положении, в котором находилась советская республика, было недопустимо.

Отдельные правые социал-демократические лидеры, в первую очередь в профсоюзах, открыто выступили против воли рабочего класса и там, где могли, старались саботировать процесс организации частей Красной армии и борьбу, которая велась в защиту диктатуры пролетариата.

Дьюла Хевеши, который в начале мая был направлен Революционным правительственным советом народным комиссаром для организации обороны Шальготарьяна, в своих воспоминаниях приводит случай, ясно показывающий, к каким средствам прибегали правые социал-демократические лидеры для достижения своих подлых целей. «2 мая в Шальготарьяне местные коммунисты намеревались собрать трудящихся города на митинг, который они хотели провести совместно с профсоюзами. Однако в назначенное время на митинг никто не явился. Секретарь профсоюзной организации объяснил это тем, что днем он разговаривал по телефону с Пейером, который сообщил ему о том, что советское правительство пало и потому нет никакого смысла в каких-либо митингах... Я посчитал это сообщение неправдоподобным и попробовал связаться по телефону с правительственным советом. Однако сразу этого сделать мне не удалось. В конце концов через коммутатор я связался с Купфи, который заявил мне, что информация Пейера точна и он в свою очередь тоже считает бесцельным оборонять город».

Пейер, злоупотребляя своим положением руководителя профсоюзов, после 2 мая вел открытую агитацию против вступления рабочих в ряды Красной армии. Секретарь шахтерской парторганизации в Татабанье, который в первые дни мая лично убедился в подрывной деятельности Пейера, в письме к Бему так писал о своих впечатлениях, которые сложились у него после посещения руководства профсоюза шахтеров: «В начале мая я был в Пеште. Зашел в союз... Во время моего разговора подошло еще три шахтера из южных районов страны, расположенных вблизи от демаркационной линии (жаль, что забыл точно где). Они сказали, что только что прибыли из Наркомата по военным делам, где получили приказ вооружаться, и пришли за советом. Он же (Пейер) ска-

зал им, что было бы безумством обречь себя на уничтожение, бессмысленно воевать только для того, чтобы двумя днями позже сюда пришли румыны...»

Насколько подлый характер носила саботажническая деятельность правых лидеров, окопавшихся в профсоюзах, свидетельствует донесение Наркомата социализации, посланное 3 мая в Наркомат по военным делам: «Мы получили сообщение, что профсоюзы отказывают добровольцам в записи в Красную армию, мотивируя это тем, что теперь в них уже нет никакой необходимости. Необходимо разъяснить профсоюзам, в чем состоит их задача».

Однако в то время подрывная деятельность врагов диктатуры пролетариата еще не могла сломить дух всеобщего подъема, которым был охвачен рабочий класс. После 2 мая десятки тысяч рабочих Будапешта и периферии встали под знамена Красной армии.

РОЖДЕНИЕ НОВОЙ КРАСНОЙ АРМИИ

Подлинно революционное решение венгерского рабочего класса создало основу для того, чтобы руководство Венгерской советской республики вместо деморализованных, недисциплинированных, с признаками явного разложения вооруженных сил, которые в конце апреля — начале мая лишь символически обозначали армию диктатуры пролетариата, дало жизнь новой, сильной и боеспособной венгерской Красной армии.

В истории революционного движения не часто встретишь столь огромный духовный подъем, с которым советская власть в Венгрии осуществила организацию Красной армии.

3 мая большинство старых частей Красной армии оказались полностью небоеспособными. В ходе боев в Затисье и на Северном фронте значительно сократилась и численность Красной армии. С 16 апреля по 3 мая противником было уничтожено или разгромлено 28 батальонов и 11 батарей (необходимо отметить, что виновником половины этих потерь явилось предательство командования Секейского особого отряда).

Когда командование армии приступило к ее реорганизации, в войсках едва ли нашлось бы несколько боеспособных батальонов. Командиры дивизий, за исключением 6-й дивизии, полностью потеряли управление соединениями.

Каково же было состояние войск в первые дни мая?

На сольнокском плацдарме находилось 10 батальонов и 9 артбатарей. Подразделения, отошедшие с плацдарма 1 мая, частично полностью разложились, частично влились в состав подразделений тылового эшелона. Часть артиллерии, отступившей с плацдарма, сосредоточилась в районе Цегледа, присоединившись к группе Арки.

В районе Кечкемета реорганизацией частей занималось командование 6-й дивизии. Хотя при отступлении в предыдущих боях большинство ее батальонов оказалось потрепанными, все же удалось сохранить большую часть войск в довольно приличном состоянии. В первые дни мая дивизия уже располагала 6 боеспособными батальонами и 1 батареей, формирование остальных батальонов продвигалось в довольно быстром темпе.

Дислоцировавшаяся в районе Цегледа группа Арки была создана командованием армии из батальонов морской бригады, интернационального полка, 1-го Будапештского красного полка, а также из батальонов Красной гвардии области Бихар, отошедших вместе с частями Красной армии из Затисья. Эти батальоны, боевой дух и дисциплина в которых после отступления были сильно подорваны, Тибор Самуэли за несколько дней сумел сколотить в боеспособные части. Начиная с 23 апреля Самуэли, как председатель военного трибунала Красной армии, лично занимался наведением порядка и укреплением дисциплины в частях прифронтовой полосы. После создания группы Арки Самуэли стал ее политкомиссаром. Он сыграл большую роль в том, что уже в первые дни мая можно было с успехом перебросить группу, состоявшую из 11 батальонов, с сольнокского плацдарма на освобождение Сольнока. Находившийся к северу от Сольнока командир 4-й дивизии также принял все меры к восстановлению боевого духа и дисциплины в своих частях. В начале мая дивизия была на грани полного развала. Солдаты самовольно садились в поезд и отправлялись в Задунайщину. 3 мая в 2 часа дня командиру дивизии было известно о местонахождении только четырех своих батальонов и одной артбатареи, а об остальных он, по существу, ничего не знал.

«Подчиненные мне части находятся в самом плачевном состоянии, настроение у бойцов скверное и небоевое. При занятии оборонительных позиций можно рассчитывать на то, что там останется лишь пятая часть личного состава, остальные разбредутся» — так характеризовал

положение в дивизии ее командир в донесении командующему армией.

Отступивший от Тисафюреда особый отряд Шароп-Сабо расположился в районе Поросло. Он состоял из четырех батальонов и двух артбатарей. Боевой дух его солдат за время боев тоже заметно упал.

Силы 1-й дивизии в первые дни мая состояли всего из трех батальонов и двух артбатарей, да и то неполного состава. Дивизия насчитывала всего около 1000 человек. В это время она, по существу, полностью была предоставлена сама себе. Командир дивизии болел, а начальник штаба бо́льшую часть своего времени проводил в качестве парламентера на переговорах с противником.

Не лучше обстояло дело и в 5-й дивизии. В утренней сводке ее командира от 3 мая о ее состоянии говорится следующее: «Личный состав дивизии, находившийся в районе Мишкольц, Эгер, почти полностью разбрелся по домам, артиллеристы побросали свои орудия... Не может быть и речи об оказании противнику хоть какого-нибудь сопротивления».

С 1 мая в подчинение командования армии вошла и 3-я дивизия. Однако и она тоже была сильно ослаблена, поскольку во второй половине апреля из ее состава несколько батальонов и артбатарей были переброшены на укрепление Восточного фронта. Находясь на самом опасном участке фронта, к северу от Шальготарьяна, она смогла выставить всего три батальона и одну батарею против превосходящих сил противника.

Картина состояния венгерской Красной армии, нарисованная нами на 3 мая, ясно показывает, с какого катастрофически тяжелого момента нужно было начинать работу по реорганизации армии, чтобы сделать ее мощной и боеспособной вооруженной силой. Эта работа оказалась бы невыполнимой, если бы пролетариат по-боевому не включился в нее. Подлинно революционная позиция рабочего класса сделала возможным то, во что еще несколько дней назад мало кто верил: создание такой Красной армии, которая способна была на проведение крупных боевых операций.

Вступление десятков тысяч рабочих в ряды Красной армии основательно изменило ее социальный состав и способствовало подъему боевого духа. Реорганизованная, она стала поистине пролетарской, классовой армией, защитницей диктатуры пролетариата. Эта армия, несмотря на подрывную деятельность предательских элементов и

правых социал-демократов в ее офицерском корпусе, своими замечательными боевыми делами показала силу патриотизма, пришедшего к власти рабочего класса.

С первых же шагов реорганизации Красной армии Революционный правительственный совет позаботился о разделении функций управления действующей армии и руководства делами тыла. В интересах единого руководства боевыми операциями было создано Главное командование армии, которому подчинили все боевые части и соединения наземных, военно-речных и военно-воздушных сил. Круг обязанностей Наркомата по военным делам и Главного командования постановлением наркомата был определен следующим образом:

«1. Наркомат по военным делам и Главное командование армии действуют как два самостоятельных, но связанных друг с другом органа. Таким образом, ни один из них не может отдавать приказы воинским формированиям, которые непосредственно подчинены другому органу.

2. Главному командованию непосредственно подчинены части действующей армии. Ими считаются части и учреждения, которые находятся на фронте, а также маршевые части, переданные в распоряжение Главного командования.

3. Наркомату по военным делам подчинены: штабы военных округов, особые части дивизий и подразделений для пополнения личным составом бригад, под ними подразумеваются и те, которые находятся в распоряжении командования Восточной армии, а также гарнизонные комендатуры и другие воинские власти, постоянно действующие военные учреждения и специальные территориальные формирования.

4. Народный комиссариат по военным делам организует и осуществляет укомплектование живой силой и техникой формирований, подлежащих отправке на фронт...»

Революционный правительственный совет назначил главнокомандующим армией Вильмоша Бема, а начальником ее генерального штаба — Ауреля Штромфельда.

Полный противоречий Бем остался во главе Главного командования армии. В нем, к сожалению, сохранилось то, что настраивало его против диктатуры пролетариата: враждебное отношение к коммунистам и убеждение в том, что рано или поздно придется вернуться к положению, существовавшему в стране до 21 марта. Поэтому

он боялся каждого решительного шага, который бы затруднил путь к возвращению. В то же время он не мог избавиться от влияния настроений рабочих масс. При всей противоречивости своей натуры он продолжал руководство армией исходя из своих политических взглядов.

Мобилизация рабочего класса зарядила Штромфельда. Начальник генштаба чувствовал, что в данной ситуации открывается реальная возможность для создания армии из организованных рабочих, которую он и раньше считал единственно пригодной для оказания отпора врагу. И теперь Штромфельд с огромной энергией приступил к реорганизации армии.

Приняв командование армией, он определил рамки, в которых хотел провести реорганизацию Красной армии. Для непосредственного руководства дивизиями Штромфельд объединил их в соответствии с фронтами советской республики в три корпуса.

Местом формирования 1-го корпуса Главное командование определило город Цеглед. 2-я дивизия корпуса была подчинена группе Арки и стала называться Будапештской группой. Задача корпуса состояла в том, чтобы прикрывать территорию между Дунаем и Тисой, а также линию Тисы от Алпара до Кишкереша.

2-й корпус создавался в Задунайщине, в городе Секешфехерваре. В его подчинение поступили все находившиеся здесь и годные для ведения боевых действий части. Задачи корпуса: прикрывать на севере рубеж по линии Дуная и на юге — демаркационную линию. Командиру корпуса было приказано сосредоточить в качестве своего резерва не менее 9 батальонов с необходимым количеством артиллерии и кавалерии в районе Хаймашкер, Веспрем.

Местом дислокации 3-го корпуса был назначен город Хатван. В состав корпуса включались 1, 4 и 6-я дивизии, а также остатки Секейского особого отряда. В первое время Главное командование планировало использовать 3-й корпус в качестве своего резерва.

С точки зрения активной деятельности Красной армии левые в Революционном правительственном совете одержали значительную победу. Им удалось добиться назначения на должности командиров корпусов преданных диктатуре пролетариата революционеров. Командиром 1-го корпуса стал Бела Ваго, 2-го — Ене Гамбургер, 3-го — Ене Ландлер.

Однако Гамбургер недолго командовал 3-м корпусом. Интересы диктатуры пролетариата потребовали переброски его на другой пост. На его место назначили Йожефа Поганя.

Помимо трех корпусов в непосредственном подчинении Главного командования армии оставались 5-я и 3-я дивизии.

5-ю дивизию Главное командование усилило оперативной группой Шарои-Сабо. Это соединение занимало район обороны от Кишкереша вдоль Тисы на север, далее от Тисы через Верпелет и Петервашар до Римасечи.

3-я дивизия занимала оборонительный участок от Римасеч на запад до устья реки Ипой.

6 мая Главное командование армии ввело новую организацию вооруженных формирований. По штатному расписанию пехота кадровых войск была представлена 17 полками и одним отдельным батальоном, а в целом она состояла из 56 батальонов. Помимо их в состав действующей Красной армии включались пять рабочих полков (2, 6, 7, 13 и 22-й), насчитывавших в целом 16 батальонов.

Через несколько дней, 10 мая, Главное командование отдало распоряжение о формировании трех рабочих полков. 5-й рабочий полк включили в состав 6-й дивизии, 9-й — в состав 1-й дивизии, а 10-й рабочий полк — в 4-ю дивизию.

Помимо кадровых войск пехоты и рабочих частей в состав действующей армии были включены части особого назначения. К ним относились: морская пехота, интернациональные части и полевые войска Красной охраны. Части особого назначения состояли из пяти полков (15 батальонов) и двух отдельных батальонов.

Таким образом, по принятому 6 мая штатному расписанию силы Красной армии в целом насчитывали 89 батальонов.

8 мая Главное командование армии отдало распоряжение сформировать из бывшей Будапештской группы 7-ю дивизию, а из особого отряда Шарои-Сабо — 39-ю бригаду.

Наряду с частями действующей армии к Красной армии относились и различные части по поддержанию порядка, рабочие полки, создававшиеся на крупных промышленных предприятиях, будапештская Красная охрана и подразделения столичной комендатуры. Для руководства ими 6 мая было создано Будапештское военное

командование, во главе которого поставили Йожефа Хаубриха, наделив его правами командира корпуса.

Позднее Будапештское военное командование формально было преобразовано в 4-й корпус Красной армии. В этом корпусе из частей, занятых на фортификационных работах, была сформирована так называемая дивизия по строительству предмостных укреплений.

Результатом этой по-революционному кипучей организационной работы, которую провели Революционный правительственный совет и Главное командование армии, явилось то, что па 15 мая в боевом расписании Красной армии значилось уже три корпуса, восемь реорганизованных или вновь созданных дивизий. Венгерская Красная армия имела:

113 (115) батальонов	— 51 586 винтовок
84 пулеметные роты	— 682 пулемета
8 кавалерийских эскадронов	— 870 сабель
14 батарей пушечной артиллерии	— 63 орудия
20 батарей гаубичной артиллерии	— 81 орудие
2 батареи горной артиллерии	— 5 орудий
3 батареи тяжелой артиллерии	— 6 орудий
8 авиаэскадрилий	— 37 самолетов
16 инженерных рот	

А ведь не прошло и двух недель с тех пор, когда венгерская Красная армия находилась в состоянии полного развала. Только патриотизм рабочего класса сделал возможным достижение такого выдающегося результата. В деле успешной реорганизации Красной армии большую роль сыграли отличные организаторские качества и работоспособность начальника штаба Главного командования армии Ауреля Штромфельда.

Революционный правительственный совет и руководство Красной армии ясно понимали, что одно численное увеличение Красной армии, укомплектование ее по штатному расписанию еще не делают армию боеспособной. Опыт апрельских боев показал, что непременным условием успешного развития армии является твердая и сознательная воинская дисциплина. «...Необходима дисциплина и еще раз дисциплина, если мы хотим выиграть бой. Приказ, который нас призывает к этому, — это приказ пролетариата всего мира, и выполнить его беспрекословно, отдав все, — долг каждого сознательного бойца-пролетария», — сказал Бела Кун на смотре 2-го пехотного рабочего полка, состоявшемся 9 мая.

Главное командование армии осуществило ряд мероприятий в интересах укрепления воинской дисциплины среди личного состава. Уже 4 мая была издана директива о ликвидации системы выборности командиров.

Дальнейшему укреплению дисциплины в войсках служило и создание революционных военных трибуналов, которые Главное командование армии ввело в войсках с 7 мая. В изданной 10 мая директиве Главного командования особый упор в деятельности политкомиссаров делался на всестороннее укрепление воинской дисциплины.

Директива предписывала политкомиссару «согласовав свои действия с командиром, организовывать из самых преданных и сознательных воинов ядро дисциплинированных бойцов, в задачу которых входило заботиться о поддержании дисциплины и беспрекословном выполнении приказов командира... Долг политкомиссара — сделать все для укрепления дисциплины. Нужно обратить внимание солдат на то, что если они во времена старого, капиталистического строя воевали за интересы эксплуататоров, служа в армии четыре с половиной года, то сейчас они должны быть готовы пролить свою кровь, а если нужно, то отдать жизнь за родину пролетариата, которая отныне превратилась в общество свободных трудящихся».

Наряду с реорганизацией армии после 2 мая значительно укрепилась и дисциплина в войсках. Это прежде всего явилось результатом того духовного подъема, боевого настроя, которые внесли в Красную армию рабочие части. Укреплению воинской дисциплины способствовали также и проявленные при реорганизации Красной армии решительность и целеустремленность, а также непримиримое отношение к лицам, нарушающим дисциплину.

ПЕРВЫЕ УСПЕХИ

В первые дни мая сторонников диктатуры пролетариата особенно беспокоило положение Красной армии на двух участках фронта. Из Сольнока поступали известия, что румыны, форсировав Тису, продвигаются через Абонь на Будапешт.

Подобного рода неблагоприятные сведения прибывали и с шальготарьянского участка Северного фронта. Сообщали, что войска буржуазной чехословацкой армии, быстро продвигаясь вперед, приближаются к центру угольного бассейна — городу Шальготарьяну.

Перспективы ведения оборонительных боев советской

республики значительно улучшились после того, как удалось стабилизировать положение в Сольноке.

В Сольноке власть захватили белогвардейцы. После отступления частей Красной армии представители местной буржуазии — помещики, капиталисты, изгнанные со своих постов чиновники высокого ранга, армейские и жандармские офицеры — собрались в здании ратуши, избрали военного коменданта и приняли решение о взятии власти в свои руки. Об этом они поспешили объявить во всеуслышание. «Мы взяли власть для полного удовлетворения требований вооруженных сил Антанты. Тот, кто не согласен с создавшимся ныне положением, будет уничтожен!» — говорилось в приказе № 1 коменданта города, которым избрали капитана жандармерии.

Контрреволюционеры вооружили несколько сотен человек, часть из которых послали вслед отступавшим в направлении Абони частям Красной армии, а с остальными начали расправу над инакомыслящими жителями Сольнока. Отправленная для «преследования» частей Красной армии группа, которой в городе были устроены пышные проводы, сумела добраться только до Абони, где оборудовала несколько пулеметных гнезд и заняла оборону.

3 мая утром оперативная группа Арки во главе с Самуэли, выступив из Цегледа, организовала наступление на Абонь. В 3 часа 30 минут она заняла этот населенный пункт, изгнав оттуда вооруженную пулеметами банду контрреволюционеров численностью около 150 человек. Бандиты отступили в сторону Сольнока. После освобождения Абони группа Арки продолжала наступление на сольнокском направлении.

К 3 часам дня полк, наступавший в центре боевого порядка группы Арки, уже находился в трех километрах от Сольнока. На подступах к городу контрреволюционеры сильным артиллерийским и пулеметным огнем пытались задержать продвижение группы, но безрезультатно. Вскоре солдаты 1-го красного полка вошли в город и в ожесточенных уличных боях очистили его от контрреволюционеров. Как указывалось в донесении командира группы, «во время наступления войска вели себя отлично. Даже раненые красноармейцы продолжали сражаться, отказываясь идти в тыл. Особенно хорошо в этом бою проявил себя 1-й красный полк».

Вскоре выяснилось, что в Сольноке, за исключением разведчиков, румынских войск не было. Более того, они не перешли на западный берег Тисы, несмотря на неодно-

кратные просьбы руководителей местной контрреволюции. Этот факт свидетельствовал о том, что Революционному правительственному совету в ближайшее время можно было не опасаться наступления румынских войск.

Имелось несколько причин для объяснения того факта, почему контрреволюционная румынская армия прекратила дальнейшее наступление за Тису. По мнению румынских исследователей, наступление румынских войск остановилось на линии Тисы потому, что боевые действия Красной Армии Советской России на Днестре вынудили командование румынской армии обратить свое главное внимание на этот фронт и укрепить его дивизиями, переброшенными из Венгрии.

1 мая 1919 года правительства РСФСР и УССР направили румынскому правительству ультиматум, в котором решительно потребовали вывода румынских войск из Бессарабии и возвращения награбленного ими имущества.

Рост повстанческого движения в Бессарабии, решительный характер ультиматума, опиравшегося на успехи Красной Армии Советской России, достигнутые в конце апреля 1919 года, заставили правителей Румынии принять экстренные меры к укреплению своего положения в этом районе.

Выше мы уже приводили телеграмму генерала Пресана Фошу от 28 апреля, в которой начальник генштаба румынской армии также подчеркивал необходимость переброски части сил на линию Днестра.

Свою роль могли сыграть и разногласия по дипломатической линии, возникшие в Париже в отношении Венгрии, наконец, румынская армия была просто не готова для продолжения наступления за Тисой. Линии ее коммуникаций сильно растянулись, войска устали, не было необходимых резервов ни в людях, ни в материальном отношении.

Революционный правительственный совет и Главное командование армии, оценив обстановку, сложившуюся на Восточном фронте, после 3 мая пришли к выводу, что здесь со стороны противника в ближайшее время угрозы не ожидается. В то время как на востоке фронт временно стабилизировался, на севере буржуазная армия чехословаков после захвата сю Мишкольца продолжала наступление. На участке фронта от Мишкольца до устья реки Ипой в направлении на Эгер, Шальготарьян и Надьсечень, Балашшадьярмат наступали крупные силы врага.

На Эгер — часть сил 6-й чехословацкой дивизии. На Шальготарьян, Надьсечень и Балашшадьярмат развернула наступление 2-я чехословацкая бригада. Командир этой бригады полковник Хаак имел в своем распоряжении три полка, девять батальонов и четыре батареи, а также бронепоезд. Численность бригады составляла около 7 тысяч человек.

Против чехословацких войск, развернувших наступление на Северном фронте, Красная армия располагала довольно слабыми силами. Оборона Эгера была возложена на 5-ю дивизию. Но, как мы уже говорили, 3 мая дивизия почти не имела боеспособных частей.

Положение на левом фланге 5-й дивизии усугубили беспорядки, царившие несколько дней в Эгере, где местным контрреволюционерам удалось временно захватить власть в городе.

К западу от линии Шимони, Домахаза, Петервашар до устья реки Ипой располагались части 3-й дивизии. Оборона Шальготарьяна была возложена на так называемую Шальготарьянскую группу войск. В интересах укрепления обороны города в быстром темпе велась работа по формированию рабочих рот из шахтеров и рабочих местных промышленных предприятий. Командование группы планировало в течение нескольких дней закончить формирование пяти рот.

У населенного пункта Сечень находился батальон Красной армии, к западу от него держал оборону 16-й красный полк трехбатальонного состава. Левее по демаркационной линии стоял 1-й полк четырехбатальонного состава. У каждого из полков имелось по одной артбатарее. Вначале они подчинялись командованию Вацкой оперативной группы, затем — 1-й бригады.

После 2 мая командование армии наиболее срочной для себя задачей считало создать в кратчайшее время и в нужном месте сильный резерв, который можно было бы успешно использовать против неожиданного нападения противника. Свои взгляды относительно использования резервов Штромфельд изложил 4 апреля перед командованием 6-й дивизии. «Я хочу из 6-й дивизии и рабочих батальонов создать в районе Хатвана группу, — говорил он. — В период сосредоточения этих сил противник может прорваться с любого направления, но я их не трону, а брошу эти силы в контрнаступление только после того, как они будут сосредоточены целиком. Лишь такой способ действий может привести войска в пынешнем со-

стоянии к успеху. Как подтвердилось в боях к востоку от Тисы, пассивная оборона скверно влияет на плохо сколоченные войска, в то время как наступление помогает сплачивать даже нестойкие элементы. Это ясно доказало контрнаступление 3 мая на Сольнок».

Таким образом, Главное командование армии, основываясь на опыте боев за Тисой, пришло к выводу: не дробить силы, а использовать их целиком. Оно считало, что резервные батальоны не следует бросать в бой мелкими частями даже тогда, если наступление противника приведет к захвату им Шальготарьяна.

Эти взгляды нашли свое выражение в письме Вильмоша Бема Беле Куну от 5 мая: «Приготовления чехов говорят о том, что они собираются продолжать наступление на Шальготарьян. Это наступление мы не считаем важным стратегическим маневром, по-видимому, они только хотят занять город. Со своей стороны я считаю неправильным снова проводить политику посылки для подкрепления отдельных батальонов, с тем чтобы на какое-то время удержать Шальготарьян. Следствием этого может стать только деморализация посылаемых таким путем батальонов. Мы все равно бы потеряли Шальготарьян. Считаю целесообразным строго придерживаться принятого нами оперативного плана. Мы сосредоточим войска, создадим сильную, сплоченную армию из отправляющихся на фронт рабочих батальонов и, слив воедино усилия, выступим против врага, что, безусловно, обеспечит достижение поставленной нами цели. При таких обстоятельствах потеря на несколько дней Шальготарьяна не означает для нас большой опасности, поскольку наверняка через несколько дней при любых условиях мы его вернем».

С точки зрения элементарного стратегического мышления кажется правильным решение вводить в бой силы только после проведения соответствующей организационной работы и их сосредоточения. И делать это даже тогда, когда это связано с чувствительной потерей территории. Однако потеря одного из крупнейших шахтерских городов страны, каким является Шальготарьян, была связана с довольно тяжелыми моральными и политическими последствиями. Она, несомненно, отрицательно повлияла бы на настроения в армии и тылу, которые удалось поднять после 2 мая, а также еще больше подорвала бы и без того неудовлетворительное снабжение страны углем. Кроме того, Красная армия уже располагала частями, использование которых в обороне Шальготарьяна обеща-

на успех. Поэтому Бела Кун и Бела Санто отклонили предложение о сдаче Шальготарьяна. «Если возможно включить оборону Шальготарьяна в общий план военных действий, мне этого очень бы хотелось. Это важно в первую очередь с моральной и политической точки зрения. Мы изо всех сил спешим в посылке вам войск», — ответил Бела Кун главкому армии. Подобную позицию занял и Бела Санто.

Итак, Шальготарьян нужно было защищать. Однако пока Главное командование не могло усилить защитников города необходимыми резервами, и он продолжал находиться в опасности.

К 5 мая войска, защищавшие Шальготарьян, были оттеснены к самому городу на линию Сечень, Шагуйфалу, Лапуйтё, Шомошкёуйфалу, Тайти, Матрановак. На следующий день в отрядах, державших оборону в долине между Шальготарьяном и Фюлек, возникла паника, которая вылилась в беспорядочное отступление к городу. Эта паника закончилась бы катастрофически для всей обороны, если бы противник перешел в преследование отходивших в беспорядке венгерских войск. И в том, что этого не произошло, значительную роль сыграла артиллерия, приданная группе. Она сразу же накрыла огнем группировку противника и расстроила его попытки атаковать. Благодаря этому натиск противника оказался ослабленным.

Командованию Шальготарьянской группы с большим трудом удалось привести в порядок части. Положение города оказалось настолько тяжелым, что командование защищавшей его группы войск засомневалось относительно возможности дальнейшего удержания Шальготарьяна в своих руках.

Поскольку Главное командование из-за позиции, занятой Белой Куном и Белой Санто, не могло пойти на сдачу города, 6-я дивизия получила приказ: немедленно подготовиться и в кратчайшие сроки выступить на защиту Шальготарьяна.

Одним из важнейших уроков боев, которые велись на Восточном фронте в апреле, было то, что без соответствующих резервов нельзя успешно вести оборонительные бои. Насколько руководство венгерской Красной армии научилось на горьком опыте, полученном на Восточном фронте, свидетельствует тот факт, что Главное командование армии не успокоилось только вводом 6-й дивизии на усиление Шальготарьянской группы. Сразу

же после того, как возник вопрос о вводе в бой дивизии, Главное командование приняло меры к созданию второго эшелона. Вечером 6 мая Главное командование армии отдало 4-й дивизии приказ: в кратчайший срок подготовиться ввести войска в Пасто, расположив их за 6-й дивизией.

Главное командование армии поставило перед 6-й дивизией задачу: сначала имеющимися силами во что бы то ни стало задержать продвижение врага на Шальготарьян, а затем, получив подкрепление, в соответствии с директивой главкома перейти в наступление в северном направлении и отбросить противника.

8 мая противник продолжал медленное и методичное продвижение в сторону Шальготарьяна. Несмотря на то что наступление чехословацких буржуазных войск еще продолжалось, стойкость частей, защищавших Шальготарьян, не только не снижалась, а даже росла. Утром 8 мая части 6-й дивизии приступили к перегруппировке сил в районе Шальготарьяна. Бойцы, защищавшие город, почувствовав приход подкреплений, начали проводить более смелые операции против врага. Находившийся к северу от города 53-й батальон 2-го полка вместе с одной из рот, направленной сюда командованием 6-й дивизии, предпринял попытку захватить у противника господствовавшую над местностью высоту Карпач.

До прибытия частей 6-й дивизии все большую роль в обороне Шальготарьяна начали играть отряды вооруженных рабочих, сформированные в городе и его окрестностях. Действия добровольцев и пролетариев причиняли противнику серьезные неприятности.

Одновременно с наступлением на Шальготарьян чехословацкие войска вели бои и за овладение Эгером.

6 мая части 6-й чехословацкой дивизии нанесли удар по оборонявшему Апатфалву батальону 5-й дивизии Красной армии. Батальон не выдержал и отошел до Шарвашке (населенный пункт в 10 километрах к северу от Эгера). Используя возникшую в войсках неразбериху, противнику удалось захватить даже бронепоезд, стоявший на станции Апатфалва. Главное командование армии усилило эгерский оборонительный участок двумя батальонами и двумя артбатареями. Несмотря на это, командование 5-й дивизии, не веря в свои силы, приступило к эвакуации из города материальных ценностей.

Эгерская буржуазия показала себя нисколько не лучше господ из Шаторальяуйхея, Сатмара, Надьварада и

других мест. Она всячески стремилась помочь противнику занять город. Делегации представителей буржуазии неоднократно посещали командование вражеских войск и торопили его с захватом Эгера. Об этом упоминал генерал Пиччоне в донесении за 6 мая. «Командование 6-й дивизии докладывает, — писал он, — что к коменданту Мишкольца полковнику Анджиони уже дважды прибывали три парламентера из города Эгера с просьбой, чтобы чехословацкие войска поскорее заняли этот город».

В первую неделю после 2 мая будапештский рабочий класс помогал войскам, сражавшимся на Северном фронте, проявляя при этом образцы мужества, стойкости. Это оказало свое влияние. Хотя отступление полностью еще и не прекратилось, но сопротивление Красной армии все же росло с каждым днем. Бойцы, которые еще недавно считали положение дел безнадежным, поскольку не чувствовали за собой соответствующей силы, и при малейшем натиске врага не раз обращались в бегство, теперь сражались с агрессором с чувством возросшей уверенности в себе и волей к победе.

Перемены, которые произошли в ходе боев на Северном фронте, создавались отнюдь не за один день. Однако вышестоящее командование еще не учитывало в должной мере те возможности, которые вытекали из возросшего боевого духа войск. Первые признаки положительных перемен проявились 9 мая.

Вечером этого дня противник, находившийся у Вечеклё-пуста, перешел в наступление против правого крыла частей противника на шальготарьянском участке обороны. Находившаяся в это время на рубеже обороны штурмовая рота 6-й дивизии с частью сил 53-го полка контратаковала противника, отбросив его на три километра от Вечеклё-пуста. По донесению командования 6-й дивизии, противник в панике бежал, оставив на поле боя много боеприпасов.

Благоприятно сложилась боевая обстановка в районе Сечень. После огневого боя, длившегося целый день, противник оставил город. Причину этого шага командир 2-й чехословацкой бригады излагает в своем донесении следующим образом: «Противник стремился захватить возвышенности к югу от города, вплоть до Долани, что привело бы к неустойчивости нашего положения... Зная намерения венгров, командование решило лучше оставить город самим и отойти на линию Пёштен, Халаси, Эндрефалва».

10 мая благоприятные изменения произошли в военной обстановке к северу от Шальготарьяна. В этот день увенчалось успехом упорное стремление командования 53-го батальона 2-й бригады отобрать у врага высоту Карнач. Противник был вынужден оставить важную высоту. Захват советскими войсками высоты, господствующей над всей местностью, заставил врага отвести части, находившиеся в долине к северо-востоку от Карпача, у населенного пункта Шомошкёуйфалу.

Воодушевленные успехом 53-го батальона, в контрнаступление перешли и красные войска, находившиеся в восточной части долины, протянувшейся к северу от Шальготарьяна.

Успех контрнаступления войск, оборонявших Шальготарьян, во многом обусловливался результативностью огня поддерживающей их артиллерии. К 10 мая она была значительно усилена. Контрнаступление поддерживали со стороны города четыре батареи, а со стороны подножия горы Карнач — сначала одна батарея, а потом огонь по противнику вели уже три артбатареи. В тот же день части, наступавшие в центре шальготарьянского участка фронта, вышли на линию Шомошкё, Шаторош, Харомхатархедь и Лапуйтё.

Донесения противника свидетельствуют о том, что инициатива 53-го батальона, имевшая поначалу местное значение, привела к неожиданным для частей 2-й чехословацкой бригады последствиям. «Противник в Шальготарьяне, — докладывал 10 мая полковник Ханак генералу Пиччоне, — получил сильное подкрепление и активно контратаковал наши позиции. Ему удалось прорвать оборону двух наших частей, занимаемую ими по обе стороны от дороги, ведущей в Фюлек. Для усиления обороняющихся я выслал три роты саперов (численностью около 300 человек). Прошу срочно направить в Лошонц 2—3 батальона подкреплений».

События, сложившиеся на этом участке фронта, вынудили генерала Пиччоне срочно запросить от министерства национальной обороны помощи. Несомненно, если бы командование 6-й дивизии и Главное командование армии быстрее разобрались в обстановке, сложившейся в результате успехов, достигнутых к северу от Шальготарьяна, то открылась бы возможность для того, чтобы, преследуя отступающего в панике противника, приступить к проведению более крупной операции, которая могла повлиять на судьбу всего Северного фронта. Поскольк-

ку этого не случилось, противнику представилась возможность привести в порядок свои войска и сосредоточить необходимые резервы на опасных для него направлениях.

11 мая на шальготарьянском участке фронта продолжалось преследование отступающего противника. На правом фланге фронта 6-й дивизии противник был вынужден отойти в направлении Забар и Айначкё. На центральном участке фронта красным войскам при поддержке двух бронепоездов удалось продвинуться до Радьолца. На направлении Карначалья, Лапуйтё дивизия наступала тремя батальонами, поддерживаемыми огнем трех батарей. Вечером того же дня Главное командование армии приказало частям 6-й дивизии всеми силами развивать наступление в направлении на Фюлек.

12 мая 6-я дивизия продолжала наступление в направлении на Лошонц и Фюлек. На рассвете она прорвала оборону противника у Ромхань-пуста и перешла к преследованию на главном направлении, вплоть до Фюлека, а на своем левом фланге дивизия достигла населенного пункта Рапп. На направлении Лошонц и Фюлек дивизия прорывалась при поддержке огня бронепоездов. Если еще до 8 мая донесения с шальготарьянского участка обороны говорили о подавленном настроении бойцов, об их склонности к панике, то теперь в каждом из них подчеркивалось, что красноармейцы рвутся вперед. «Части дивизии, которые до сих пор находились в боях, — говорилось в донесении командира 6-й дивизии, — показали отличные результаты и доказали свою боеспособность, у них есть желание драться. Настроение личного состава заметно поднялось».

Наступление Красной армии, которое началось на шальготарьянском оборонительном участке, поставило в тяжелое положение 2-ю бригаду противника. Боевой дух ее солдат, беспорядочно отступавших, начал резко падать, о чем свидетельствует донесение командира 2-й чехословацкой бригады, отправленное утром 12 мая в Братиславу, где находилась ставка главного командования.

«Я убедился в том, — писал полковник Ханак, — что физическое и моральное состояние подчиненных мне частей на сегодня таково, что у меня нет твердой уверенности в том, что они смогут устоять перед венгерским наступлением, которое, весьма вероятно, начнется крупными силами. Поэтому прошу замены участвующих в этих акциях частей и вывода их в резерв».

Оценивая состояние своих войск как очень тяжелое, командир бригады просил помощи у вышестоящего начальства. «Если в ближайшее время не прибудет значительной помощи, — писал он, — Лошонцу угрожает серьезная опасность».

И сам Пиччоне считал обстановку, сложившуюся к югу от Лошонца, угрожающей. Для предотвращения вероятной катастрофы он обратился в министерство национальной обороны с предложением в кратчайший срок организовать совместное наступление румынской и чехословацкой армий против венгерской Красной армии.

«Прекращением боевых действий румынами у Тисы и боевых операций нашей 6-й дивизии на демаркационной линии, — писал он,—я передаю, на радость коммунистам, в их руки территории к западу от Тисы и к югу от Мишкольца... Население настойчиво просит оккупации нашими войсками этих территорий, о чем я уже докладывал ранее. Более того, в тех районах снова организуются части Красной гвардии, замышляющие вернуть Мишкольц. Создавшаяся обстановка дала венграм возможность бросить высвободившиеся силы против нашей 2-й бригады. Вот почему необходимо снова начать совместное наступление румынских и чехословацких войск. В ходе этого наступления можно было бы не только освободить всю утраченную территорию, но и уничтожить часть сил, действующих против нашей 2-й бригады, облегчив выполнение ею своей задачи. Решит ли министерство проводить энергичные наступательные действия или выскажется за сохранение нынешней демаркационной линии, во всех случаях я прошу оказания мне быстрой помощи, чтобы иметь возможность отбить наступление войск извне или подавить восстание в своем тылу, которое можно ожидать со дня на день. 6-я дивизия не имеет в своем распоряжении достаточных сил, а у меня нет возможности ее чем-то усилить. Обращаю особое внимание на положение 2-й нашей бригады, которая под натиском наступления венгерских войск вынуждена была отойти на старую демаркационную линию, а также на то, что еще не исключена попытка врага под влиянием достигнутого успеха перейти к наступлению и на других участках фронта, а его новые победы приведут, как известно, к значительным моральным и материальным издержкам. Прошу министерство в самое ближайшее время передать в мое распоряжение одну свежую бригаду, без которой положение Слова-

кии может оказаться довольно критическим. Прошу срочного ответа».

Полностью текст телеграммы генерала Пиччоне в министерство национальной обороны приведен здесь потому, что она хорошо дает почувствовать, какое впечатление оказало на командование армии интервентов успешное контрнаступление войск Красной армии. Особенно достойно внимания то, что Пиччоне уже тогда учитывал возможность перехода Красной армии в контрнаступление с целью освобождения Мишкольца.

Клофач ответил на телеграмму Пиччоне в тот же день. Он сообщил, что 8-й пехотный полк у Тешина подчинен главному командованию словацких вооруженных сил. Кроме того, части 4-й дивизии, находящейся в стадии формирования, он передает в распоряжение Пиччоне с условием использовать их только там, где положение не столь тяжелое. Короче говоря, это не были подкрепления, на которые рассчитывал генерал Пиччоне. Клофач был против плана комбинированного наступления румыно-чехословацких войск. Ему было известно то, чего еще не знал генерал Пиччоне: у чехословацкого буржуазного правительства возникли неприятности в Париже из-за нарушения им в ходе апрельского наступления ранее определенной демаркационной линии.

Тяжелый кризис, который переживал противник на лошонцском направлении, а также тот факт, что чехословацкие вооруженные силы в Словакии не могли в ближайшее время рассчитывать на подкрепление, создавали благоприятные возможности для успешных действий венгерской Красной армии. Войска в районе Шальготарьяна имели успех, даже не задействовав в полной мере главных сил 6-й дивизии. Продолжение контрнаступления, использование успехов, достигнутых резервами Красной армии на лошонцском направлении, ввод их в бой для развития наступления, несомненно, решающим образом повлияли бы на изменение боевой обстановки на Северном фронте. По войскам чехословацкой армии в Словакии можно было нанести такой удар, который надолго выключил бы их из дальнейшей борьбы.

Военная обстановка у Эгера сложилась менее благоприятно. 10 мая 5-й дивизии удалось контрударом выбить противника из Апатфалвы. Однако на другой день противник, усиленный свежим батальоном, восстановил положение. 12 мая красные войска были вытеснены из Сарвашкё и отошли до самого Фелнемета. По донесению ко-

мандира 5-й дивизии, противник утром того же дня обстрелял из артиллерии город Эгер.

Командир дивизии вновь предложил Штромфельду сдать Эгер, но тот опять в категоричной форме отклонил это предложение. «Не может быть речи о захвате противником даже одной оборонительной линии, — телеграфировал начальник генерального штаба, — противника нужно атаковать и отбросить. Необходимо сделать все, чтобы отбросить врага на север от Эгера».

Штромфельд знал, что осложнение положения в Эгере привело командование дивизии в нерешительность. Однако соотношение сил воюющих сторон вовсе не вынуждало дивизию к постоянному отступлению.

ОБХОД

12 мая многообещавшее контрнаступление 6-й дивизии венгерской Красной армии остановилось на полпути. В этот день Штромфельд приостановил это наступление, приказав перебросить главные силы соединения под Шальготарьян, а на этом участке фронта оставить только боевое охранение. Остановка контрнаступления в направлении на Лошонц, Фюлек дала возможность противнику сделать передышку, привести в порядок свои части и усилить их. Воспользовавшись тем, что наступление венгерской Красной армии застопорилось, противник довольно быстро пришел в себя и вскоре сам подготовил новое наступление на Шальготарьян.

Что вынудило командование Красной армии остановить так много обещавшее наступление своих войск к северу от Шальготарьяна? Значительная часть лиц, занимающаяся историей венгерской Красной армии, считает, что ее командование остановкой наступления, развернувшегося к северу от Шальготарьяна, а также затянувшимся сосредоточением резервов за линией Южного фронта допустило серьезную ошибку. По их мнению, командование Красной армии попалось на удочку ложных слухов о готовящемся в ближайшее время нападении Антанты с юга. Многие утверждают, что генштабы империалистических государств намеренно распространили слухи о готовящемся нападении на советскую республику с этого направления, с тем чтобы, обманув Революционный правительственный совет и руководство Красной армии, облегчить положение чехословацких войск. Некоторые даже пытаются доказать, что начальник разведки Крас-

ной армии контрреволюционер Дёме Стоякович (позднее он стал известен как Дёме Стояи[1]) обманывал командование Красной армии.

Детальное изучение событий и анализ находящихся в нашем распоряжении иностранных источников убеждают, что, несмотря на преувеличенность сведений о сосредоточении вражеских войск в этом районе, все же реальная угроза нападения на Венгерскую советскую республику с юга существовала. И ни в коей мере не подтверждаются утверждения о том, что генштабы империалистических государств и предательские элементы, действовавшие в разведывательных органах Красной армии, сумели обмануть Революционный правительственный совет и командование вооруженных сил ложью об ожидаемом в ближайшее время нападении Антанты с юга.

Первые сведения о сосредоточении вражеских сил на Южном фронте начали поступать 7 мая. В этот день отдел разведки доложил, что в районе Штейнбрук, Загреб, Декенеш сосредоточиваются крупные силы противника. Создавалось впечатление, что Антанта готовится к нападению на югославском фронте. В сводке о положении на фронтах от 9 мая упоминается, что «по агентурным сведениям, с Новисада на Баю передвигаются колониальные войска. Предположительно, у Баи сербы сменят войска Антанты. В районе Загреба установлено выдвижение крупных французских сил».

9 мая Главное командование армии распорядилось провести авиаразведку с целью установления сосредоточения вражеских войск. И хотя до нас не дошли документы о результатах разведки, однако они, видимо, не противоречат вышеупомянутым сведениям. Иначе бы Главное командование пришло бы к другому выводу.

Факты о готовящемся нападении Антанты подтверждали и донесения из войск, находившихся на Южном фронте. Несомненно, были и иные данные, по которым Антанта якобы не намеревалась напасть на советскую республику с юга. Однако донесения о ее подготовке к нападению с юга выглядят во много раз убедительнее их.

Бем утверждал, что сведения о готовящемся нападении Антанты с юга подтверждаются и сообщениями, поступающими по линии Наркомата по иностранным делам.

---

[1] В марте 1944 г. был поставлен гитлеровскими оккупантами во главе венгерского правительства как доверенное лицо Гитлера. — *Прим. авт.*

Если упоминать только о венгерских источниках, которые свидетельствовали о намерении французских империалистов и их союзников в мае 1919 года напасть на советскую республику, еще можно было бы поверить версии удачно проведенной врагом акции по дезинформации Революционного правительственного совета и командования Красной армии. Однако и многочисленные источники врага подтверждают такие намерения у империалистов, их готовность к нападению.

Выше уже говорилось о директиве Клофача, отданной буржуазной чехословацкой армии в связи с началом военных действий против Венгерской советской республики. В ней сообщалось, что «одновременно с наступлением чехословацких войск начнется наступление румын и сербов». Клофач располагал надежными сведениями о намерениях своих французских союзников, ведь в его министерстве члены французской военной миссии играли ведущую роль. О намерении французских войск напасть на советскую Венгрию подтверждают и другие чехословацкие документы.

19 мая в адресованной генералу Пиччоне директиве Клофач подчеркивал, что «по достоверным данным, 19 мая снова начнется наступление румынских, французских и сербских войск на Будапешт».

Министр национальной обороны Чехословакии был уверен, что нападение с юга союзнических войск против советской республики начнется очень скоро. И только 25 мая Клофач вынужден был признать, что нельзя рассчитывать на румын и начало военных действий на юге.

В конце апреля глава американской миссии Браун доносил своему резиденту в Вене: «Главнокомандующий французскими войсками на юге издал прокламацию, в которой подтверждает, что французы 23 апреля перейдут в наступление». В начале мая Браун вел переговоры с командующим французскими войсками в Белграде. Доверительно сообщая об этих переговорах, он писал, что «французы в Белграде готовы к захвату Будапешта. Они утверждают, что располагают для этого достаточным количеством войск».

Действовавший по поручению контрреволюционеров, собиравшихся в Сегеде, Денеш Пазманди, который в мае вел переговоры с генералом Черни, сообщил, что французский генерал готов к наступлению на Будапешт, «что у него 65 000 человек, в любое время готовых выступить в поход, но им нужен приказ из Парижа».

Мардареску в своих воспоминаниях также упоминает о том, что в мае французские и югославские войска сосредоточивались для нападения против советской республики. Развивая эту мысль, он пишет, что в том месяце замысел о новом крупномасштабном наступлении против советской республики все более выдвигался на передний план.

«О решении вопроса таким образом, — пишет он, — начали задумываться и наиболее дальновидные члены верховного совета, которые планировали совместные военные действия против Венгрии при участии французской, сербской, румынской, чехословацкой армий и других союзных войск, общей численностью 200 тысяч человек. С этой целью французская армия на территории Венгрии (ее силы состояли из одной дивизии трехполкового состава, тяжелой армейской артиллерии, шести батальонов сенегальцев) во второй половине мая была сосредоточена в северо-восточной части Баната, в районе Сегед, Кикинда, для наступления в северо-западном направлении».

Будучи главнокомандующим румынской армией, в Трансильвании Мардареску тоже находился в тесном контакте с генералами французской армии. Поэтому их данные вполне можно считать достоверными. Они говорят, что сведения о предполагаемом нападении Антанты на Венгрию с юга имели все основания. Опасность наступления ее войск в ближайшее время ставила Главное командование венгерской Красной армии в тяжелое положение. В этой обстановке было ясно, что, если оно хотело защитить советскую республику от нападения с юга, ее лучшие силы необходимо было оттянуть на юг, а на остальных фронтах оставить только минимальное количество войск.

Главное командование армии немедленно приступило к разработке планов отражения наступления вражеских войск, ожидаемого с юга. При их разработке оно исходило из того, что противник может перейти в наступление на Будапешт тремя дивизиями со стороны Сегеда и двумятремя дивизиями из района Муракёза. Было ясно, что Красная армия не располагала силами для одновременного ведения успешных боевых действий против наступающего врага как в Задунайщине, так и в междуречье Дуная и Тисы. Командование Красной армии могло рассчитывать на успех только в том случае, если она сначала выступит всеми силами против одной из наступаю-

щих групп противника, а затем — против другой и разобьет их по очереди.

Первое решение командования Красной армии предусматривало: сосредоточив в Задунайщине все силы, которые только можно было собрать, сначала разбить противника, наступавшего с Муракёза, а затем нанести фланговый удар по вражеским войскам, наступавшим в междуречье Дуная и Тисы. Это решение легло в основу приказа Главного командования армии от 10 мая, в котором говорилось следующее: «Общее внутриполитическое положение, а также сведения, поступающие о противнике, делают возможным, что в ближайшие дни (12 мая?) вражеские войска могут предпринять наступление с южного направления.

В этом случае Главное командование армии намерено собрать все имеющиеся в его распоряжении силы воедино и контрударом отбросить наступающего противника. Эта цель потребует быстрого ввода сил, предназначенных для сосредоточения, поскольку главным образом нужно рассчитывать на успех, достигнутый внезапностью. Главное командование армии провело все подготовительные работы для того, чтобы ежедневно отправлять в район нового сосредоточения войск по 24 железнодорожных воинских состава. В первую очередь переброске подлежат части 3-го корпуса с 1-й и 4-й дивизиями, которые в настоящее время двумя большими группами сосредоточены для погрузки в районах Хатвана и Вамошдёрка».

Намерения Главного командования армии сосредоточить войска в Задунайщине доказывают и записи в дневнике армии. «...Главное командование армии, — записано в нем, — решило, что оно сосредоточит все силы в Задунайщине и контрударом отобьет наступление».

Утром 11 мая Бела Кун, Бела Санто, Вильмош Бем и Аурел Штромфельд обсудили в штабе Главного командования армии военное положение советской республики и пришли к окончательному решению относительно отражения ожидаемого со стороны Антанты нападения. Аурел Штромфельд ознакомил наркомов по военным делам с военной обстановкой и изложил перед ними решение штаба. По его мнению, нападение на Будапешт можно ожидать прежде всего со стороны Декенеша и Сегеда. По плану штаба прежде всего нужно было отбросить контрударом противника, наступавшего со стороны Декенеша. С этой целью подавляющее большинство дивизий Красной армии необходимо перебросить в Задунайщину, оста-

вив для обороны в междуречье Дуная и Тисы небольшие силы, даже в том случае, если это угрожало бы полной потерей междуречья. Необходимость удержания Задунайщины штаб прежде всего объяснял причинами экономического характера. С военной точки зрения, при принятии им такого решения свою роль сыграл тот факт, что войскам, действовавшим в Задунайщине, не угрожало нападение чехословацкой буржуазной армии с тыла, а в междуречье Дуная и Тисы нужно было учитывать и эту опасность.

Этот план, если рассматривать его исключительно с военной точки зрения, безусловно, базировался на правильном, смелом и целеустремленном решении. В то же время, как всякий военный план, подготовленный без всестороннего и глубокого анализа общего стратегического положения страны и ее политических условий, он мог бы стать и источником грубых ошибок.

В южной части Задунайщины уже в мае 1919 года довольно сильным было влияние контрреволюционных элементов. Таким образом, с потерей междуречья Дуная и Тисы Красная армия могла опираться на тыл, который не являлся достаточно прочным для той гигантской борьбы, которую она вела с врагом. С потерей междуречья довольно рискованным становилось положение и с удержанием революционного сердца Венгерской советской республики — Будапешта. Хотя план штаба и предусматривал упорную оборону Пешта, было очень сомнительным, что две дивизии, которые штаб выделял для обороны столицы, могли ее удержать. Потеря Будапешта, несомненно, поставила бы точку на судьбе Венгерской советской республики.

О дискуссии, которая происходила в штабе Главного командования армии, документов не сохранилось. Однако из решения, родившегося в ходе этого обсуждения, явствует, что Бела Кун и Бела Санто, исходя из военных и политических соображений, отклонили план Главного командования и штаба армии. После совещания наркомов с начальником штаба армии родилось новое решение, которое сводилось к следующему:

«В связи с намечающимся общим наступлением Антанты для руководства боевыми операциями определить следующие операционные направления.

На демаркационных линиях оставить самые минимальные силы, в задачу которых входит наблюдение за противником и задержание по возможности на длительное

время его наступления. Все высвободившиеся таким образом силы должны быть использованы для активной обороны против наступающего противника в междуречье Дуная и Тисы».

На основе этого решения был отдан приказ командования Красной армии от 11 мая, в котором 3-й корпус получил указание подготовиться к переброске по железной дороге в район Кечкемета. Здесь его части должны были сосредоточиться таким образом, чтобы в любой момент иметь возможность нанести контрудар в направлении на Кишкунфеледьхазу. В приказе говорилось, что за 3-м корпусом в Кечкемет последуют все, какие только можно будет снять с Северного фронта, части 6-й дивизии.

Перед войсками, оставленными на демаркационной линии, Главное командование армии поставило задачу: всеми имеющимися силами затормозить продвижение противника, с тем чтобы «ударная группировка армии имела время достичь решающих успехов не только на одном направлении, но и после этого вновь нанести удар против другой вражеской группировки».

Разумеется, что при этих обстоятельствах 6-я дивизия уже не могла продолжать наступления. Ее части сосредоточивались таким образом, чтобы в случае необходимости их можно было немедленно перебросить на Южный фронт. Главное командование армии 11 мая отдало директиву и находившейся в тяжелом положении 5-й дивизии о выводе ее двух батальонов и одной батареи в армейский резерв, который находился в Фюзешабони. Этот приказ вынудил и 5-ю дивизию перейти к пассивной обороне.

Донесения агентурной разведки и после 12 мая продолжали подтверждать сведения о подготовке Антантой нападения на Венгерскую советскую республику с юга.

«По достоверным источникам, — записано в дневнике армии 13 мая, — румыны, усиленные французскими войсками, 15 мая вновь перейдут в наступление... В Триест продолжают прибывать на кораблях антантовские войска. Упомянутое подкрепляют сведения о сосредоточении войск Антанты на Южном фронте и намерении врага перейти в наступление у Сольнока».

17 мая поступили новые сведения об усилении французских войск в районе Сегеда, а также о прибытии в этот город командующего французской армией в Венгрии генерала д'Лоби. Из всего этого Главное командование армии сделало вывод об ожидаемом в ближайшие дни на-

ступлении противника. Поэтому 17 мая оно отдало командованию 4-й и 6-й дивизий директиву начать на другой день утром переброску своих войск в район Кечкемета. 18 мая дивизии приступили к выполнению приказа Главного командования. Тем самым оборона Северного фронта была ослаблена и положение Шальготарьяна снова стало критическим.

Как известно, империалисты отказались от намеченного на май крупномасштабного наступления на юге, но это вовсе не исходило из «миролюбия» французов и их союзников.

19 мая на Парижской конференции Вильсон, Ллойд Джордж и Клемансо вновь обсуждали вопрос о крупном наступлении против Венгерской советской республики. Вильсон и Ллойд Джордж хотели, чтобы это наступление начали французские войска, находившиеся на южных границах Венгрии. В то же время Вильсон заявил, что после падения Венгерской советской республики ему хотелось бы видеть во главе комитета государств Антанты в этой стране такого человека, как генерал Смэтс.

А это означало, что американцы и англичане после свержения советской власти в Венгрии намеревались держать ее под своим влиянием. Такой поворот дел, разумеется, подействовал отрезвляюще на французов. Им стало ясно, что англо-американские империалисты собираются таскать для себя каштаны из огня руками своего французского партнера, а это отнюдь не прельщало Клемансо. Оттяжка нападения с юга была вызвана и другой причиной: представители Германии еще не подписали мирного договора, подготовленного государствами-победительницами. В широких общественных кругах распространилось мнение, что они вообще их не будут подписывать, а тогда снова начнется война между Францией и Германией. Поэтому на заседании 19 мая Клемансо попросил время для более детального изучения вопроса о начале военных действий в Венгрии, заявив, что многое будет зависеть от того, подпишут ли немцы на будущей неделе мирный договор или нет. Свое выступление Клемансо закончил тем, что ему еще нужно изучить возможности военного нападения на Венгрию. И вопрос на некоторое время был снят с повестки дня.

С другой стороны, и решимость Венгерской советской республики сосредоточить войска Красной армии для отпора врагу на Южном фронте предупреждала французских империалистов о том, что если они захотят идти на

Будапешт, то должны рассчитывать на тяжелые бои. А французы, исходя из состояния собственной армии и настроений в тылу, отнюдь не хотели рисковать.

Таким образом, перегруппировка резерва Красной армии на Южный фронт ни в коей мере не может рассматриваться как «пустой удар». И в этом ошибка тех историков, которые ее оценивают именно так.

В данной обстановке Революционный правительственный совет и командование Красной армии не могли предпринять ничего иного, как подготовиться к отражению очередного нападения. И вообще, необходимо подчеркнуть, что нельзя ни в каком случае считать ошибочными действия, если в стране, которой враги угрожают со всех сторон, силы сосредоточиваются на том фронте, где нападение еще не началось, но угроза уже существует. Такой шаг необходим для того, чтобы отбить не только нападение противника, но и желание начинать его.

Перегруппировкой резервов в южном направлении Революционный правительственный совет и командование Красной армии не совершили никакой ошибки. Напротив, это говорит о масштабности мышления и смелости революционного руководства Красной армии. Оно и так долгое время оставляло Южный фронт без значительных сил. После того же, как ему стало ясно, что некоторое время здесь можно не рассчитывать на нападение, командование решилось на использование резервов, сосредоточенных в районе Кечкемета, хотя империалисты по-прежнему угрожали Венгерской советской республике с юга.

СОВЕТСКАЯ ПОМОЩЬ

В тяжелой обстановке, когда Венгерской советской республике угрожало нападение с нового направления, военное и политическое руководство диктатуры пролетариата обратилось за помощью к своему старшему брату, Советской России.

11 мая начальник генерального штаба Красной армии Аурель Штромфельд в докладе Беле Куну, указывая на новое ожидаемое нападение Антанты, считал необходимым, чтобы на Украине Красная Армия Советской России для облегчения их положения предприняла бы наступление со стороны Коломеи в направлении на Стрый и Чоп.

«Кажется, — писал он, — мы находимся перед началом всеобщего наступления против нас Антанты. Жизненно важным для Венгерской советской республики был бы прорыв русских войск со стороны Коломеи через Стрый и Чоп; тем самым было бы облегчено положение венгерских войск на румынском фронте».

Просьбу Штромфельда Бела Кун передал в Москву. Эта инициатива об организации взаимодействия двух Красных Армий со стороны руководителей Венгерской советской республики была проявлена не впервые.

11 апреля Бела Кун на заседании Революционного правительственного совета заявил: «Нами установлен контакт с Чичериным и Лениным, с тем чтобы мы могли объединить наши военные усилия... Для этого нужен прорыв под Маромарошем». При выборе направления прорыва Бела Кун руководствовался тем, что именно здесь в это время Красная Армия встретилась бы на своем пути с наименьшими препятствиями. Остатки контрреволюционной армии Петлюры находились к северу от этой линии. А румынские войска еще не сосредоточили в этом районе значительных сил. Однако, каким бы реальным ни казался этот план, события, развернувшиеся позднее, к сожалению, не позволили осуществить его.

Следствием наступления румынской и чехословацкой контрреволюционных армий к западу от Карпат явилось образование румыно-чехословацкого коридора, над созданием которого немало потрудились империалисты, начиная с первых дней существования Венгерской советской республики.

Правительства Советской России и венгерского рабочего государства даже в создавшихся тяжелых условиях не отказались от надежды установить локтевую связь между двумя Красными Армиями.

Известна телеграмма В. И. Ленина, датированная 21 апреля 1919 года, которую он направил главкому И. И. Вацетису и члену Реввоенсовета Республики С. И. Аралову, перед которыми ставит следующую задачу: сосредоточить силы строго на двух направлениях — против Деникина и для оказания помощи Венгерской советской республике. «Продвижение в часть Галиции и Буковины необходимо для связи с Советской Венгрией, — писал Владимир Ильич. — Эту задачу надо решить быстрее и прочнее, а за пределами этой задачи никакое занятие Галиции и Буковины не нужно, ибо украинская армия безусловно и ни в каком случае не должна отвлекаться

от своих двух главных задач, именно: первая важнейшая и неотложнейшая — помочь Донбассу. Этой помощи надо добиться быстро и в большом размере. Вторая задача — установить прочную связь по железным дорогам с Советской Венгрией. Сообщите ваши директивы Антонову и меры проверки их выполнения. Предсовобороны *Ленин*»[1].

К началу апрельского наступления румын в Венгрии советская Красная Армия успешно продвигалась к границам Галиции.

Задача прорыва через Буковину и установления прочной связи по железным дорогам с советской Венгрией в свое время была поставлена перед Киевской армией (со второй половины апреля — 1-я Украинская советская армия) Украинского фронта. Она имела 28 тысяч штыков и сабель при 45 артиллерийских орудиях. К середине апреля армия подошла к Галиции. Войска директории были разгромлены. «...Украина, которую на короткое время захватили петлюровцы, от петлюровцев очищена вся, и красные войска идут на Бессарабию»[2], — говорил В. И. Ленин, выступая 16 апреля 1919 года на конференции железнодорожников Московского узла.

Разумеется, что странное намерение братской советской Венгрии наступать на Бессарабию, оккупированную Румынией, не могло не обеспокоить ее правителей. Тем более что на захваченной территории росло повстанческое движение. Молдавские трудящиеся, бежавшие от гнета румынских помещиков, обратились к правительствам Советской России и Украины с просьбой о помощи. Поэтому, когда план прорыва через Буковину и Галицию был сорван империалистами, перебросившими в этот район 70-тысячный корпус польского генерала Галлера, советское командование решило активизировать свои действия против королевской Румынии на юге.

Для освобождения Бессарабии и оказания военной помощи Венгрии в районе Одессы спешно формировались две украинские дивизии, две интернациональные и одна бессарабская бригады. Они входили в состав 3-й Украинской советской армии под командованием Н. А. Худякова. Армия к началу мая насчитывала немногим более 11 тысяч штыков и сабель. Этими силами командование планировало начать наступление за Днестр, рассчитывая

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 285—286.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 313.

на поддержку его повстанческим движением в Бессарабии. Майский ультиматум правительств РСФСР и УССР говорил о решительности его целей и задач.

Однако запланированное наступление Красной Армии за Днестр задержало и ослабило неожиданное обстоятельство. В начале мая командир одной из самых боеспособных дивизий советской армии атаман Григорьев совершил предательство: он поднял мятеж и ударил в спину Советской власти. Центром мятежа стал город Елизаветград. 9 мая он разогнал городской Совет и расстрелял более 30 коммунистов — партийных работников и рядовых членов партии. Установил связь с Махно. Используя преимущества неожиданности мятежа, он занял несколько городов и населенных пунктов.

Предательство Григорьева создало тяжелую обстановку на южном крыле Украинского фронта. Положение усугублялось еще и тем, что переход Григорьева на сторону контрреволюции совпал с крупным наступлением, которое начал Деникин. Предательство произошло в тылу советских войск, боровшихся против Деникина, и потому могло привести к тяжелым последствиям для всего Южного фронта.

Совет рабоче-крестьянской обороны Украины обратился с призывом ко всем трудящимся Украины встать на борьбу против атамана Григорьева, а также против сил контрреволюции, поддерживающих его. В нем говорилось:

«В момент, когда Советская власть напрягает все свои силы, чтобы совместно с Советской Россией прогнать из Донецкого бассейна банды царских золотопогонных холопов, когда Украинская Красная Армия готова очистить Бессарабию и Буковину от румынско-помещичьей сволочи и протянуть руку помощи Красной Армии, неизменные враги социалистической революции на Украине с.-р.-активисты [1] и незалежники-активисты [2], пытавшиеся уже не раз сорвать Советскую власть, заносят снова над нею свою руку» [3].

---

[1] Левые социалисты-революционеры (активисты) — разновидность русских левых эсеров на Украине.

[2] Незалежники-активисты (независимцы) — основная часть незалежников, которые выделились из УСДРП в январе 1919 г. как «левая» ее часть.

[3] Гражданская война на Украине. Сборник документов и материалов. Киев, 1967, т. 2, с. 33.

Против предателя Григорьева были брошены войска под командованием Ворошилова и Пархоменко. Они один за другим освободили города, занятые Григорьевым, и 21 мая окружили его главные силы, а затем в течение нескольких дней разбили их полностью.

24 мая В. И. Ленин в телеграмме Ворошилову и Пархоменко выразил им самые лучшие пожелания, поздравив их с быстрой победой над Григорьевым. Одновременно он просил немедленно направить высвободившиеся войска в Донбасс, где из-за наступления Деникина сложилось крайне тяжелое положение.

В первой половине мая хорошо оснащенному и вооруженному войску Деникина удалось захватить Кубань и Ростовскую область. Предатель Махно открыл путь для конницы Деникина, которая под командованием атамана Шкуро глубоко проникла в пределы Советской России.

В этой обстановке все силы пролетарского государства необходимо было мобилизовать на ликвидацию смертельной опасности, которая грозила со стороны Деникина. Ленин отдал директиву Совету Народных Комиссаров Украины, в которой говорилось: «Сосредоточить все силы на Донбассе, снять с Западного фронта все возможное, сократив до минимума все активные действия на вашем Западном фронте...» [1]

Вследствие предательства Григорьева и наступления Деникина советская Красная Армия уже не могла осуществлять прорыв в южном и юго-западном направлениях в темпах, которые определились в апреле. Часть войск необходимо было перебросить на Южный фронт, так как оставшихся в Галиции, Буковине и Бессарабии сил было недостаточно, чтобы прорвать кольцо врагов и установить связь с венгерской Красной армией. Имеющимися силами можно было лишь демонстрировать постоянные активные действия, и тем самым приковать к себе противостоящие румынские войска, которые империалисты могли бы бросить против Венгерской советской республики.

Узнав через Белу Куна о просьбе начальника генерального штаба венгерской Красной армии о помощи, руководители Советского государства, несмотря на тяжелое военное положение в стране, приложили все усилия для оказания такой помощи Венгерской советской республике.

---

[1] Ленинский сборник XXXIV, с. 153.

16 мая В. И. Ленин, сообщая Беле Куну о наступлении советской Красной Армии, писал: «Привет крепнущей Красной Армии венгерских рабочих и крестьян. Зверский мир Антанты усилит везде сочувствие к Советской власти. Вчера украинские войска, победив румын, перешли Днестр. Шлю наилучшие приветы Вам и всем венгерским товарищам. *Ленин*» [1].

Наступление советской Красной Армии на Украине вынудило румынское военное командование укрепить Бессарабский фронт войсками, в том числе и теми, что сражались против венгерской Красной армии. Во второй половине мая румынский генштаб перебросил с Западного фронта в Бессарабию одно из сильнейших соединений — 7-ю дивизию.

26 мая Бела Кун в телеграмме представителю Венгерской советской республики в Москве Руднянскому сообщил, что активизация советской армии на Украине дает о себе знать и на западе.

«Мы до сих пор еще не информированы в должной мере о ее наступлении за Днестр, — писал он, — просим продолжить наступательные действия, чтобы сковать румынские силы. Удар, нанесенный на востоке, уже сегодня чувствуется на западе. Самое лучшее было бы для нас желательным, если бы наступление интернационалистов последовало через Галицию или по крайней мере через Черновицы. Впрочем, придерживайтесь того, что говорит Самуэли» [2].

Румынский и польский генеральные штабы вкупе с Петлюрой начали согласованные наступательные действия, с тем чтобы остановить продвижение советской Красной Армии на Украине и закрыть ей путь в Венгрию.

Одновременно с активизацией румынских и польских войск в наступление на проскуровском направлении против дивизии Щорса перешел Петлюра. Врагу удалось прорвать фронт Красной Армии. На коростеньском направлении украинских националистов поддерживали белополяки. Против петлюровцев почти все лето в крайне невыгодных условиях вела оборонительные бои 12-я армия, которая под давлением превосходящих сил противника была вынуждена временно отступить.

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 310.

[2] Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее ИМЛ), ф. 21, оп. 1, л. 13 (на нем. яз.).

Во второй половине мая в Советскую Россию на самолете вылетел Тибор Самуэли, чтобы лично проинформировать В. И. Ленина о положении в Венгрии, одновременно продолжить переговоры относительно вооруженной поддержки Венгерской советской республики. И хотя в нашем распоряжении нет письменных документов об этих переговорах, отдельные факты, воспоминания и т. д. позволяют сделать вывод, что на переговорах были заключены важные соглашения.

Тогда же, анализируя крайне тяжелое военное положение Советского государства и недостаток сил, стало ясным, что советская армия на Украине в ближайшее время не сумеет прорвать вражеское кольцо и установить связь с венгерской Красной армией. Отвлечение для этих целей каждой воинской части с фронта представляло смертельную опасность для Советской России и Советской Украины, грозило для них трагическими последствиями. На первый случай представлялся один выход: сформировать в Киеве из интернационалистов новую бригаду и ею помочь Венгерской советской республике.

Формирование бригады интернационалистов началось в Киеве еще во время пребывания Тибора Самуэли в Советской России. Вскоре Реввоенсовет Республики отдал приказ об организации в составе 12-й армии 1-й интернациональной стрелковой бригады трехполкового состава. Командиром бригады назначили замечательного чешского воина-интернационалиста Славояра Частека.

Вернувшись на родину, Самуэли рассказал об успехах советской Красной Армии в Бессарабии, кратко отметив, что думают там относительно оказания помощи Венгерской советской республике. «Наступление против румын на Днестре уже началось. Войска успешно форсировали Днестр, захватили город Бендеры, и, как бы ни опровергали официальные румынские круги, украинские красные войска находятся почти в десяти километрах от города Кишинева. Следствием их продвижения явилось то, что румыны очистили всю днестровскую линию и в лучшем случае они остановятся только у Прута...

...Отданы все распоряжения о создании пути в Венгрию через Галицию для освобождения революционного пролетариата Венгрии» [1].

В своем отчете для широких кругов общественности Самуэли нарисовал положение советской Красной Армии

---

[1] Vörös Újság, 1919, május 30.

в розовых тонах. Однако в докладе Беле Куну он без прикрас показал, в каких неслыханно тяжелых условиях продолжают борьбу не на жизнь, а на смерть советские Россия и Украина, подчеркнув, что в ближайшее время непосредственной помощи через Восточную Галицию ожидать нельзя.

«...Сущность доклада заключалась в том, что мы не можем в скором времени рассчитывать на соединение с русской Красной Армией через Восточную Галицию. Возможно, что военной демонстрацией против Бессарабии украинское советское правительство отвлечет внимание румын на ее восточные границы, но военное положение в Советской России еще труднее, чем у нас»[1], — вспоминал позднее Бела Кун об этом отчете Самуэли.

Хотя наступление за Днестр, начатое советской Красной Армией на Украине в мае, и не могло нанести сокрушающего удара по армии румынских захватчиков, оно, по существу, достигло своей цели, приковав к себе силы румынской армии. Это наступление облегчило положение Красной армии Венгерской советской республики в самый критический период ее существования. Оно явилось причиной того, что, несмотря на неоднократные призывы о помощи со стороны чехословацкого военного руководства и просьбы поторопиться с ее оказанием, румынское командование в течение мая и июня не смогло выделить значительные силы для операций против венгерской Красной армии.

НОВАЯ АКТИВИЗАЦИЯ СЕВЕРНОГО ФРОНТА

Войска Красной армии в районе Шальготарьяна в дни, последовавшие за остановкой энергично начатого контрнаступления, были заняты подготовкой новых наступательных действий. Тем же занимался и противник. Генеральный штаб чехословацких интервенционистских войск готовил новое наступление на Шальготарьян, а командование Красной армии, воспользовавшись передышкой на Южном фронте, готовилось к освобождению Мишкольца.

Клофач был крайне недоволен событиями, произошедшими в первой половине мая у Шальготарьяна. Командование буржуазной чехословацкой армии считало, что город будет занят еще до 10 мая. Однако из широко разрекламированного наступления после 10 мая получилось

[1] Kun B. A Magyar Tanácsköztársaságról, 553.o.

беспорядочное отступление чехословацких войск. Национальное министерство Чехословакии было обеспокоено положением, сложившимся к северу от Шальготарьяна, поскольку дальнейшее отступление войск грозило потерей Лошонца (Лучинец) и таило в себе серьезную опасность для всего их фронта в Словакии.

В приказе, отправленном вечером 13 мая Пиччоне, Клофач решительно потребовал от него, чтобы словацкие войска покончили с угрожающим катастрофой оборончеством и немедленно перешли бы в контрнаступление.

«Учитывая тяжелое положение, которое сложилось у Лошонца и во 2-й бригаде, а также то моральное поражение, которое явно потерпела 2-я бригада, Национальное министерство не считает нормальным помешать дальнейшему продвижению венгров только оборонительной тактикой.

Прошу все это взвесить и в кратчайшее время нанести энергичный удар частями 6-й и 7-й дивизий по флангам венгерских сил, наступающих на Лошонц, чтобы сделать таким образом невозможным дальнейшее наступление венгров и, если возможно, отбросить их назад».

Пиччоне хотел нанести контрудар концентрическими атаками трех бригад. Для наступления на Шальготарьян он объединил 2, 3 и 4-ю бригады, создав из них так называемую Лошонцскую группу во главе с генералом Летовски.

После 14 мая началась в быстром темпе подготовка к наступлению на Шальготарьян. Однако согласованной организации боевых действий помешали противоречия, которые возникли между старым генералом бывшей австро-венгерской армии Летовски и командиром 6-й дивизии итальянцем Росси из-за 3-й бригады. Росси не хотел передавать бригаду в подчинение Летовски. С одной стороны, он не желал, чтобы тот с захватом Шальготарьяна все лавры присвоил бы себе, а с другой, опасаясь наступления Красной армии на Мишкольц, всячески старался удержать в своих руках сильную группировку на правом фланге. Препирательства между Росси и Летовски в конце концов привели к тому, что Летовски обратился к Пиччоне с требованием: если ему не передадут 3-ю бригаду, то он просит вернуть его к исполнению прежних обязанностей.

Вмешательство Пиччоне привело к тому, что 3-ю бригаду все же передали Летовски. Однако плохие отношения между ее командиром-итальянцем и командующим

группой, установившиеся еще с самого начала, позднее поставили 3-ю бригаду в крайне тяжелое положение.

На 15 мая из данных разведки стало ясно, что в течение ближайших дней можно не рассчитывать на наступление Антанты с юга. Командование Красной армии решило использовать это время для освобождения Мишкольца.

Почему Революционный правительственный совет и командование Красной армии поставили перед собой целью освобождение именно Мишкольца? Несомненно, нанесение удара на Мишкольц было сопряжено с большой опасностью и являлось рискованным предприятием. Войскам, наносившим удар, справа угрожали части румынской буржуазной армии, находившиеся в районе Тисалуц, на левом фланге — 6-й чехословацкой дивизии. В случае их одновременных фланговых ударов наступление венгерских частей могло бы окончиться для них катастрофой.

Однако Революционный правительственный совет и Главное командование, обстоятельно взвесив все «за» и «против», решили нанести этот удар на Мишкольц. По их оценке, в сложившейся обстановке именно на этом направлении можно было достигнуть малыми силами самых крупных результатов. К тому же Мишкольц был одним из крупнейших городов советской Венгрии, важным политическим и промышленным центром. Мишкольц с прилегающим к нему Боршодским промышленным районом являлся не только крупнейшим промышленным, в том числе и военным, базисом страны, но и венгерского революционного рабочего движения. Освобождение Мишкольца имело довольно большое морально-политическое значение.

Овладение этим городом было важным и с точки зрения дальнейшего ведения боевых действий, так как без этого нельзя было рассчитывать на прочное изменение положения на Северном фронте. Находившиеся в Мишкольце вражеские войска создавали серьезную опасность для действующих к западу от него частей Красной армии. Было ясно, что рано или поздно успешно наступавшая на Северном фронте Красная армия обязательно овладеет Мишкольцем и всем его промышленным районом.

15 мая командование Красной армии отдало директиву о подготовке операций по освобождению Мишкольца.

Поскольку войскам, наступавшим на Мишкольц, нужно было продефилировать перед румынскими войсками, находившимися на правом берегу Тисы, нельзя было не

учитывать и нанесения с их стороны флангового удара, если они вдруг поспешат на помощь своему союзнику. Однако Главное командование Красной армии учитывало и тот факт, что взаимодействие между двумя контрреволюционными армиями было организовано слабо, а это создавало условия захватить город раньше, чем начнут действовать румынские войска. Для введения в заблуждение румынской армии относительно истинных намерений венгерских войск командованию корпуса одновременно с наступлением на Мишкольц было приказано демонстрировать вдоль Тисы видимость передвижения войск от Миндсента до Кишкереша. В Сольноке же переправиться через реку и захватить плацдарм на ее восточном берегу.

Задача освобождения Мишкольца возлагалась на 1-ю дивизию из состава 3-го корпуса. Одновременно с операциями 1-й дивизии по освобождению Мишкольца 5-я дивизия силами, сосредоточенными в районе Эгера, должна была наступать на Апатфалву, Виньо, а также в направлении на Боршодшадашд.

1-я дивизия имела в своем составе 12 батальонов и четыре батареи. На период наступления на Мишкольц ей придавалось еще четыре батальона и семь артиллерийских батарей. Дивизия состояла из двух бригад и четырех полков (32, 7, 8, 9-й), среди которых три были укомплектованы будапештскими рабочими. В первом батальоне 7-го рабочего полка все красноармейцы были членами профсоюза строителей, а во втором — рабочие-металлисты. Рабочие крупнейших столичных промышленных предприятий составляли личный состав и других батальонов. На солдат пролетарского происхождения в 1-й дивизии ложились большие и ответственные задачи: показать, на что способен с военной и политической точки зрения патриотизм рабочего класса. Их подвиг был велик: ведь успешное выполнение задачи — освобождение Мишкольца — воодушевило бы остальные части Красной армии и трудящихся в тылу, а провал, несомненно, подорвал бы настроение красноармейцев и трудящихся масс.

Командовал дивизией подполковник Керекеш. Все имевшееся в его распоряжении время он целиком использовал для того, чтобы подготовить части к преодолению трудностей, которые их ожидали. Комдив старался познакомить личный состав с задачами, которые стоят перед ним, потренировать его в выполнении важнейших из них, пополнить недостающее снаряжение.

Пока Красная армия готовилась к освобождению Миш-

кольца, буржуазная армия Чехословакии уже начала наступление восточнее Шальготарьяна. Утром 18 мая 3-я чехословацкая бригада приступила к выполнению поставленных перед ней задач.

Командование венгерской Красной армии не рассчитывало, что противник окажется способен за такое короткое время и в таких крупных масштабах организовать наступление. Именно поэтому оно в дни, предшествовавшие новому наступлению буржуазной чехословацкой армии, значительно ослабило силы, которые обороняли большую часть Северного фронта. Командование переподчинило 1-й дивизии часть войск 5-й дивизии для проведения операции по освобождению Мишкольца. Многие батальоны были выведены в резерв армии и корпуса. В результате у 5-й дивизии только на бумаге числилось 16 батальонов. В действительности же командир дивизии располагал лишь несколькими боеспособными батальонами. Значительная часть его подразделений была измотана в предыдущих боях.

Характерно в этом отношении предложение, с которым командир 3-го корпуса 18 мая обратился к Главному командованию армии. Он просил дать 5-й дивизии три рабочих батальона, а взамен их дивизия охотно отдаст шесть своих.

Не лучше обстояло дело и в частях, защищавших Шальготарьян. Оборону этого города значительно ослабило изъятие 6-й дивизии в момент начала вражеского наступления.

Вновь оборона Шальготарьяна легла на плечи всего нескольких батальонов, которые держали фронт еще до прибытия к ним этой дивизии. Главное командование в ходе майской реорганизации армии создало из Шальготарьянской группы 80-ю бригаду. Во время нового наступления буржуазных войск Чехословакии бригада состояла из 53-го полка трехбатальонного состава и приданного для усиления одного егерского батальона. В ее подчинении были еще два рабочих батальона, находившиеся в стадии комплектования и обучения. Бригада имела три артиллерийские батареи. Солдаты 53-го полка длительное время вели бои и порядком устали.

Против этой сильно ослабленной группировки 18 мая из района Ярданьхаза, Боршодналадь, Апатфалва началось наступление 3-й чехословацкой бригады.

Главные силы бригады противника начали продвижение в юго-западном направлении через Петервашар в сто-

рону Киштерене, с тем чтобы перерезать на юге линии коммуникаций войск, оборонявших Шальготарьян, а на второстепенном направлении охватить город Эгер с запада.

Несмотря на то что из анализа поступивших донесений можно было прийти к выводу о крупном наступлении противника, Главное командование венгерской Красной армии поначалу не придало ему особого значения. В сводке о положении на фронтах, подготовленной в его штабе, говорилось, что противник начал наступление лишь силами 3—4 батальонов.

19 мая пришли в движение вражеские войска, наступавшие в северо-восточном и северо-западном направлениях.

4-я бригада группы Летовски, начав наступление с рубежа Фелед, Шимони, своими главными силами продвигалась в направлении Айначкё, Алмадь, Церед. 3-я бригада, перейдя в наступление с линии реки Ипой, приближалась к Шальготарьяну и Сечени с северо-запада. К вечеру того же дня бригада захватила Киштерень, взяв в плен находившегося там командующего оборонительными силами Шальготарьяна.

С захватом его в плен положение к юго-востоку от Шальготарьяна стало еще более неясным. Овладев Киштереном, противник перерезал важнейшие линии коммуникаций. Была прорвана связь 80-й бригады с вышестоящим командованием.

В это время из Шальготарьяна в направлении Пасто, Хатван отходил состав, увозивший предпоследний батальон 6-й дивизии. После того как противник захватил Киштерень, эта возможность для батальона отпала. Выгрузившись в Задьвапальфалве, батальон атаковал Киштерень и после короткого боя отбил населенный пункт у врага. Поскольку командир батальона не представлял точной численности противостоявших ему подразделений противника, то вечером того же дня он из Киштереня двинулся дальше.

19 мая Главное командование наконец поняло, в каком тяжелом положении оказались войска, защищавшие Шальготарьян. Оно распорядилось вернуть в Хатван 6-ю дивизию, направив туда еще три батальона из Будапешта, приказав быть в готовности для ввода в бой. Одновременно еще одним полком была усилена 3-я дивизия.

При этом начальник генерального штаба Главного командования армии Аурел Штромфельд, обладая чутьем

стратега, понял, что судьбу Шальготарьяна в конечном счете будут решать не посланные городу на подкрепление части, а успешный контрудар, нанесенный восточнее города. Он знал, что если части Красной армии одержат победу к северу от Мишкольца и Эгера, то противник, опасаясь быть отрезанным, отведет войска на линию восточнее Шальготарьяна.

20 мая после короткой артподготовки в наступление перешли рабочие полки 1-й дивизии с целью освобождения Мишкольца.

На первом этапе наступления красноармейцам удалось вынудить отступить противника, защищавшего пятнадцатикилометровый рубеж обороны. Преодолев его сопротивление, бойцы вечером того же дня оказались непосредственно у стен Мишкольца.

Бой наступающих рабочих батальонов успешно поддержал 12-й бронепоезд дивизии. Уже в 10 часов утра была прорвана линия обороны противника, и бронепоезд на скорости подкатил к мишкольцскому вокзалу. Открыв артиллерийский огонь по вражеской пехоте с тыла, он создал панику в ее рядах. Выполнив свою задачу, бронепоезд благополучно вернулся за линию своих войск.

Для Пиччоне и командира 6-й чехословацкой дивизии Росси контрудар частей Красной армии, нанесенный под Мишкольцем, не был неожиданным. О его опасности они уже давно докладывали в министерство национальной обороны. Неожиданным для них был лишь тот огромный боевой подъем войск, с которым 1-я дивизия Красной армии атаковала город.

20 мая Пиччоне счел необходимым, чтобы генерал Эннок помог 6-й чехословацкой дивизии.

«Противник, — писал он ему, — крупными силами атаковал Мишкольц и Апатфалву. Генерал Росси, который со своими 6 батальонами должен участвовать в операциях «группы Лошонц», не располагает резервами, и я не могу ему помочь». Он просил Эннока создать группу из трех батальонов и одной артбатареи и направить ее на помощь Росси.

Учитывая, что в скором времени нельзя надеяться на помощь ни особого отряда 3-й дивизии, ни союзных румынских войск, командующий войсками, оборонявшими Мишкольц, вечером 20 мая принял решение о всеобщем отступлении.

«20 часов наши войска крепко держались на южной окраине города, — писал он позднее, — однако они не на-

делились, что смогут удержать ее. В 21 час командующий, чтобы избежать окружения и вновь взять в свои руки управление войсками, приказал сначала отступить на Сирмабешенё, а затем в быстром темпе отойти к Шайосентпетеру».

После 10 часов вечера противник начал отвод своих войск с территории Мишкольца. Отступающего врага атаковали вооруженные группы диошдьерских рабочих. Они захватили в плен много вражеских солдат и обоз одной из частей. Во многих местах ими были повреждены железнодорожные пути, чтобы помешать противнику транспортировать войска по железной дороге. Вследствие ряда неожиданных нападений групп вооруженных рабочих во многих частях противника возникла паника. Отступление приняло беспорядочный характер.

«Последние отступающие наши части были атакованы местным населением. В городе оказалось много оружия, поскольку генерал Зинконе с большим опозданием приступил к проведению операции по разоружению населения...» — докладывал позднее офицер главной инспекции чехословацкой армии, посланный для расследования событий, связанных с потерей Мишкольца.

«Отступление приняло такой характер, что, если бы венгры были лучше подготовлены, они захватили бы Кашшу, Рожнью, в опасном положении оказалась бы и железнодорожная линия Кашша — Жолна», — подчеркивалось в этом донесении. Пиччоне и Росси, чтобы как-то реабилитировать себя перед министерством национальной обороны за поражение под Мишкольцем, подчеркивали, что наступление на город вели якобы огромные силы венгров. Во многих донесениях фигурирует, что в этой акции с их стороны участвовало 40 тысяч солдат и офицеров.

Разумеется, потерпев поражение под Мишкольцем, враг не собирался успокаиваться и немедленно приступил к подготовке крупного наступления с целью вернуть город.

Хотя чехословацкие войска уже ночью оставили город, части 1-й дивизии венгерской Красной армии провели ночь на рубеже, на который они вышли к вечеру предыдущего дня. Ночь командир дивизии использовал для приведения в порядок и организации отдыха войск. Утром при всеобщем ликовании трудящихся масс героические пролетарские полки 1-й дивизии вступили в Мишкольц.

В успешных действиях при освобождении города большая заслуга принадлежит командиру 3-го корпуса

Ене Ландлеру. Несмотря на то что в те дни он болел, Ландлер постоянно находился среди красноармейцев, вдохновлял их, шутил или же был строг, когда этого требовали обстановка и интересы дела. Он был среди них в бою, с ними же вошел в освобожденный Мишкольц.

Хотя командование словацких вооруженных сил вынуждено было констатировать факт своего отступления под Мишкольцем, оно по-прежнему торопило войска с началом наступательных действий к северу от Эгера и у Шальготарьяна.

20 и 21 мая инициатива была в руках Летовски, ибо оборона к северу и западу от Шальготарьяна была слабой и не могла решительно противостоять натиску его войск. Однако положение в полосе обороны 5-й дивизии Красной армии изменилось.

Командир этой дивизии полковник Сакал и его начальник штаба капитан Груз были опытными офицерами. И хотя они не всегда достаточно ясно понимали, что подчиненных им людей нужно почаще воодушевлять, и часто слишком мрачно оценивали обстановку, но отлично разбирались в тактике боя.

Сакал еще 19 мая направил два батальона на захват Петервашара. Поскольку главные силы 3-й чехословацкой бригады в это время продвигались в направлении Киштерень, то они без особого труда овладели Петервашаром. После того как нахождение в этом населенном пункте двух батальонов стало излишним, Сакал один из них направил на другой участок фронта, а другому приказал оседлать шоссе между Петервашаром и Киштеренем. Командир предполагал, что отступающие части противника будут двигаться именно по этому маршруту.

Его ожидания оправдались.

20 мая батальон из 6-й красной дивизии, который Штромфельд повернул назад для выяснения обстановки в Киштерене, а также два шальготарьянских рабочих батальона при поддержке бронепоезда в упорных уличных боях сумели очистить город от врага и перешли к его преследованию.

Киштереньская группировка 3-й чехословацкой бригады, которая незадолго до этого угрожала отрезать части Красной армии в Шальготарьяне, теперь сама оказалась в критическом положении. Часть ее сил начала отступать в сторону Петервашара и попала в руки располагавшегося там в засаде батальона Красной армии. Петервашарский батальон взял в плен 300 солдат и офицеров против-

ника и захватил 35 пулеметов. Основные силы чехословацкой бригады отступили в направлении на Погонь.

Чтобы окончательно ликвидировать опасность, угрожавшую Шальготарьяну с севера и запада, Штромфельд вечером 20 мая отдал приказ командиру 6-й дивизии направить на шальготарьянский участок фронта 46-ю бригаду с тремя батальонами и одной артбатареей. Бригада на другой день прибыла на место назначения и начала теснить противника, прорвавшего в отдельных местах линию обороны перед городом.

Прибытие свежего подкрепления положительно сказалось на настроениях защитников города. 22 мая батальоны, которые вели себя до тех пор пассивно и даже отступали, перешли в контрнаступление. Против вражеского особого отряда, находившегося в Каранчшаге и угрожавшего левому флангу шальготарьянской группировки советских войск, выступил отряд, сформированный из красноармейцев и шахтерской молодежи. Неожиданным ударом ему удалось отогнать врага до самой Эндрефалвы.

Командование «группы Лошонц» так же, как и братиславское, привел к глубокому унынию поворот, который произошел в боевых действиях после 20 мая. Выход 5-й красной дивизии к северу от Петервашара поставил в тяжелое положение левый фланг «группы Лошонц». Активизация после 22 мая войск Красной армии в районе Шальготарьяна как бы предупреждала противника о том, что в ближайшее время им нечего рассчитывать здесь на успех.

22 мая генерал-лейтенант Летовски принял решение отвести свои войска за демаркационную линию, не дожидаясь нанесения по ним нового удара частей венгерской Красной армии. Пиччоне согласился с отводом «группы Лошонц» за линию Фелед, Ипойнитра и реку Ипой. Однако он решительно запретил отход хотя бы на шаг с этого рубежа.

23 мая войска чехословацкой буржуазной армии сделали последнюю попытку на правом фланге Красной армии вернуть с помощью союзной румынской армии Мишкольц и захватить инициативу в свои руки.

Начиная с 21 мая генштабы чехословацкой и румынской армий готовили совместное наступление на Мишкольц. Генерал Росси обратился к главному командованию румынских войск в Затисье с просьбой присоединиться румынским частям в Тиселуце к концентрическому наступлению, которое начнут 6-я чехословацкая диви-

ний и особый отряд 3-й дивизии. Главное командование румынских войск в Затисье выполнило просьбу Росси, выделив для участия в этой акции пять батальонов и пять артбатарей под командованием полковника Раду.

По распоряжению Пиччоне генерал Эннок послал в район Гестей пять батальонов и одну артбатарею. По плану командования 6-й чехословацкой дивизии в наступление на Мишкольц ее войска должны были перейти рано утром 23 мая одновременно с севера, северо-востока, востока и юго-востока.

Задача румынских войск состояла в том, чтобы, во-первых, фланговым ударом отвлечь на себя венгерские силы, а во-вторых, перерезав железнодорожную линию Эмёд — Мишкольц, помешать отходу частей Красной армии из Мишкольца, а также переброске свежих резервов для защитников города.

Командиру 1-й дивизии Керекешу с самого начала было ясно, что бои за Мишкольц отнюдь не закончатся только овладением города. Эту мысль он выразил еще до начала боя за Мишкольц, информируя Штромфельда о положении дел:

«...У меня нет сомнений относительно того, что 1-я дивизия внезапным ударом отберет Мишкольц у противника. Однако более тяжелая задача встанет несколько позже — это задача удержания Мишкольца».

Начальник штаба 3-го корпуса Ференц Жулье не придал особого значения опасности, которая угрожала Мишкольцу. Это нашло свое выражение в том, что он вернул 5-й дивизии два батальона и одну артбатарею, переданную 1-й дивизии перед 23 мая для ее усиления. В распоряжение 5-й дивизии предоставили и резерв, который имел на этот случай корпус. Тем самым корпус, по существу, становился неспособным оказать помощь 1-й дивизии в случае наступления противника на Мишкольц. О весьма поверхностной оценке обстановки начальником штаба корпуса свидетельствует и тот факт, что, несмотря на угрожавшую Мишкольцу опасность, он отдал приказ командиру 1-й дивизии продолжать главными силами продвижение на север. Этот приказ, несомненно, лишал возможности удержать Мишкольц и ставил 1-ю дивизию в катастрофическое положение. Командир 1-й дивизии с большим трудом добился отмены командиром корпуса распоряжения Жулье, для того чтобы соединение могло направить все силы на подготовку отражения ожидаемого контрнаступления противника.

24 мая на рассвете, в 3 часа 30 минут, началось совместное наступление на Мишкольц чехословацких и румынских войск. К северу от Мишкольца одна из групп 6-й чехословацкой дивизии продвигалась из Эделеня при поддержке сильного огня бронемашин. Этой превосходившей в силах красные войска группе к 8 часам утра удалось прорвать оборону на участке одного батальона 32-го полка, личный состав которого начал беспорядочно отступать. Его примеру последовали и подразделения, находившиеся во втором эшелоне. Ядро полка разбрелось по горно-лесистой местности, для ведения боя удалось сохранить только две роты.

В первые часы боя колонны противника, наступавшие на северо-восточном и восточном направлениях, продвинулись к Мишкольцу. Командир дивизии бросил на опасный участок два батальона 9-го рабочего полка, а также находившиеся в резерве два батальона 8-го полка. Этим подразделениям удалось отбросить врага до линии Фелшёжолца, Арно. До полудня бои на этом участке шли с переменным успехом, однако после полудня противник ввел в бой свежие резервы и оттеснил 9-й полк, а также два батальона 8-го полка вплоть до внешнего обвода обороны Мишкольца. Здесь, на окраине города, рабочие будапештских заводов, строители и почтовые служащие в ожесточенной рукопашной схватке отстояли город, доказав, что они по праву называются красноармейцами.

К югу от Мишкольца части румынской армии еще перед рассветом пытались прорвать оборонительную линию красных. Однако один из отрядов, проводивший в тот момент вылазку в районе Хернаднемети, Бельшебеч с целью захвата Херпадского моста, раскрыл намерение противника, и его план провалился.

В течение дня положение войск, защищавших Мишкольц, оставалось довольно тяжелым. В городе возникли крупные беспорядки, население охватила паника. Телефонная связь между 1-й дивизией и 3-м корпусом надолго прервалась. Командир корпуса в течение многих часов не знал, что происходит в Мишкольце. Начальник штаба корпуса Жулье в этот момент предложил Штромфельду отвести 1-ю дивизию из города. Однако Штромфельд отклонил его предложение, сообщив ему буквально следующее:

«1. Мы не согласны с оставлением Мишкольца. Город во что бы то ни стало следует удержать в наших руках.

2. Если наши войска все же будут вынуждены оставить Мишкольц... город должен быть возвращен контратакой».

Обстановка, сложившаяся к вечеру, подтвердила правильность распоряжения Штромфельда: рабочие части в упорном бою стойко держались, более того, с помощью взявшихся за оружие мишкольцских и диошдьерских рабочих они отбили у противника большую часть захваченных им участков обороны.

Из-за разложения 32-го полка для укрепления Северного фронта командир дивизии направил два батальона из резерва 8-го полка, а также отряд рабочих из Алшохамори. С их помощью удалось укрепить фронт у населенного пункта Кебань, что находится в двух километрах к северу от Мишкольца.

Неоценимую помощь войскам, защищавшим город, оказали венгерские и словацкие рабочие, поднявшие утром в тылу контрреволюционных войск восстания. Восставшие рабочие в Озде, Рожнью (Рожнява), Рудобанье напали на гарнизоны вражеских войск. У Перкупы они взорвали мост через Бодву, чтобы затруднить противнику переброску войск к Мишкольцу. Командование вооруженных сил Словакии было вынуждено задействовать значительную часть своих резервов для подавления этих восстаний.

В утренние часы ход событий к югу и юго-востоку от Мишкольца принял благоприятный для его защитников оборот. Три батальона и уже отличившийся в предыдущих боях 12-й бронепоезд нанесли контрудар по противнику. Бронепоезд приблизился к вражеским цепям и начал поливать их пулеметным и артиллерийским огнем. В частях противника возникла паника, и они начали беспорядочно отступать за линию рек Хернад и Шайо. В этих боях в качестве трофеев было захвачено два артиллерийских орудия, тринадцать пулеметов, большое количество стрелкового оружия и много военного снаряжения.

Во второй половине дня героически сражавшимся красноармейцам удалось отбросить врага. На восточном и северо-восточном направлениях он отступил до Фелшежольца.

Таким образом, предпринятое крупными силами противника наступление потерпело крах. Его солдаты, как побитые псы, отступали от стен города, который героически защищали солдаты-пролетарии. Этот факт также послужил лишним доказательством провала планов противника.

23 мая закончился оборонительный период боев Красной армии на Северном фронте. Находившиеся в рядах Красной армии пролетарии блестяще выдержали выпавшее на их долю испытание: они не только выстояли перед натиском превосходящего врага, но и на большей части Северного фронта вынудили его отступить.

В дни, которые последовали за 23 мая, дело уже не доходило до крупных столкновений между наступавшими частями Красной армии и быстро отступавшим врагом. С 23 по 31 мая 1-я дивизия вышла на линию Мишкольц, Бодва, Шайосентпетер. Части 5-й дивизии заняли рубеж между Путноком и Фелед, Шайо, а также Рима. 3-я дивизия достигла железнодорожной линии на участке Фелед, освободила Фюлек и прочно удерживала оборону к юго-западу от него по берегу реки Ипой.

Поражение под Мишкольцем и Шальготарьяном нанесло тяжелый удар по захватническим планам чехословацкой империалистически настроенной буржуазии. В этих боях значительные потери понесли 6-я чехословацкая дивизия и «группа Лошонц», обеспечивавшие большую часть словацкого фронта. Значительно большим, чем потери в людях, оружии и боевой технике, было моральное поражение, под воздействием которого значительно снизились боевой дух, моральное состояние солдат чехословацкой буржуазной армии. Большая часть солдат чешской и словацкой национальностей поняли, что война ведется не в их, а в интересах чехословацкого господствующего класса, за осуществление его империалистических целей. Эти интересы отнюдь не вдохновляли на победу переодетых в солдатские шинели трудящихся чехов и словаков. Они все более открыто говорили, что эту войну считают чуждой им. «Рядовой состав неохотно шел в атаку, а во время наступления противника сразу же обращался в бегство. Офицеры не оказывают должного влияния на рядовой состав... У некоторых солдат находили красные большевистские ленточки», — говорилось в донесении, направленном в министерство национальной обороны. Далее в нем делалась попытка объяснить причины неудач, постигших чехословацкие войска во время второго наступления на Шальготарьян. О подобном поведении солдат сообщал и командир 6-й чехословацкой дивизии в своем донесении генералу Пиччоне.

«То безразличие, которое господствовало в настроениях рядовых-добровольцев, распространилось и на легионе-

ров... Боевой, наступательный дух в частях отсутствует полностью».

Отнюдь не воодушевляли руководство чехословацкой буржуазной армии и настроения населения в тылу. Трудящиеся Северной Венгрии и Восточной Словакии своими решительными действиями наглядно показали, что они осуждают грабительскую, империалистическую войну против Венгерской советской республики. Выше мы уже упоминали о том, сколько забот причинили 23 мая рабочие Рожньо, Рудобаньи контрреволюционным войскам, наступавшим на Мишкольц. Пиччоне в своем донесении от 24 мая сообщал о том, что вооруженные восстания рабочих охватывают все новые и новые населенные пункты: Пельшеце, Торнаалья, Сендре. Для подавления вооруженных выступлений в эти села он считал необходимым направить несколько батальонов из 6-й дивизии и «группы Лошонц».

В донесении Клофачу по поводу выступлений трудящихся в тылу империалистических войск Чехословакии генерал Пиччоне не без горечи заключил: «Венгров поддерживает... сочувствующее им местное население, которое не раз с оружием в руках вступало в бой против нас... что также сильно затрудняет проведение боевых операций, нарушает линии телефонной связи».

Еще более озабочивало чехословацких военных и политических руководителей положение, которое сложилось во второй половине мая на фронте против Венгерской советской республики. В то время как боеготовность их собственных войск оказалась значительно подорванной, боеспособность Красной армии Венгрии за время боев и ее мощь значительно возросли. Разумеется, начиная 27 апреля очередное наступление против Венгерской советской республики, буржуазные чехословацкие военные и политические руководители вовсе не рассчитывали на столь плачевные итоги.

Командование армии, чувствуя надвигающуюся катастрофу, предложило правительству по дипломатическим каналам договориться об объединенном нападении румынских, сербских, французских войск на Венгерскую советскую республику. Однако французское, югославское, румынское военное командование пока было не в состоянии начать новое наступление против советской Венгрии. Клофач, который еще несколько дней назад верил, что наступление союзных войск начнется очень скоро, 25 мая вынужден был признать, что рассчитывать на скорое на-

ступление румынских войск на юге Венгрии пока нельзя. Поэтому он указывал генералу Пиччоне, который считал, что Красная армия не сумеет в течение короткого времени перейти в наступление, на проявление в этом вопросе самой большой осторожности и готовности ко всякого рода неожиданностям: «Мы видим, что у генерала Пиччоне нет оснований для оптимизма и положение у Кашши (Кошицы) сложилось действительно серьезное. У венгров, по достоверным сведениям, имеется 100 тысяч хороших солдат, а 60 тысяч они подготавливают для резерва... Кроме того, они имеют хорошую артиллерию, в том числе и тяжелую. Безусловно, необходимо направить в Восточную Словакию все, что мы можем туда послать, чтобы добиться равновесия сил с венграми... Действуйте быстро и энергично, поскольку мы не можем рассчитывать на румын и их наступление с юга... В нашем положении более полезно быть пессимистами, чем оптимистами».

До 24 мая в голове генерала Пиччоне еще роились планы начать новое наступление против Красной армии на Северном фронте, надеясь восстановить свой авторитет, изрядно подорванный во время майских боев. Клофач отклонил наступательные планы Пиччоне и указал ему, чтобы все внимание он обратил на организацию обороны: «...Прошу Вас, отбросьте все мысли о наступлении и организуйте оборону нынешней линии фронта... Особенно важна защита фронта по линии реки Шайо путем создания надежных фортификационных сооружений».

После поражения под Мишкольцем и Шальготарьяном политические круги Праги, а также чехословацкий офицерский корпус были крайне недовольны деятельностью итальянской военной миссии. Они объясняли ее поражение бездеятельностью, более того, даже обвиняли в тайных симпатиях к венграм.

Чехословацкое правительство, которое по политическим мотивам уже давно искало повода освободиться от итальянской военной миссии, теперь считало, что наступило время добиться выдворения из страны итальянских вояк. Итальянские офицеры и генералы срочно были отозваны в Италию. Вместо них все руководящие позиции в армии заняли французские генералы и офицеры. 26 мая начальником генерального штаба чехословацкой армии был назначен французский генерал Пелле. Словацкие вооруженные силы разделили на два корпуса — западный, во главе которого встал французский генерал Миттель-

хаузер, и восточный, командовать им назначили генерала Элнока. Разграничительную линию между ними установили по населенным пунктам Путнок, Рудабанья, долина реки Бодва, Сомолнок, Эперьеш.

Наряду с заменой итальянской военной миссии и последовавшей за этим реорганизацией армии, министерство национальной обороны прилагало все усилия, чтобы укрепить свои войска в Словакии.

Политические и военные круги Чехословакии надеялись, что, укрепив эти войска, они будут более успешно служить их контрреволюционным целям.

Успехи, которые Красная армия достигла вскоре после тяжелого поражения, понесенного в Затисье, ясно показывали, какие огромные силы и возможности таились в социалистической общественной системе. История знает мало таких государств, которые продолжали бы борьбу в обстановке, подобной той, что сложилась в Венгерской советской республике в конце апреля — начале мая. В то же время мало и таких исторических примеров, которые были бы подобны тем, каких добилась венгерская пролетарская диктатура в военной области в дни, последовавшие после 2 мая. Через десять дней после всеобщего политического и военного кризиса, пережитого страной, венгерская Красная армия оказалась способной перейти в контрнаступление против наступавшего на отдельных участках фронта противника.

2 и 3 мая донесения из войск были полны сообщениями об усталости и недисциплинированности солдат. А 12 мая командир 6-й дивизии уже докладывал о том, что его солдаты «весело и с подъемом» преследуют противника.

Не прошло и трех недель с тех пор, когда на заседании Революционного правительственного совета Кунфи заявил: «У рабочего класса уже нет ни необходимых сил, ни способности к борьбе», а солдаты-пролетарии 1-й дивизии обратили в бегство буржуазные чехословацкие войска, а затем и поспешивших им на помощь румынских союзников. Не прошло и месяца, как венгерская Красная армия на Северном фронте отбросила противника за линию, с которой он начал нападение 27 апреля.

Победы Красной армии в первую очередь были обусловлены большой политической работой в войсках, военные успехи стали возможны благодаря подъему рабочего класса, вставшего на защиту своей свободной родины, его самоотверженности в бою, всемерной поддержке им государства диктатуры пролетариата.

Однако, несомненно, что один только революционный подъем и воля к победе венгерского рабочего класса не привели бы к этим успехам, если бы они не сочетались с той огромной, целенаправленной организационной работой, которую проводили честно служившие интересам диктатуры пролетариата члены Революционного правительственного совета, а также преданные народу командиры и политработники венгерской Красной армии.

Значительная доля в успехе, достигнутом в реорганизации Красной армии и ее успешных боевых действиях, принадлежала начальнику генерального штаба Аурелю Штромфельду, который с большим знанием военного дела руководил и реорганизацией, и боевыми операциями армии Венгерской советской республики.

РОЖДЕНИЕ ОДНОГО ИЗ СМЕЛЫХ ВОЕННЫХ ПЛАНОВ

После 20 мая Революционный правительственный совет и Главное командование армии располагали сведениями, из которых можно было сделать вывод, что империалисты временно отложили свое намерение осуществить новое нападение на Венгерскую советскую республику объединенными силами французских, югославских и румынских войск.

Несмотря на поступление сведений о перегруппировках французских войск в Банате и на других участках Южного фронта, Главное командование армии, основываясь как на этих, так и на других данных, пришло к заключению, что «французы еще не готовы к наступлению».

По достоверным сведениям министерства иностранных дел, стало известно, что между французами, с одной стороны, а также англичанами и американцами, с другой, имеются противоречия в вопросе организации нападения на Венгерскую советскую республику. Это также подтверждало, что французские войска некоторое время не перейдут в наступление против советской Венгрии.

О югославских войсках Главное командование располагало сведениями, по которым они в это время перебрасывались на итальянский фронт. В это время между Сербско-Хорватско-Словенским государством и Италией создались довольно напряженные отношения из-за Триеста и других территорий, ранее относившихся к Австро-Венгер-

ской монархии. Югославское правительство, довольное решением территориального вопроса, который касался Венгрии, считало более важным использовать боеспособные войска в интересах приобретения новых, спорных территорий. Оценивая все эти факты, Главное командование в донесении от 21 мая отметило, что «со стороны сербов нападение не ожидается».

Полученные несколько раньше разведданные убедили Главное командование в том, что у войск контрреволюционной румынской армии в Затисье тоже нет в данное время намерения наступать. Часть их была переброшена в Бессарабию, а оставшаяся часть перешла к обороне.

Революционному правительственному совету стало ясно, что окруженная с севера, востока и юга превосходящими силами врага страна не имеет права бездействовать и ожидать, пока вражеские государства, закончив свои военные приготовления, снова перейдут к заранее согласованным наступательным действиям против Венгерской советской республики. Было ясно, что Красная армия только в том случае может рассчитывать на успех, если будет мериться силами с каждой в отдельности из армий окруживших республику вражеских государств.

Был еще один фактор, который говорил за активные действия: армия венгерского пролетариата, как и всякая быстро созданная революционная армия, в первую очередь хорошо проявляла себя в наступлении. «Красную армию может сплотить только огонь наступления. Значит, наступление», — писал Штромфельд в своих записках.

Революционный правительственный совет решил, что вступившую на территорию республики и угрожавшую ее существованию вражескую армию можно принудить отступить только контрнаступлением.

Решая вопрос о контрнаступлении, Революционный правительственный совет учитывал также, что, ставя такие задачи перед Красной армией, он оказывает тем самым помощь революционной борьбе сознательных масс трудящихся в странах противника, а также в выступлении против собственных господствующих классов рабочих и крестьян, переодетых в солдатские шинели.

Революционный правительственный совет принимал во внимание и то обстоятельство, что противоречия, имевшиеся между империалистическими государствами, мешают им организовать стратегическое взаимодействие между армиями. Поэтому представлялась возможность вести

наступательные боевые действия против одной из армий вражеских государств, не опасаясь выступления в ближайшее время армии другого государства и с другого направления.

Никто не сомневался в том, по каким вооруженным силам противника нужно будет нанести первый удар. Революционный правительственный совет единогласно решил, что сначала будет организовано контрнаступление против войск чехословацкой буржуазной армии.

Начать наступление на Южном фронте считалось тогда равносильно самоубийству. В этом случае венгерская Красная армия привлекла бы к себе большую часть вооруженных сил империалистов на Балканах. Одновременно такое наступление представляло возможность нанести по воюющим на юге советским войскам удар с тыла чехословацкой буржуазной армии с севера, а румынским войскам со стороны Затисья.

Учитывался и ряд обстоятельств, говоривших против наступления на румынскую армию, находившуюся в Затисье. В мае румынские войска получили возможность немного отдохнуть от усталости, вызванной апрельским наступлением. Боеспособность этих войск была хорошей. Против наступления на Тисе говорила и необходимость форсирования этой довольно широкой и глубокой водной преграды, которая способствовала созданию прочной обороны румынских войск. Приходилось учитывать также и тот факт, что в случае такого наступления венгерских советских войск руководство чехословацкой буржуазной армии не откажется от возможности воспользоваться отвлечением значительных сил венгерской Красной армии на боевые действия в Затисье.

Среди вражеских государств, окружавших Венгерскую советскую республику, чехословацкая буржуазия располагала наиболее уязвимым фронтом. Чехословацкая армия в Словакии значительно уступала румынской и французской как по своей организации, так и по оснащению и боевому опыту. Революционное влияние и протест против империалистической войны в рядах ее солдат были более значительными, чем в других армиях. На политические настроения местного населения в тылу чехословацкой армии более значительное влияние оказывали левые силы революционного рабочего движения, чем в Румынии или в Югославии. Особенно сильным было революционное движение словацких трудящихся в районе Кашша и Эперьеш. Революционный настрой словацких трудящихся

делал реальным оказание наступлением Красной армии в этом направлении помощи народу Словакии в создании государства диктатуры пролетариата, Словацкой советской республики.

Начало контрнаступления Красной армии в северном, а не в ином направлении могло рассчитывать на успех и потому, что оно было направлено против самого слабого противника. Можно было по праву рассчитывать, что в этих боях личный состав венгерской армии еще больше закалится, приобретет боевой опыт, уверенность в себе и позднее сможет вступить в бой против более сильного и опытного противника.

Контрнаступление в северном направлении, с точки зрения Венгерской советской республики, окончательно освобождало важнейшие промышленные районы Боршодской и Ноградской областей от опасности захвата врагом. И наконец, удар, нанесенный по чехословацким вооруженным силам в Словакии, мог бы на долгое время привести к пассивности ее армию, что давало возможность венгерской Красной армии действовать на Восточном фронте, уже не опасаясь нападения врага с тыла.

Хотя в вопросе, по какой вражеской армии нужно было нанести первый удар, в Революционном правительственном совете существовало единое мнение, относительно же направления нанесения главного удара имелись значительные расхождения во взглядах.

Большинство военных специалистов придерживалось мнения, что контрнаступление на Северном фронте нужно начинать с его западного крыла, с Кишальфелда, и вести его в северо-западном направлении. Это мнение вначале поддерживали многие члены Революционного правительственного совета, к которым вскоре присоединился и Бела Кун.

Целесообразность проведения наступления в западном и северо-западном направлении прежде всего аргументировалась тем, что там условия местности более способствовали быстрому прорыву обороны, чем на каком-либо другом участке Северного фронта. Подчеркивалось также, что, наступая в этом направлении, можно было бы перерезать линии коммуникаций большей части вражеских войск в Словакии и тем самым рано или поздно принудить их к сдаче.

План контрнаступления в западном и северо-западном направлении возник еще в начале мая. Первый план состоял в том, чтобы одновременно перейти в наступление

от Шальготарьяна в сторону Руттка и от реки Ипой в направлении на Братиславу.

Однако этот план имел много недостатков. На данных направлениях контрнаступающим силам противостояли такие войска, которые еще не принимали участия в предыдущих боях и их боеспособность была намного выше, чем остальных, сильно потрепанных частей. С фланга войскам, осуществившим прорыв в западном и северо-западном направлении, опасно угрожали силы, сосредоточенные в центральной и юго-восточной части Словакии. Контрнаступление в братиславско-нитрском направлении требовало переброски крупных сил с Задунайщины, а армия в то время еще не располагала необходимыми переправочными средствами через Дунай. К этому следует добавить, что Задунайщина, где в этот момент в ряде мест возникли контрреволюционные беспорядки, с этой точки зрения была нежелательным районом, из которого трудно было готовить крупную наступательную операцию. Наконец, против наступления в западном и северо-западном направлении говорило и сосредоточение части сил Красной армии на правом крыле Северного фронта, в районе Мишкольц, Озд. Переброска этих войск на западное крыло Северного фронта снова поставила бы в опасное положение северо-восточный промышленный район Венгерской советской республики.

Более убедительными были аргументы в пользу начала наступления Красной армии на Северном фронте в направлении Кашша, Эперьеш.

Контрнаступлением, осуществленным советской республикой на правом крыле Северного фронта, можно было бы прорвать кордон, созданный чехами и румынами, и тогда становилось реальностью установление локтевой связи между венгерской Красной армией и Красной Армией Советской России. За нанесение главного удара в этом направлении говорил и тот факт, что здесь чехословацкие войска уже в мае не раз были биты венгерской Красной армией и потому находились в состоянии демонализации, их боевой дух был сильно подорван. С освобождением территорий к северу от Тисы создавалась возможность более удобного форсирования реки в ее верхней части, чтобы потом нанести фланговый удар по румынским войскам в Затисье. И наконец, не вызывало сомнения, что Боршодский и Ноградский промышленные районы представляли более прочный тыл, чем территория Задунайщины.

Объективная оценка всех этих факторов убедила членов Революционного правительственного совета и командование Красной армии принять решение поддержать план контрнаступления советских войск на правом крыле Северного фронта.

После боя за Мишкольц командир 3-го корпуса Ене Ландлер обратился к Главному командованию с предложением, в котором, анализируя положение Венгерской советской республики, он пришел к выводу, что Красная армия обязательно должна перейти в контрнаступление на Восточном или же Северном фронтах.

«Пусть первым ее шагом будет освобождение Северной Венгрии или территории за Тисой; какое на этих двух главных направлениях будет направлением вспомогательного удара — это деталь и дело вкуса. Верно одно, что форсировать Тису будет труднее, чем освободить Северную Венгрию, где группировка наших сил и отчасти ее успешные боевые действия создают основу для начала наступления именно здесь.

Я предлагаю создать для наступления Северную группу из 4-й и 6-й дивизий, усилив их частями из 1, 3, 5-й дивизий, а также имеющимися в распоряжении резервами. Эта группа (по возможности быстрее) должна перейти в наступление на Жолну или в общем направлении на Кашшу.

Преимущество этого направления заключается в возможности более быстрого установления связи с русской Красной Армией... а также, в случае успеха наступления, перегруппировки сил в район Чопа для освобождения Затисья».

Первый приказ относительно проведения Северного похода командование Красной армии отдало 25 мая, в котором говорилось: «Исходя из общей обстановки, командование армии приняло решение провести подготовительные мероприятия, необходимые на случай осуществления крупного наступления на территории между Тисой и Лошонцем».

В последующие дни замысел крупного наступления принял более определенные формы. 27 мая Главное командование армии так сформулировало основные цели контрнаступления:

«Исходя из политических и экономических причин, решение командования армии предусматривает прорыв обороны противника на стыке чешских и румынских войск с первоначальной задачей сначала разбить чехов, а затем,

переправившись через Тису, повернуть войска против румын».

По плану боевых действий 3-й корпус наносил удар по врагу в направлении Шаторальяуйхей, Кашша и Сепеши. Для выполнения этой задачи Главное командование подчинило Ландлеру 1, 4 и 6-ю дивизии, а также 3-ю и 10-ю бригады. Одновременно оно вывело из состава 3-го корпуса 5-ю дивизию (без 10-й бригады) и подчинило ее себе.

5-я дивизия получила приказ захватить Римасомбат (Римавска-Собота), а затем направить в сторону Рожньо и Тисольц усиленные передовые отряды.

3-й дивизии предстояло занять Лошонц, а затем рубеж вдоль реки Ипой. Направить усиленный передовой отряд в сторону Зойома.

1-й дивизии, находившейся на левом фланге войск, сосредоточенных для контрнаступления, была поставлена задача овладеть населенным пунктом Леваи, а затем частью сил наступать до реки Гарама (Грона).

До тех пор пока 3-й корпус, прорвав оборону противника, не вклинился в оперативную глубину, задача остальных частей была ограниченной и состояла в обеспечении флангов наступающей главной группировки войск и сковывании сил противника.

Командование Красной армии рассчитывало, что за неделю оно нанесет по восточному крылу чехословацкой армии такой удар, после которого та не сумеет долго оправиться, и это сделает возможным осуществить наступление за Тису против румынских контрреволюционных войск. 29 мая Главное командование армии сообщило командиру 3-го корпуса о своем намерении форсировать 3—4 июня Тису в районе Токая и частью войск наступать на пьиредьхазском направлении. 1-й корпус получил задачу: силами 2-й и 7-й дивизий форсировать Тису в случае, если из-за начала наступления Красной армии за Тисой румынское военное руководство предпримет шаги с целью его ослабления. В целях дезинформации румынского военного командования Главное командование армии отдало распоряжение 1-му корпусу 30 мая, одновременно с началом общего наступления, демонстрировать свои намерения переправиться через Тису у города Сольнока малыми, а у Чонграда — более крупными силами.

Командование венгерской Красной армии учитывало и возможность перехода в наступление французских и

югославских войск для оказания помощи чехословацкой армии. Поэтому оно отдало распоряжение главной военной комендатуре Будапешта привести в негодность железнодорожные пути, которые вели в Будапешт из Сабадки, Сегеда и Печа, взять под артиллерийский обстрел железные и шоссейные дороги, ведущие в венгерскую столицу. Главное командование указывало, что в случае наступления противника с юга до сосредоточения необходимых сил его должны сдерживать в первую очередь войска Южного фронта и будапештских предмостных укреплений.

Решительным и смелым, подлинно революционным проявило себя высшее руководство Красной армии. Не прошло и месяца со времени тяжелого военного и политического кризиса, который пережила Венгерская советская республика, а реорганизованная Красная армия, за плечами которой была победа под Мишкольцем и Шальготарьяном, готовилась нанести новые последовательные удары по армиям интервентов.

Командование Красной армии (разумеется, не без риска) сосредоточило силы, которые оно могло собрать для Северного похода, в полосе от истоков реки Шайо до истоков реки Ипой. 3-й корпус, в составе 5-й и 3-й дивизий, а также 1-й бригады, имел 73 батальона и 46 артбатарей. Половина этих сил была сосредоточена на четвертой части Северного фронта, на его правом крыле, то есть на главном направлении.

Чехословацкая буржуазная армия в Словакии и Закарпатской Украине насчитывала в это время 90 батальонов и 32 артбатареи.

На территории Закарпатской Украины находились 3-я чехословацкая дивизия и 1-я бригада. Вместе они имели 12 батальонов и пять артбатарей. На севере вдоль польской границы стояли подразделения 30-го чехословацкого полка трехбатальонного состава.

К западу от линии Ондова, Тапой расположились части 6-й чехословацкой дивизии, которая имела 39 батальонов, 5 артбатарей и один бронепоезд.

В Кашше находились части 4-й бригады из 3-й дивизии, подчиненные непосредственно министерству национальной обороны Чехословакии. Они располагали пятью батальонами и двумя артбатареями.

Таким образом, командующий Восточной группой войск в Словакии генерал Эннок имел в своем распоряжении 59 батальонов и 13 артбатарей. Ему подчинялась

также «группа Лошонц», которая после передачи ей 3-й бригады имела 17 батальонов и 10 артбатарей.

Части чехословацких дивизий были разбросаны на широком фронте к западу от Ипоя, на линии Паркань-нана (Нана), Нитра, Братислава и Дунай. Противостоявшая венграм 7-я дивизия чехословаков к началу Северного похода венгерской Красной армии имела 12 батальонов и 8 артбатарей.

На территории Западной группы войск располагалась и 4-я дивизия, находившаяся в непосредственном подчинении министерства национальной обороны в Праге. Дивизия состояла из 8 батальонов. В ходе боевых действий части этой дивизии тоже были брошены против войск Красной армии.

Эти данные показывают, что Красная армия не располагала значительным превосходством сил даже на направлении главного удара.

Чехословацкое военное руководство, узнав о готовящемся контрнаступлении Красной армии, в конце мая — начале июня старалось всеми силами увеличить количество войск в Словакии. В Чехии и Моравии формировались новые части и подразделения, которые также направлялись в Словакию. Были ускорены процесс формирования частей из итальянских добровольцев и направление их в Словакию. Значительная помощь была оказана Францией. Все ВВС чехословацкой армии были укомплектованы самолетами, полученными из Франции, и большей частью прибывшими оттуда летчиками. Вскоре из Франции прибыло 115 бывших немецких военных самолетов и 65 французских.

Зная о предстоящем контрнаступлении венгерской Красной армии, чехословацкие империалисты приложили все усилия, чтобы убедить своих союзников в необходимости организации нового наступления против Венгерской советской республики. В конце мая они засыпали маршала Фоша и генерала Франше д' Эспери телеграммами, в которых, ссылаясь на опасность, которая угрожает их армии в Словакии, требовали срочного нападения на Венгерскую советскую республику. Они надеялись, что наступление румынских войск из района Тисафюред в северо-западном направлении перережет линии коммуникаций венгерских советских войск между Хатваном и Мишкольцем и тем самым поставит в катастрофическое положение правое крыло Северного фронта.

НАСТУПЛЕНИЕ!

Ранним утром 30 мая части венгерской Красной армии перешли в наступление на фронте между истоками рек Шайо и Иной. Именно теперь должно было подтвердиться, правильно ли было решение Революционного правительственного совета о месте нанесения главного удара, хорошо ли боевые операции подготовились Главным командованием, выстоят ли солдаты-пролетарии венгерской Красной армии в тяжелых условиях боевых действий столь крупного масштаба.

Перешедший в наступление на главном направлении 3-й корпус сразу же встретил сильное сопротивление противника.

1-я дивизия, в задачу которой входило в первый день наступления, переправившись через реку Хернад, продвигаться в направлении на Шарошпатак, Шаторальяуйхей, наткнулась па упорное сопротивление румын, поддержанных эффективным артиллерийским огнем. Из-за этого она не смогла выполнить поставленных перед ней задач.

Правда, правому флангу дивизии, переправившемуся через Хернад, удалось поначалу углубиться на несколько километров в оборону противника, однако после предпринятого румынами сильного контрудара ему пришлось отойти на исходные позиции.

Наступление 6-й дивизии началось более успешно. Вот как его описывает один из участников этой операции, командир 2-го батальона 46-го полка: «...Мы молча и решительно продвигаемся вперед. Чехи открыли огонь шрапнелью. С замиранием сердца жду, повторится ли передо мной ужасная картина войны — отход назад, когда отдельные солдаты и даже отделения начинают отползать, покидая боевую цепь. Но всего этого я, к счастью, не вижу. Батальоны цепями, словно волны, накатывают на врага. И ни один человек не повернул назад».

Однако и 6-я дивизия полностью не выполнила своих задач. Несмотря на захват моста у села Гостей, она перебралась па левый берег реки лишь малыми силами. Колонна, наступавшая по правому берегу реки, пе сумела соединиться с боевой группой, занявшей в 7 часов утра Сиксо.

Несколько лучше сложилась обстановка к западу от расположения 3-го корпуса.

Здесь, на левом фланге 6-й дивизии, успешно наступала 10-я бригада. Так же быстро наступали части 5-й дивизии. Ее командир в посланном утром донесении особо отметил отличные действия 5-го рабочего полка.

Крупным успехом ознаменовались действия 1-го интернационального полка, входившего в состав 80-й бригады 3-й дивизии. В первый же день наступления ему удалось захватить город Лошонц (Лучинец). Свою роль в этом сыграли просчеты противника, строившего оборону на основе информации, полученной от предательски настроенного командования 80-й бригады. Ее командир, майор Фолькушхази, сообщил врагу, что намеревается прорвать оборону на северо-западном участке чехословацких войск. 1-му же интернациональному полку им была поставлена скромная задача лишь демонстрировать, делать видимость наступления на левом фланге. Уже накануне поступали сведения о том, что комбриг и его окружение передали план своих действий врагу. Это подтвердило и то упорное сопротивление, которое противник оказывал на направлении главного удара, вовсе не обращая внимания на действия 1-го интернационального полка.

«...Захватив позиции на левом берегу реки Ипой, — вспоминал позднее командир полка Золтан Санто, — мы подавили сопротивление защитников плацдарма. Но и на этот раз не было заметно, чтобы командование чехословацких войск подбросило им подкрепление. Мне показалось, что чехословацкое командование, оставив защитников плацдарма самих на себя, не принимает наше наступление всерьез.

В 12 часов я попросил командира бригады проинформировать о положении дел в 3-й дивизии. Тот ответил, что чехи упорно сопротивляются, дивизия несет большие потери и не может продвинуться вперед. Мне была непонятна создавшаяся ситуация, однако я усилил нажим на врага, переправил через Ипой новые подразделения, чтобы демонстрацией ложных наступательных действий облегчить положение 3-й дивизии.

После обеда, когда штаб нашего полка уже давно находился на левом берегу реки, положение дивизии оставалось неизменным. В то время как серия ее атак была успешно отбита противником, тот подбрасывал незначительные подкрепления подразделениям, которые противостояли нашему полку...

Тогда мы усилили нажим на Пандидароц, где чехи

упорно оборонялись. Овладение им воодушевило наших солдат. Лошонц перед носом, а 3-я дивизия все еще топчется на месте.

После этого я окончательно пришел к мысли, что произошло предательство и чехи знают наш план. Именно поэтому они не обращают внимания на интернациональный полк и его демонстрацию наступления. Они обороняются там, где ведется настоящее наступление. Тогда я решил перечеркнуть планы предателей и своим полком занять город...

К восьми часам вечера Лошонц был в наших руках. Это очень воодушевило солдат. Полк одержал свою первую победу. Несмотря на усталость, его подразделения заняли высоты к северу и востоку от города на случай возможной контратаки противника. Но она не последовала».

Командующий армией вынес благодарность полку, лично З. Санто и подчиненным ему командирам подразделений за отличные действия.

30 мая значительных успехов достигла 1-я бригада, действовавшая на левом фланге наступающих войск. Ее левофланговый полк, переправившись через Ипой, захватил у 2-й чехословацкой бригады четыре орудия, шесть пулеметов и большое количество военного снаряжения. Полк успешно отбил сильную контратаку противника и упорно удерживал захваченный им плацдарм. Одна из боевых групп 1-й бригады прорвала оборону врага в долине реки Ипой, а левофланговые подразделения бригады, продвигаясь при успешной поддержке судов Дунайской военной флотилии, достигли Гарамкевешда.

В тот же день Красная охрана города Эстергома без ведома Главного командования армии переправилась через Дунай, захватила Парканьнану и начала продвигаться в сторону высот к северу от этого населенного пункта. Однако к вечеру того же дня бойцы охраны были вынуждены оставить Парканьнану под нажимом контратаковавшего их противника.

Хотя части Красной армии в первый день наступления и не выполнили всех поставленных перед ними задач, они заставили чехословацкое командование всерьез встревожиться за развитие хода дальнейших боевых действий.

На второй день наступления, то есть 31 мая, существенных результатов добилась 5-я дивизия. Действо-

вавшей на ее левом фланге 39-й бригаде удалось сломить упорное сопротивление противника, оборонявшегося к северу от Феледа, и к вечеру занять город Римасомбат.

Достигнутый успех благоприятно подействовал на настроения и боевой дух красноармейцев дивизии. Сообщая об этом, ее командир писал в донесении: «Моральный дух войск значительно повысился, настроение солдат отличное, дисциплина хорошая, хотя некоторые из солдат еще тяжело переносят (особенно из задунайских частей) длительный бой и марш, часто жалуются на усталость... Местное население повсюду, особенно в промышленных и шахтерских районах, очень хорошо принимает нас, и, судя по всему, крестьянство от души радо освобождению...»

Штромфельда вполне законно беспокоило то обстоятельство, что не удалось добиться значительной победы именно там, где по плану это было особенно важно: на правом фланге, в полосе наступления 1-й и 6-й дивизий.

Бойцы 1-й дивизии не могли достигнуть значительных успехов и на второй день наступления, поскольку противник, поддержанный сильным огнем артиллерии, успешно отбивал все их атаки. Безрезультативность, потери и продолжавшиеся уже долгое время бои привели к тому, что в дивизии появились признаки усталости личного состава. Особенно оказалось подорванным настроение в некоторых батальонах 9-го рабочего полка.

6-я дивизия уже не могла похвастаться теми успехами, которых по праву ожидали от нее.

Эта дивизия, состоявшая главным образом из крестьян Вихаршарока [1], считалась самой дисциплинированной и боеспособной в Красной армии. В боях под Шальготарьяном дивизия доказала, на что она способна. Ее командир Акош Раб был одним из наиболее талантливых кадровых офицеров, служивших в Красной армии. Политкомиссар дивизии Ференц Мюнних, принявший эту должность в конце апреля, слыл одним из наиболее опытных комиссаров венгерской Красной армии.

Командование дивизии объясняло возникшие трудности тем, что находившиеся в их распоряжении силы по своей численности не соответствуют задачам, которые

---

[1] Вихаршарок («Уголок бурь») — район в междуречье Тисы, Мароша и Кереша, издавна отличавшийся революционной настроенностью крестьян-бедняков. — *Прим. авт.*

были поставлены перед ними. Оно просило вернуть в его распоряжение 46-ю бригаду, которая действовала в составе 3-й дивизии.

Командование Красной армии, если оно хотело достичь решающих успехов на главном направлении, должно было учитывать необходимость усиления войск, наступающих на правом крыле фронта. Штромфельд решил: наряду с 1-й дивизией для прорыва обороны румын за рекой Хернад ввести в бой и находившуюся в его резерве 4-ю дивизию, а также выполнить просьбу командира 6-й дивизии вернуть в его распоряжение 46-ю бригаду.

Хотя наступление только начиналось, успехи Красной армии в первые два дня создали довольно тяжелое положение для чехословацкой армии в Словакии.

Беспокойство и заботы чехословацкого военного командования усугублялись еще и тем, что в те дни возникли довольно острые противоречия между Чехословацким и Польским государствами из-за города Тешина. Поэтому часть армейских резервов чехам пришлось перебросить на границу с Польшей.

В руководстве чехословацкими войсками в Словакии уже 1 июня сильно дал знать о себе недостаток офицеров, из-за чего командованию армии пришлось встретиться с большими трудностями. Прибывшая в Чехословакию военная миссия из Франции по численности не составляла и трети количества офицеров-итальянцев. 1 июня, когда они были сменены на всей линии фронта, значительная часть командных должностей оказалась вакантной. Например, когда генерал Пиччоне отбыл со своим штабом, вместе с ним уехало 18 офицеров из Западной группы войск, а в штабе Эннока осталось всего четыре офицера-француза и один чех.

С 1 июня Западной группой руководил генерал Мительхаузер, а Восточной — генерал Эннок. Его место командира 3-й дивизии занял генерал Дестремау. Во главе 6-й чехословацкой дивизии после убытия Росси встал генерал Хаборт, командиром 7-й дивизии назначили генерала Шулера.

Министерство национальной обороны Чехословакии уволило в отставку генерала Летовски, которому оно не могло простить поражения под Лошонцем. На его место был назначен полковник Шнейдарек, который 4 июня принял командование «группой Лошонц», временно именовавшейся 2-й дивизией.

1 июня венгерская Красная армия наконец достигла успеха и на правом крыле Северного фронта.

На рассвете двадцать орудий начали артподготовку, обеспечивая переход в наступление 1-й и 4-й дивизий и находившейся перед этим в армейском резерве 3-й дивизии. В 6 часов 30 минут к хору орудий малого калибра присоединился громкий голос 305-мм мортир.

В результате хорошо проведенной артподготовки и стремительной атаки наступающих частей оборона румын была прорвана.

«По донесениям, поступающим из войск и от авиации, к востоку и северу от Тисалуц румынская пехота и артиллерия в панике отступают», — говорилось в утреннем докладе командира 3-го корпуса. 4-я дивизия уже в первой половине дня достигла Тисалуца и продолжала продвижение в сторону Серенч. 1-я дивизия в 10 часов 30 минут успешно форсировала Хернад у населенного пункта Бёч и начала продвижение в восточном направлении. Успешно наступали и свежие силы 3-й дивизии. Части 6-й дивизии, наступавшие по правому берегу Хернада, также успешно продвигались вперед. За день противник был отброшен на 12—15 километров.

Войска 10-й бригады в течение дня вели бой с упорно сопротивлявшимся к югу от Сендре противником. И все же к вечеру бригаде удалось овладеть этим населенным пунктом.

Командование 3-го корпуса приказало «самым энергичным образом продолжать продвижение корпуса вперед. Нельзя допустить, чтобы арьергарды противника замедляли темпы нашего наступления. Энергичное преследование противника стоит выигранного сражения».

1 июня правофланговые части 1-й дивизии в соответствии с приказом Главного командования армии также продвигались в сторону Сендре через Рудабанью. 5-й рабочий полк, продвигаясь по долине Шайо, освободил населенный пункт Торналья. Наступая дальше, он вышел к Шайогемеру. Главные силы 39-й бригады расположились на отдых в Римасомбате.

Правое крыло 3-й дивизии остановилось к востоку и северо-востоку от Лошонца. Выдвинутый к северу от этого города передовой отряд вел бои с окопавшимся противником на высотах у Патакалья (Подрецань).

На левом фланге дивизии противник предпринял несколько сильных контратак против 1-го интернационального батальона. Но интернационалисты прочно удержи-

вали позиции, занятые у Алшоэстергова, отбив три контратаки врага.

Наступавший на левом фланге 1-й бригады передовой отряд нанес удар по тылам 2-й чехословацкой бригады и причинил немало забот генералу Летовски, который срочно запросил подкреплений для прикрытия Корпоны и Зайома.

Тем же днем 1-я бригада направила в Леву батальон, усиленный артиллерией, который, преодолев слабое сопротивление врага, утром ворвался в город, население которого горячо приветствовало своих освободителей.

Небольшой отряд, действовавший на левом фланге 1-й бригады, при поддержке огня мониторов и артиллерии принудил к сдаче гарнизон Парканьяны. Этот населенный пункт был занят одной из групп бригады, создав тем самым плацдарм в этом районе.

2 июня командование Красной армии в своем приказе поставило перед войсками задачу на постоянное преследование противника с использованием всех сил и средств. Главное командование армии рассчитывало, что оно в скором времени сможет приступить к форсированию Тисы. Чтобы иметь в своем распоряжении соответствующий резерв, в Мишкольц из Задунайщины была переброшена 8-я дивизия.

2 июня солдаты 4-й дивизии с большим подъемом продолжали начатое наступление. Продвигаясь вперед, им пришлось вести бои на сильно пересеченной местности. Солдаты рабочих полков иногда шли по колено в воде, по заболоченной пойме реки Тисы.

Вечером 2 июня 1-я дивизия достигла Монока.

Наступавший вдоль Хернада правый фланг частей 6-й дивизии встретился со сравнительно слабым сопротивлением противника, благодаря чему бойцы дошли почти до Вильманя. Левому же флангу 10-й бригады пришлось отразить три сильных контрудара противника.

Генерал Эннок скоро понял, что прорыв Красной армии в долинах рек Бодва и Хернад серьезно угрожает городу Кашше. Будучи уверен, что имевшимися в его распоряжении силами он не сумеет задержать продвижение 6-й венгерской дивизии и ее 10-й бригады, генерал запросил у министерства национальной обороны Чехословакии в свое распоряжение 6-ю дивизию, находившуюся в армейском резерве к югу от Кашши. Утром 2 июня он получил положительный ответ на свою просьбу. Его войска, усиленные 6-й дивизией, оказали возрос-

шее сопротивление левому флангу наступающей венгерской дивизии, в том числе и 10-й бригаде. 2 июня эти части Красной армии вынуждены были несколько отойти, а 10-я бригада, несмотря на все усилия, не смогла продвинуться вперед ни на шаг.

Генерал Эннок считал важнейшей для себя задачей удержание в своих руках долины реки Хернад. Французский генерал питал довольно большие надежды, что вместе с войсками румынской армии он сможет отбросить победоносно продвигавшиеся в сторону Кашши части венгерской Красной армии. В одной из своих телеграмм Эннок обратился к командованию румынской армии в Затисье с просьбой поспешить ему на помощь. Однако румынские империалисты вовсе не думали подвергать себя риску во имя спасения своих союзников. 2 июня Эннок получил ответ, в котором сообщалось, что вследствие отступления частей чехословацкой армии, а также больших потерь, понесенных в последнее время, румынские войска отводятся на левый берег Тисы и находятся они отнюдь не в том положении, чтобы оказать помощь группе Эннока. 3 июня французский генерал получил еще одну телеграмму от румынского командования, которая рассеяла его последние надежды относительно взаимодействия с союзной армией. В ней говорилось: «Наши войска в ночь со 2 на 3 июня полностью отошли на левый берег Тисы. Токайские мосты (железнодорожный и пешеходный) взорваны.

Задача наших войск состоит в том, чтобы упорным сопротивлением любой ценой помешать намерениям врага форсировать Тису».

Убедившись, что на помощь союзной румынской армии в ближайшее время рассчитывать нельзя, Эннок был вынужден отказаться от попыток восстановить положение и все свои силы направил на то, чтобы помешать продвижению частей Красной армии в направлении города Кашша.

Возросшие усилия противника, опасавшегося за судьбу этого города, почувствовали на себе части 5-й венгерской дивизии. Передовой отряд дивизии, продвигавшийся по долине Бодвы, был вынужден отступить из-за контратак противника. Та же участь постигла и передовой отряд, наступавший по долине реки Шайо, который был вынужден отойти вплоть до Торнальи.

Части 3-й дивизии, несмотря на сильное сопротивле-

ние противника, 2 июня продолжали наступать на своем направлении.

Противник все новыми и новыми контрударами пытался помешать продвигавшимся на Зойом интернациональным батальонам. В довольно тяжелых, длительных боях в условиях горно-лесистой местности часть войск понесла тяжелые потери, которые стали для них тяжелым испытанием на стойкость.

Командир 3-й дивизии 2 июня провел смотр русского батальона 80-й бригады, который в те дни участвовал в довольно тяжелых боях. О результатах смотра он доложил Главному командованию армии следующее: «В подразделении довольно хорошие дисциплина и боевой дух. Его командир, Каблуков, бывший штабс-капитан, является заботливым и осмотрительным командиром батальона». Командир дивизии представил русский батальон к благодарности главнокомандующего армией.

2 июня продолжала наступать и 1-я бригада.

В течение ночи бронепоезд бригады неожиданным ударом пытался прорваться к Эршекуйвару. Однако попытка эта не удалась, потому что противник взорвал мост через реку Нитра. Однако весть о приближении бронепоезда вызвала панику в гарнизоне Эршекуйвара, который поспешно очистил город.

Попытки 1-й бригады прорваться в западном направлении ввели в заблуждение самого командующего Западной группой войск генерала Миттельхаузера. Решив, что части Красной армии намереваются наступать дальше на запад, в сторону Комарно, Братиславы, он решил нанести фланговый удар силами 2-й бригады из бывшей «группы Лошонц» в направлении Ипойшага.

Летовски не согласился с оценкой обстановки Миттельхаузером и в своем ответе последнему писал, что, по его мнению, намерения командования Красной армии в первую очередь направлены на то, чтобы силами частей левого фланга наступать на Зойом, чтобы перерезать линии коммуникаций чехословацких войск, сосредоточенных в районе города Кашши. Несомненно, Летовски лучше разобрался в замысле командования Красной армии, чем генерал Миттельхаузер.

Миттельхаузер же расценил возражения Летовски как стремление старого генерала прикрыть свою бездеятельность, нежелание тревожить себя, поэтому в категорической форме приказал начать намеченное им наступление, хотя сам и не верил в успех этого предприятия.

3 июня Штромфельд пришел к выводу, что наступило время, чтобы в соответствии с планом операций начать наступление и против румынской армии в Затисье. Он приказал 4-й дивизии переправиться через Тису у Токая и продвигаться в направлении на Ньиредьхазу. В случае успеха вслед за этой дивизией должна была последовать и 1-я дивизия.

Однако из-за того что румынское командование взорвало мосты у Токая, 4-й дивизии пришлось форсировать Тису, чтобы перебросить свои части на левый берег. 3 июня и в последующие дни дивизия неоднократно пыталась это сделать, но встретила упорное сопротивление частей противника.

Неудача с форсированием Тисы показала, что румынское командование подготовилось к отражению наступления венгерских войск, в том числе и к возможности неожиданного форсирования Тисы. После этого форсировать эту водную преграду можно было, только имея более крупные, чем ранее планируемые, силы и после более тщательной подготовки операции.

С сильным сопротивлением противника встретились и части 3-го корпуса, наступавшие в направлении города Кашши.

Против 6-й дивизии и 10-й бригады генерал Эннок бросил более крупные, чем до этого, силы. Поэтому 6-я дивизия, усиленная 46-й бригадой, до 5 июня продвигалась очень медленно, а 10-я бригада в течение двух дней вынуждена была отражать сильные контрудары чехословацких войск.

3 и 4 июня красноармейцы 5-й дивизии почувствовали возросшее сопротивление войск Эннока, бросившего все резервы, чтобы преградить путь наступающей Красной армии. Пока на правом фланге дивизии шли бои с переменным успехом, 5-й рабочий полк, действовавший в долине реки Шайо, вынужден был отойти под натиском врага. Против сражавшейся на левом фланге дивизии 39-й бригады противник бросил настолько крупные силы, что она на несколько часов была вынуждена оставить Римасомбат.

Только на левом крыле фронта 3 и 4 июня командование Красной армии могло отметить значительные успехи: здесь части 3-й дивизии довольно быстро продвигались в направлении Зойома (Зволена), а левофланговые подразделения 1-й бригады одним ударом овладели Эршекуйваром.

5 июня уже начали проявляться первые результаты усилий Красной армии. В частях противника были отмечены признаки усталости на большинстве участков фронта. На восточном крыле Северного фронта 3-я бригада ворвалась в Шарошпатак и в ходе уличных боев выбила из города войска противника.

В этот же день началась одна из наиболее значительных операций Красной армии в Северном походе — бой за город Кашшу.

Генерал Пелле, который любой ценой хотел удержать Кашшу в своих руках, приказал Эннoку направить для его обороны из Шаторальяуйхея 3-ю чехословацкую дивизию и 1-ю бригаду со всеми частями, без которых они могли обойтись. Одновременно в Кашшу был направлен 30-й полк, который до этого находился на прикрытии границы с Польшей. Посланные подкрепления сделали возможным для Эннока создать в районе Кашши свои резервы и второй эшелон.

Однако надежды чехословацкого военного руководства оказались преждевременными. В течение дня части Красной армии заняли Шарошпатак и тем самым прервали связь Кашши с русинской группой войск.

5 июня частям, находившимся на правом фланге 6-й дивизии венгерской Красной армии, удалось продвинуться вперед и овладеть высотами к северо-востоку от Генца. Несколько частей, действовавшие в центре этой дивизии, перешли в наступление с линии Миглецнемети, Перень (Перин) против противника, оборонявшего позиции в районе Харастдомб. Эта высота имела довольно важное значение, поскольку она одинаково господствовала как над долиной Хернад, так и над местностью к югу от Кашши. Об ожесточенности боя свидетельствует хотя бы тот факт, что противник потерял 150 солдат убитыми.

На левом фланге 6-й венгерской дивизии перешла в наступление в направлении Комароц, Надьида (Велка Ида) 46-я бригада, прибывшая из состава 3-й дивизии. Противник контрударами, в которых участвовало несколько частей, пытался остановить наступление или хотя бы сбить его темп. Отбив все контрудары врага, бригада вырвалась вперед и уже к полудню заняла Комароц. Командир чехословацких частей, защищавших Надьиду, утром того же дня сообщил, что венгры с юго-запада окружают населенный пункт, среди солдат возникла паника, а офицеры потеряли власть над ними. При этих

обстоятельствах генерал Эннок отдал приказ оставить Надьиду.

В результате прорыва участка фронта у Бузиты (Бузицы) войска советской Венгрии, находившиеся на флангах этого прорыва, начали продвигаться вперед.

Успехи, достигнутые в полосе наступления 6-й дивизии, вскоре почувствовали и бойцы 10-й бригады, которая до этого в течение нескольких дней топталась на месте. Разгромив части противника в долине реки Бодва, бригада овладела городом Сендре и за день наступления вышла к населенному пункту Саллона.

В тот же день после полудня против 19-го полка, наступавшего на левом фланге 5-й дивизии, части 3-й чехословацкой бригады предприняли контрудар. Полк был вынужден отойти на линию Фельшенярад, Путнок.

Ожесточенный бой завязался в долине реки Шайо у населенного пункта Торналья. Здесь в схватке с превосходящим противником большие потери понес 5-й рабочий полк.

Действовавшая на левом фланге 5-й дивизии 39-я бригада при поддержке рабочих батальонов из 3-й дивизии снова перешла в наступление.

Ядро 80-й бригады, заняв высоты к югу и юго-западу от населенного пункта Детва, успешно отбило несколько контратак противника, которые становились все слабее.

Поскольку продвижение частей и подразделений 80-й бригады было затруднено сопротивлением войск 2-й чехословацкой бригады, Главное командование армии отдало распоряжение 16-му полку 1-й бригады двигаться на север по долине реки Шелмец-патак, с тем чтобы нанести фланговый удар через населенные пункты Корона, Доброня по войскам, обороняющим Зойом. 5 июня 16-й полк подошел к Короне.

На западном направлении войска 1-й бригады находились на линии Араньошмарот, Веребей и Эршекуйвар.

Венгерское и словацкое население освобожденных территорий с радостью встречало наступающие части Красной армии. Мужчины добровольно изъявляли желание вступить в Красную армию, чтобы с оружием в руках сражаться против чехословацкой империалистической армии.

Революционное поведение населения венгерской и словацкой национальностей на территории за линией

фронта вынудило руководство чехословацкой буржуазной армии ввести чрезвычайные меры по отношению к трудящимся Словакии. 5 июня здесь было введено осадное положение. Против лиц, симпатизировавших Красной армии, применялись репрессивные меры. Свирепствовали трибуналы, в тюрьмы были посажены заложники, прилагались все силы, чтобы разоружить трудящихся, готовящихся в городах и селах к восстанию. Однако жесткие репрессии не запугали венгерских и словацких тружеников, симпатизировавших Красной армии.

«Эти мероприятия, возможно, лишь сократили количество враждебных акций, но не исключили их полностью. За линией нашего фронта продолжаются убийства из-за угла, саботаж, порча железнодорожных и телеграфных линий», — докладывало командование Западной группы войск в донесении министерству национальной обороны Чехословакии.

6 июня части Красной армии продолжали наступление на всех направлениях.

В этот день части 3-й бригады подняли красный флаг над Шаторальяуйхеем.

Для того чтобы преградить путь 6-й дивизии, наступавшей на город Кашшу, противник ночью 6 июня сделал отчаянную попытку. Двумя батальонами при поддержке огня артбатареи он предпринял удар по 46-й бригаде, запявшей Надьиду. Удар оказался неожиданным, и отдыхавшие красноармейцы почувствовали его лишь тогда, когда передовые подразделения врага уже находились в селе. Однако красноармейцы не растерялись и вскоре отбросили противника на исходные позиции.

К шести часам утра чехословацкий отряд, наносивший контрудар, полностью выдохся, а его командир доложил, что у него нет ни боеприпасов, ни сил, а красные все продолжают наступление.

Делать было нечего, и генерал Хаборт, командир 6-й чехословацкой дивизии, отдал распоряжение оставить Кашшу. Он понимал, что удержать город дальше не сможет, хотя накануне вечером в Кашшу прибыл 30-й полк трехбатальонного состава. Главные силы 6-й дивизии отошли по долине реки Терцза в сторону Эперьеша, а правофланговые части отступили в направлении на Игло.

Части Красной армии победителями вошли в освобожденную ими Кашшу.

В тот же день наступление войск 1-й бригады было отмечено новым успехом: после многодневных боев 16-й пехотный полк занял Капорну (Крупина) и Шелмецбанью (Банска-Штьявница). Составлявшие большую часть полка словацкие солдаты своими ратными делами блестяще опровергли ложь, которую распространяли о солдатах-словаках чехословацкие буржуазные газеты, относительно их стойкости и храбрости. Они утверждали, что основная причина неудач чехословацкой буржуазной армии в Словакии кроется в том, что солдаты-словаки не могут и не хотят воевать. Солдаты словацкой национальности из 16-го полка на деле показали, что в борьбе за правое дело они способны совершать геройские подвиги.

Успехи Красной армии 6 июня получили отклик по всей стране.

На следующий день, в субботу, участники крупных торжественных мероприятий, проведенных в Будапеште и во многих городах провинции, приветствовали победы Красной армии. Утром звуки оркестра разбудили жителей столицы: на улицы ее вышел весь оркестр гарнизона. На открытых площадках выступили театральные коллективы.

После полудня со всех концов столицы на площадь перед парламентом двинулись трудящиеся, чтобы принять участие в организованных здесь торжествах. «Улицы отдавали эхом «Интернационала», — писала газета «Непсава» 7 июня 1919 года. — Пролетарский гимн с большим подъемом пели тысячи людей. Улицы оделись в праздничный наряд. На домах гордо развевались красные знамена, по всему городу было видно, какое большое значение имеет сегодняшний день».

В пять часов начался митинг. На нем выступили многие из народных комиссаров, в том числе и Бела Кун. «Со 2 мая едва прошел месяц, — сказал он, обращаясь к участникам митинга, — когда маловеры думали, что в венгерском рабочем классе не найдется сил для удержания в своих руках власти. А спустя месяц мы видим, что этот же рабочий класс не только упрочил советскую республику, но и распространил свою власть на огромную территорию».

Ораторы призывали рабочих к стойкости, всемерной поддержке Красной армии, борьбе против неустойчивых и пораженческих элементов.

После митинга до самой ночи в городе царил праздник, на открытых площадках выступали артисты.

В городском театре торжественное собрание провели представители Будапештского рабочего и солдатского совета, партийных и профсоюзных организаций. Собрание телеграммой поздравило Красную армию с одержанными победами над противником.

«Руководители всех будапештских рабочих и солдатских советов, профсоюзных и партийных организаций, собравшись на совместное торжественное заседание, от всего сердца, с гордостью и радостью приветствуют вас, свободных солдат-пролетариев, которые своим беззаветным героизмом превратили этот день в праздник. Одерживаемые вами изо дня в день победы доказали всему миру, что пролетариату нужно только захотеть и он победит буржуазную армию, которая напала на него. Вслед за вашими победами у нас крепнет вера, что объединение пролетариев всего мира уже не останется мечтой, а в скором времени превратится в победную действительность» [1].

До 7 июня части Красной армии на главном направлении достигли рубежа, занятие которого планом боевых действий было поставлено в качестве основной задачи перед 3-м корпусом. Она предусматривала занятие на восточном направлении Шаторальяуйхея, на северном—Кашши. Войска выполнили первую часть плана; командование Красной армии считало, что наступило время для перегруппировки сил и организации наступления в Затисье.

Главное командование армии с этой целью решило вывести в армейский резерв 6-ю дивизию и сосредоточить ее в районе Мишкольца. На ее место оно планировало выдвинуть в район Кашша, Маргитфалва 1-ю дивизию, подчинив ей части 3-й бригады, расположенные в Шаторальяуйхее. Главное командование армии хотело полностью сосредоточить командование 3-м корпусом на руководстве боевыми операциями в Затисье. Поэтому оно решило вывести из его подчинения 1-ю и 6-ю дивизии, переподчинив их себе. Для проведения же боевых операций против вражеских войск в Затисье, на усиление 3-го корпуса, из Задунайщины в район Мишкольца перебрасывалась 8-я дивизия. Командование 3-го корпуса получило задачу: подготовить до 15 июня войска к форсированию Тисы.

10-й бригаде предстояло продолжать продвижение в направлении Рожньо, с тем чтобы облегчить наступатель-

---

[1] Népszava, 1919, jun. 8.

ные действия частей 5-й дивизии, которые вели бои в долине реки Шайо.

Поскольку Главное командование считало задачи, поставленные перед частями, действовавшими на правом крыле Северного фронта, в какой-то степени выполненными, а к овладению большей территорией оно не стремилось, то поставило перед частями, действовавшими на левом крыле фронта, задачи, которые далеко выходили за рамки ранее определенных планом.

8 июня Штромфельд приказал командиру 80-й бригады продолжать продвигаться в направлении Руттка с целью перерезать железнодорожную линию, а одним батальоном занять позиции у населенного пункта Гарамберце.

На участке от Гарамберце до Дуная все части, в том числе и 1-ю бригаду, Главное командование армии подчиняло 3-й дивизии. Тем самым оно хотело обеспечить единое руководство операцией в районе Левы (Левицы). В качестве дальнейшей задачи Главное командование поставило перед 3-й дивизией прорваться к реке Нитра и захватить позиции на ее берегу.

В последующие дни страна отмечала победы Красной армии, которая овладела несколькими новыми городами.

Вечером 7 июня 1-я бригада овладела Зойомом.

9 июня 3-я бригада, продвигаясь на север от Шаторальяуйхея, освободила населенные пункты Текетеребешт и Надьмихай. Продвижение бригады во многом облегчила помощь рабочих из Хомонна. Взяв в руки оружие, трудящиеся этого рабочего поселка напали на врага с тыла, вызвав замешательство в чехословацких подразделениях и частях.

Небольшие отряды 6-й венгерской дивизии нанесли удар по врагу к юго-западу от Эперьеша. Противник отступил. Известие об этом вызвало панику среди чехословацких войск, расположившихся в самом городе. Панику и замешательство усилили действия эперьешских рабочих, организовавших вооруженные нападения на мелкие подразделения противника. В результате чехословацкие войска оставили Эперьеш, не оказав сколь-либо значительного сопротивления. Во второй половине дня командир 3-го корпуса докладывал Главному командованию армии, что передовой отряд 10-го пехотного полка с четырьмя пулеметами, установленными на поезде, ворвался в город и занял его. На следующий день передовой отряд 1-й дивизии достиг населенного пункта Бартфа и вышел на границу с Польшей.

10-я бригада 9 июня захватила Торну.

В этот день значительно ослабло сопротивление частей противника, противостоящих 5-й дивизии, и они недолго продержались под натиском атакующих цепей красноармейцев.

На правом фланге 5-й дивизии действовали части 65-й бригады, наступавшие в сторону Рожньо. В боях под населенным пунктом Садвархорша они взяли в плен остатки двух вражеских рот, численностью 75 человек, среди них 4 офицеров. Другая боевая группа 65-й бригады, выступив из Пелщеца на Рожньо, продвигалась по долине реки Шайо, выйдя 9 июня к населенному пункту Салоц, а на следующий день вместе с правофланговыми частями бригады вступила в Рожньо. «Радость населения была беспредельной. Наших красноармейцев засыпали цветами, обнимали и целовали», — докладывал командир 5-й дивизии по поводу вступления 65-й бригады в этот населенный пункт.

9 мая одна из боевых групп 65-й бригады, продвигаясь по долине реки Четнек, достигла населенного пункта с тем же названием, а колонна, наступавшая на правом фланге бригады, вошла в населенный пункт Йолошва, где также была тепло встречена ликующим от радости населением.

Части 39-й бригады вели бой у Римафюреда, что в 5 километрах от Тисольца. Поскольку противник упорно сопротивлялся, часть бригады обошла его линию обороны с запада, вынудив врага сдать Тисольц, в который 39-я бригада вошла 10 июня.

3-я дивизия одним батальоном при поддержке одной батареи, а также 8-го бронепоезда продвигалась в сторону Кермецбанья, а двумя батальонами при поддержке двух артбатарей — в сторону Бестерцебанья.

9 июня закончился первый этап Северного похода Красной армии. Ее героические солдаты-пролетарии блестяще выполнили задачи, которые поставило перед ними Главное командование армии: они рассекли общий фронт румынских и чехословацких войск и нанесли тяжелое поражение вооруженным силам чехословацкой буржуазной армии в Словакии.

Не прошло и двух недель со времени начала Северного похода, а героически сражавшиеся воины Красной армии прорвали фронт на главном направлении и углубились до 150 километров, освободив Северную Венгрию и значительную часть Восточной Словакии.

Красноармейцы, большая часть которых получила свое боевое крещение здесь, не имея боевого опыта и хорошей военной подготовки, дрались против буржуазной чехословацкой армии мужественно, успешно преодолевая ее сопротивление и все трудности наступления по горно-лесистой местности.

Начатые 30 мая боевые операции венгерской Красной армии поставили чехословацкую буржуазную армию в критическое положение. Она понесла большие потери, значительная часть войск оказалась деморализованной. Политические и военные круги чехословацкой буржуазии вновь обратились к Антанте с просьбой, чтобы она своим вмешательством предотвратила катастрофу, угрожавшую их армии в целом.

Руководители империалистических держав-победительниц решили путем дипломатического вмешательства спасти чехословацкую армию. 7 июня Клемансо от имени Парижской мирной конференции направил Революционному правительственному совету ноту, в которой призвал венгерское правительство к прекращению военных действий. В ноте содержались и обещания обнадеживающего характера, поскольку в ней подчеркивалось намерение пригласить в Париж делегатов от Венгерской советской республики, чтобы вручить им условия заключения мира. С другой стороны, нота содержала угрозы применить санкции к Венгерской советской республике, если та будет продолжать военные действия.

Революционный правительственный совет немедленно ответил на ноту, целью которой было обеспечить передышку для оказавшейся в критическом положении чехословацкой армии. В его ответе указывалось, что враждебные действия были начаты не венгерской Красной армией, а чехословацкой армией, которая нарушила демаркационную линию. Венгерское правительство предложило созвать конференцию государств, образовавшихся на территории бывшей Австро-Венгерской монархии, чтобы в узком кругу обсудить и урегулировать волнующие их проблемы. Пока же советское правительство не собирается отдавать приказа о прекращении военных действий.

Для двуличной, лживой по своей сущности империалистической дипломатии было характерным, что одновременно с «умиротворительной» нотой, посланной главами американского, английского и французского государств, руководивших Парижской мирной конференцией, они приняли решительные шаги для продолжения интервен-

ции против Венгерской советской республики своими объединенными силами.

Ультиматум, направленный советской Венгрии, Клемансо переслал в Прагу и Пелле, дополнительно сообщив, что Франше д'Эспери получил указание немедленно приступить к подготовке наступления на Будапешт. В ходе этого наступления правое крыло румынских войск в Затисье должно переправиться через Тису, чтобы тем самым облегчить положение чехословацкой армии, и вместе с ней наступать в западном направлении, на Будапешт. Находившиеся на территории Венгрии французские войска должны будут наступать между румынскими и югославскими войсками. С целью захвата венгерской столицы предусматривалось и наступление югославских вооруженных сил в северном направлении.

Обещанная Антантой помощь воодушевила чехословацкое военное руководство.

Пелле отдал распоряжение Миттельхаузеру продолжать силами 7-й дивизии энергичное продвижение в восточном направлении и любой ценой установить связь с группой войск генерала Эннока. Для выполнения этой задачи Пелле усилил Восточную группу четырьмя батальонами и двумя артбатареями.

Генерал Эннок получил приказ сделать все, чтобы прекратить отступление своих частей, и, создав резервы, подготовиться к захвату города Кашши.

Благоприятно обернулись для чехословацкого буржуазного военного руководства и события на польской границе. Руководитель французской военной миссии в Польше генерал Апри обеспечил для руководства чехословацкой армии условия, при которых они могли спокойно отвести свои войска от польской границы и использовать их против венгерской Красной армии. Это означало высвобождение войск для создания резервов и посылки их на словацкий фронт.

ПЕРЕМЕЩЕНИЕ ЦЕНТРА ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

После завершения первого этапа июньской кампании командование Красной армии оказалось перед необходимостью принять новое важное решение. Нужно было решить, как продолжать начатые операции: обратить ли, согласно первоначальному плану кампании, основные силы против румынских войск, оккупировавших Затисье, или

же все их направить на решительный разгром в Словакии войск чехословацкой армии.

Утром 9 июня командир 3-го корпуса обратился к Главному командованию армии с предложением, в котором говорилось о желательности изменить первоначальное решение Главного командования армии.

«Чехи еще не разбиты полностью, чувствительные потери мы нанесли им лишь в арьергардных боях. Если мы не продолжим или продолжим хорошо начатые операции против чехов только силами, которые имеем, то не исключено, что получим ответный удар. По мнению командования корпуса, представляется нереальным начинать операции против румын в Затисье, не разделавшись окончательно с чехами», — подчеркивалось в донесении, далее в нем говорилось о том, что предусмотренные планом для использования в наступлении на румынские войска в Затисье силы (4-я дивизия, вновь сформированные 8-я дивизия и части 1-го корпуса) явно недостаточны для успешного выполнения задачи. Командир корпуса подчеркивал, что в интересах полного обеспечения безопасности города Кашши он считает необходимым отогнать чехословацкие войска по крайней мере до долины Вага. Поэтому он считает, что 3-му корпусу всеми силами необходимо продолжать операции против чехословацких войск в районе между Высокими и Низкими Татрами. Наступление против румынской армии командование корпуса считало целесообразным начинать, только опираясь на прочные успехи победы, достигнутой на севере. В заключение в донесении говорилось, что, если Красная армия не будет продолжать боевых операций в районе Кашши, там вскоре следует ожидать контрнаступления противника. Этого надо было избежать.

Поначалу Штромфельд не соглашался с этим предложением, но потом, после основательного анализа, принял его основную концепцию. Правда, он отверг предложение о продолжении наступления 3-м корпусом в районе между Высокими и Низкими Татрами, но согласился с тем, что, прежде чем начинать операции против румынских войск в Затисье, необходимо устранить опасность с севера. При принятии решения Главным командованием Красной армии решающее значение имело то обстоятельство, что после своей ноты от 7 июня Антанта восприняла действия против державшихся пассивно румынских войск как вызов и воспользовалась этим, чтобы представить перед общественным мнением Венгерскую советскую

республику как агрессивную силу, которая не стремится к миру. Иное положение сложилось на Северном фронте. Чехословацкие войска своими наступательными действиями на западном крыле фронта показали, что они отнюдь не собираются примириться с существующим положением.

Вечером 9 июня Главное командование армии приняло решение:

«Общее положение требует рассчитаться с чехословацкой армией на продолжительное время прежде, чем главные силы армии, форсировав Тису, будут обращены против румынских войск».

10 июня Северный фронт более или менее стабилизировался. Бои порядком измотали войска обеих сторон. Командования как Красной армии, так и буржуазной чехословацкой армии после временной стабилизации фронта готовились к новым наступательным операциям.

Командование венгерской Красной армии с напряжением работало над подготовкой наступательной операции на Малой Венгерской низменности. Для этого прежде всего нужно было стянуть на главное направление нового наступления войска, необходимые для ее проведения. С этой целью Главное командование вывело 4-ю дивизию из состава 3-го корпуса и вместе с находившейся в резерве армии 8-й дивизией направило ее в район готовящегося наступления. В целях усиления стянутых для проведения операции на Малой Венгерской низменности войск Главное командование вывело из Задунайщины все боеспособные части. В новые районы были передислоцированы 17, 18 и 20-й полки, а также все готовые к маршу артбатареи.

12 июня Главное командование армии издало приказ о подготовке операций на Малой Венгерской низменности. В этом приказе замысел командования был сформулирован следующим образом: «Главное командование армии намерено стянуть значительное количество войск в район западнее Левы, между железнодорожной линией Паркапьнана — Эршекуйвар, и по завершении концентрации войск, продвигаясь этими силами в западном направлении, разбить встретившегося на своем пути противника».

В соответствии с приказом частям, выделяемым для проведения операций, уже находящимся в районе своего сосредоточения 3, 4 и 8-й дивизиям, а также войскам, переброшенным сюда из Задунайщины, следовало сосредо-

точиться в районе Гарамсентбенедек, Кюрт, Паркапьнана. Перед сильно ослабленной в предшествующих боях 80-й бригадой командование поставило задачу прикрыть правое крыло наступающей группировки в районе Зойома.

Для руководства операциями было создано новое корпусное управление — командование 5-го корпуса. Командиром корпуса был назначен Йожеф Погань, а его начальником штаба — Этгар Граненброк, связанный, как выяснилось впоследствии, с сегедскими контрреволюционерами.

6-ю и 5-ю дивизии Главное командование армии оставило в своем подчинении. 6-я дивизия должна была сосредоточиться в районе Кашши, а 5-я — в районе Мишкольца.

Главное командование Красной армии учитывало, что противник может перейти в наступление в период сосредоточения войск, поэтому командирам частей, направленных на Малую Венгерскую низменность, было дано указание — в случае попытки вторжения врага отвечать на его действия решительными действиями:

«Поскольку выход в район развертывания сил может произойти под воздействием противника, занятие назначенных районов в этом случае потребует проведения боевых операций.

При их осуществлении командирам дивизий надлежит руководствоваться следующими принципами:

а) Никогда не придерживаться оборонительной тактики, а быть готовыми к тому, чтобы в случае наступления противника, создав превосходство в силах, перейти в контрнаступление и, отбросив противника, преследовать его.

б) При наступлении действовать группировками с применением обходных маневров.

в) Дивизии должны взаимно поддерживать друг друга».

Руководство чехословацкой армии тоже хотело извлечь пользу из временной стабилизации линии фронта и готовило крупное контрнаступление как западной, так и восточной группировок своих сил.

Несомненно, политические и военные руководители буржуазной Чехословакии восприняли бы с бо́льшим удовольствием известие о начале общего наступления на советскую республику французских, румынских и югославских войск, чем дипломатическую ноту, направленную Клемансо от имени Антанты Революционному пра-

вительственному совету. Впрочем, они рады были и этой ноте, надеясь благодаря ей, даже в худшем случае, получить все-таки некоторую передышку. Этот шаг Антанты благоприятно повлиял на подорванное настроение в армии и в тылу, помог несколько восстановить изрядно подорванную веру в собственные силы у командного состава армии и контрреволюционной буржуазии Чехословакии. После этой поты чехословацкие военные и политические буржуазные руководители уже больше уверовали в то, что они возьмут верх над венгерской Красной армией; если не силой оружия, то с помощью своих империалистических союзников им все-таки удастся выйти из того тяжелого кризиса, который вызвало контрнаступление армии венгерского пролетарского государства, борющегося за свое существование.

Пражским военным руководящим кругам хотелось, чтобы сразу после ноты Клемансо наступление Красной армии было остановлено и они получили бы возможность привести в порядок свои потрепанные войска, восстановить их и подготовиться к новому наступлению. Надеясь, что под давлением ультиматума Антанты руководители Венгерской советской республики согласятся удовлетворить любые условия, Пелле потребовал, чтобы Красная армия отступила на 20 километров южнее линии Мишкольц, Вац, Дунай, вплоть до австрийской границы. Революционный правительственный совет, естественно, отверг это требование, и военные действия продолжались.

Поскольку группа генерала Эпнока в предыдущих боях понесла большие потери и потому нуждалась в реорганизации войск и отдыхе, первой после 10 июня боевые действия против Красной армии начала вести группа генерала Миттельхаузера.

Миттельхаузер намеревался силами двух дивизий перейти в наступление против левого крыла Северного фронта Красной армии. Однако осуществить это намерение оказалось невозможным из-за отступления 2-й чехословацкой дивизии и отсечения ее от 7-й дивизии. Командующий группой делал все, чтобы остановить отход 2-й дивизии и заставить ее перейти в контрнаступление. Командование Западной группы 8 июня отдало приказ полковнику Шнейдареку перейти в контрнаступление сразу же, как только на его участке начнет ослабевать нажим красных частей. 10 июня Миттельхаузер приказал командиру 2-й дивизии силами, находящимися в его распоряжении, начать наступление в направлении на Шель-

мецбанья, помешав занятию этого населенного пункта частями Красной армии.

Двум группировкам 7-й дивизии следовало наступать: одной — в направлении на Леву, другой — на Парканьпану.

Короткую паузу, последовавшую за наступлением частей Красной армии, генерал Эннок использовал для организации нового наступления против Красной армии.

13 июня он подписал приказ о наступательной операции, главной целью которой было овладение Эперьешем.

В последующие дни генерал Эннок продолжал развивать свой замысел захвата Эперьеша. Он приказал командиру 6-й дивизии одновременно с наступлением на Эперьеш частью сил занять Абонь, не допустив переброски командованием Красной армии подкреплений в Эперьеш из Кашши.

10 июня и в течение нескольких последующих дней центр тяжести боев переместился на левый фланг Северного фронта.

В то время как на правом фланге фронта группа войск генерала Эннока до 15 июня, по существу, вела себя пассивно, Западная группа словацкой армии предприняла ожесточенные атаки против частей 80-й бригады и 3-й дивизии.

10 июня уже перешла в наступление 2-я чехословацкая дивизия, прежде постоянно отступавшая. За последние дни эта дивизия существенно усилилась: ее состав вырос до 25 батальонов и 11 артбатарей.

Наступление 2-й чехословацкой дивизии, начатое с большим перевесом сил, 10 июня было остановлено наступавшими в направлении на Бестерцебанью частями 80-й бригады. Одновременно находившаяся на правом фланге дивизии группа, состоявшая из трех батальонов и артбатарей, начала наступление на Шельмецбанью. Один из батальонов наступал в центре, два других пошли в обход Шельмецбаньи, которую защищали потрепанный в боях батальон и батарея венгерской Красной армии. Первую половину дня батальон стойко держался, но потом был вынужден отступить, и противник занял Шельмецбанью.

11 июня 16-й полк 3-й дивизии Красной армии намеревался освободить Шельмецбанью, но эта акция была сорвана наступлением 7-й дивизии генерала Миттельхау-

зера на Леву. Основные силы полка пришлось бросить на противника, угрожавшего Леве с запада.

Командир 7-й чехословацкой дивизии генерал Шулер создал две группировки северо-западнее и юго-западнее Левы, чтобы начать наступление на этот важный город. Группа, расположенная юго-западнее Левы, начала наступление 11 июня на рассвете и захватила переправы через Гарам у Надькална и Альшоварада. В ходе боев противник прорвал оборону 3-й дивизии северо-западнее города и по берегу реки Гарам вышел примерно в 3 километрах северо-западнее Левы. Командир 3-й дивизии выдвинул два батальона 16-го пехотного полка из Шоймоша и Баты против прорвавшейся колонны противника. Эти батальоны в ходе тяжелых боев вынудили отступить противника на западный берег Гарама. Успех словацких солдат из 16-го пехотного полка заслуживает признания тем более, что он был достигнут в борьбе с превосходящими силами противника. Этот полк принадлежал к числу частей, которые в Северном походе выполняли самые тяжелые задачи.

«Батальоны 16-го полка... за последние дни проделали длительный переход, а сегодня им пришлось вести бои... Их боеспособность из-за больших потерь сильно снизилась, поэтому прошу срочного их пополнения», — докладывал в тот день командир 3-й дивизии Главному командованию армии.

12 июня 2-я чехословацкая дивизия, обладая большим превосходством в силах, начала наступление на 80-ю бригаду. Бригада, как и 16-й пехотный полк, в предыдущих боях значительно ослабла и, не получив пополнения, находясь в тяжелом положении, продолжала оборонять Зойом от натиска превосходящих сил противника, наступающего с трех сторон.

Несмотря на усталость красноармейцев и превосходство сил врага, частям 3-й дивизии удалось отбросить противника на западный берег Гарама по всему фронту.

«Второе сражение под Левой завершилось полной победой наших войск. Противник отброшен на западный берег Гарама», — докладывал 12 июня о результатах боев командир 3-й дивизии.

На следующий день, 13 июня, 2-я чехословацкая дивизия начала наступление на части 80-й бригады, оборонявшей Зойом.

К северу от Зойома, по обоим берегам Гарама, наступала 2-я чехословацкая бригада, а с запада — отряд, за-

хвативший Гарамберзенце. Под напором превосходящих сил противника измотанные, давно нуждавшиеся в смене батальоны 80-й бригады были вынуждены оставить город. На оборонительные бои бригады в районе Зойома весьма неблагоприятно повлияло и то, что ее артиллерия из-за помех в подвозе боеприпасов не смогла оказать действенной поддержки пехотным частям и подразделениям.

Задачи, выполнявшиеся с начала наступления интернациональными батальонами, среди которых прежде всего следует отметить русский батальон, требовали от красноармейцев сверхчеловеческих усилий. Солдаты интернациональной бригады, не имевшие продолжительное время передышки, продвигались вперед по труднодоступной местности, преодолевая упорное сопротивление противника. Контрреволюционно настроенный командир 80-й бригады Фолькушхази не раз ставил перед частями такие задачи, при выполнении которых личный состав совершенно изматывался, а некоторые его распоряжения носили прямо-таки провокационный характер. Был случай, когда он приказал одному интернациональному батальону пройти маршем на виду у артиллеристов противника, чтобы, как объяснял это сам Фолькушхази, выявить огневые позиции орудий.

За несколько дней до этого случая Бем посетил войска 80-й бригады. Был он и в 1-м интернациональном батальоне, где солдаты пожаловались на враждебное отношение к ним командования бригады.

«Мы передали ему жалобу. Рассказали, что с нами обращаются враждебно, не дают отдыха, размещают в паихудших местах, не дают достаточного количества патронов и т. д. и т. п.».

Бем, которому находящиеся под влиянием коммунистов интернационалисты с самого начала были несимпатичны, сначала резко отклонил критику командования бригады. Все, сказанное интернационалистами, он объяснил анархическими тенденциями, направленными против воинской дисциплины. Об этом он сказал бойцам, которые хотя и были представителями других народов, однако не жалели ни своей крови, ни жизни для защиты пролетарской власти в Венгрии.

После сдачи Зойома Фолькушхази хотел оборудовать оборонительные позиции бригады, пренебрегая самыми элементарными требованиями тактики. Этого уже не могло не заметить Главное командование армии. Находящиеся в его распоряжении силы комбриг намеревался

расположить на широком фронте, без эшелонирования в глубину. Такую оборону противник мог легко прорвать в любом месте. Штромфельд отклонил решение Фолькушхази и приказал ему лишь перерезать долину возле Вагеша, а главные силы бригады держать в готовности для нанесения контрудара.

Поскольку поведение Фолькушхази вызвало подозрение и у Главного командования армии, было принято решение, принять которое уже давно считали необходимым солдаты и верные революции командиры 80-й бригады: командир бригады был отстранен от исполнения своих обязанностей. Вскоре Фолькушхази объявился в Сегеде, где проявил себя как один из активных членов контрреволюционной компании.

В последующие дни внимание обеих сторон было привлечено к подготовке запланированных наступательных операций. К 14 июня значительная часть сил 4-й и 8-й дивизий уже прибыла в районы сосредоточения. 15 июня один из рабочих полков 4-й дивизии уже вступил в бой. «Доблестные чепельцы, действуя быстро и находчиво, юго-западнее Левы атаковали и заняли населенный пункт Позба, захватили много пленных и ценные трофеи», — сообщалось в сводке Главного командования армии о военном положении на 15 июня. В задачу 4-й дивизии входило еще до начала наступления 5-го корпуса, намеченного на 17 июня, выявить противостоящие силы противника и, по возможности, улучшить свои исходные позиции. Артиллерия стремилась вскрыть систему огня противника. Казалось, что действия 5-го корпуса могут начаться без особых помех, но противник упредил советские войска в подготовке наступления.

Хотя Клемансо, желая казаться объективным, и предложил Праге прекратить военные действия, но возглавлявшие чехословацкую армию французские генералы знали, что этот призыв отнюдь не следует принимать всерьез, и продолжали готовить общее наступление против Венгерской советской республики. Чтобы обмануть общественное мнение, они утверждали, что начинают наступление только потому, что войска Красной армии якобы все еще продолжают свои наступательные действия, несмотря на призыв Антанты. Это была сплошная ложь, потому что в последующие за 10 июня дни первыми в наступление перешли войска противника. 16 июня генерал Пелле издал приказ о начале общего наступления, мотивиро-

вав его тем, что накануне, 15 июня, Красная армия-де продолжала свое наступление.

«Доложите в Париж, что вчера венгры продолжали свои атаки, вследствие этого и мы были вынуждены продолжать свои операции...»

По приказу Пелле 16 июня по всему Северному фронту началось наступление чехословацких войск.

На восточном крыле Северного фронта генерал Эннок бросил свои главные силы на захват Эперьеша и Кашши. Одновременно с этим он выдвинул вперед одну группировку войск в долину реки Шайо, другую — в долину реки Рима. Наступление этих группировок 16 июня увенчалось успехом: в долине реки Шайо был занят Рожньо, а в долине реки Рима — Римарахо.

Общее наступление на Эперьеш и Кашшу, частичные успехи противника обеспокоили командование 3-го корпуса. Ввиду того что после 9 июня корпус был значительно ослаблен, его командование считало, что обеспечить оборону Эперьеша и Кашши оно может лишь в том случае, если в его распоряжение будет возвращена хотя бы часть сил, которые были выведены из подчинения корпуса после 9 июня.

«Вследствие происшедшего 10 июня ослабления 3-го корпуса две оставшиеся дивизии, рассредоточенные на большом пространстве, в той или иной мере обречены на оборону. Как я уже докладывал 9 июня... части сохранили наступательный дух, но для обороны они не пригодны. Бои последних дней, и особенно события последних суток, свидетельствуют о том, что части, вследствие проведения небольших прорывов и одновременно ведения оборонительных действий, дробятся и вынуждены отходить под натиском противника. Исправить положение можно лишь в том случае, если Главное командование армии передаст в распоряжение командования корпуса части 6-й дивизии и 3-й бригады, в этом случае корпус способен перейти в наступление...» — докладывал командир 3-го корпуса, подчеркивая, что, в случае если он не получит указанного подкрепления, удержать Эперьеш и Кашшу ему вряд ли удастся.

Главное командование армии сначала считало передачу частей 6-й дивизии и 3-й бригады в распоряжение 3-го корпуса весьма проблематичной, поскольку это сказалось бы на численности находящихся в его распоряжении резервов. В обстановке, когда общее наступление противника развернулось по всему Северному фронту,

Штромфельд не хотел лишаться своих резервов. Когда, однако, 17 июня западнее Кашши противнику удалось продвинуться вперед, Главное командование армии изменило свою позицию и вновь передало 6-ю дивизию в подчинение 3-го корпуса.

В этот день и на западном крыле Северного фронта началось наступление группы генерала Миттельхаузера, которая стремилась захватить Леву.

Миттельхаузер знал, что командование Красной армии намеревалось стянуть значительные силы на западном крыле фронта для проведения там задуманной наступательной операции. Поэтому он всеми средствами стремился упредить начало наступления частей Красной армии.

По приказу Миттельхаузера от 14 июня 7-я и 2-я чехословацкие дивизии должны были продвигаться на Леву с севера и северо-запада.

Наступление Западной группы чехословацких войск в Словакии на Леву началось на рассвете 16 июня. Поначалу наступление развивалось по плану Миттельхаузера.

Находившаяся северо-восточнее Левы 3-я дивизия венгерской Красной армии имела только три батальона и одну артбатарею. Войска под натиском превосходящих сил противника вынуждены были отходить, хотя перед этим артиллеристы и нанесли противнику своим огнем значительные потери.

Одновременно с наступлением на северо-восток и север от Левы противник, в соответствии с указаниями Миттельхаузера, силами одной бригады форсировал Гарам и подошел к Леве с запада. Положение города стало критическим. Обстановку, казавшуюся почти безнадежной, удалось изменить с помощью красноармейцев 4-й дивизии, которая начала наступление на правый фланг бригады противника, вынудив его отступить.

17 июня противник продолжал наступление с целью захвата Эперьеша, Кашши и Левы, однако успеха не имел.

В то время как на большей части Северного фронта 17 июня части Красной армии продолжали вести оборонительные бои, действующая на левом фланге 5-го корпуса 8-я дивизия начала продвигаться в направлении Эршекуйвара (Нове-Замки), чтобы облегчить положение войск, обороняющих Леву. Колонна дивизии, состоящая из пяти батальонов, продвигалась в направлении Эльвед, Семере, Надьшурань с целью отрезать с севера Эршекуй-

вар от главных сил генерала Миттельхаузера, сосредоточенных на подступах к Леве. 17-й полк дивизии при поддержке двух бронепоездов наступал вдоль железной дороги Паркань — Эршекуйвар и подходил к Эршекуйвару. На левом крыле дивизии наступала еще более сильная группа в направлении Одялл. Наступление противника сорвалось и на западном участке Северного фронта. Генералу Миттельхаузеру, еще недавно готовившемуся вступить в Леву, теперь нужно было собрать все силы, чтобы остановить контрнаступление частей Красной армии, развернувшееся на этом направлении.

Провалом наступления противника на Леву завершился еще один период операции Северного похода. В период с 10 по 17 июня руководители чехословацкой буржуазной армии делали большие усилия, чтобы отбросить войска Красной армии на линию, откуда она 30 мая начинала контрнаступление. Однако эти усилия, несмотря на прибытие значительного пополнения (во второй половине июня чехословацкая армия в Словакии состояла уже более чем из 100 батальонов), разбились вдребезги о сопротивление венгерской Красной армии и не привели противника к желанной цели — захвату района Эперьеша. Красные части, вопреки атакам противника, удержали территорию, которую они освободили в период своего победоносного Северного похода.

Благодаря освобождению значительной части территории Словакии 16 июня силы революции одержали еще одну крупную победу. В этот день в Эперьеше была провозглашена Словацкая советская республика. С провозглашением Словацкой советской республики революционное движение в Европе обрело новую базу. Словацкая республика заключила союз с российским и венгерским пролетарскими государствами и немедленно приступила к созданию революционной государственной власти. Были сделаны первые шаги и к созданию словацкой Красной армии.

«Победоносное и неудержимое шествие мировой революции обогатило свои прежние успехи новыми большими результатами. На очищенной от империализма свободной словацкой земле сегодня образовалась самостоятельная Словацкая советская республика. Этим актом словацкие рабочие, солдаты и сельские пролетарии расширили тот революционный фронт, пути которого проложили Российская и Венгерская советские республики. Они завоевали дальнейший простор для великой идеи мировых советов.

Новорожденная Словацкая советская республика, естественно, считает своими союзниками победоносных братьев из Советской России и Венгрии...»[1] — говорилось в «Призыве к рабочим всего мира по случаю образования Словацкой советской республики».

Хотя в период с 10 по 17 июня войска Красной армии успешно отразили крупные наступления противника и сохранили в своих руках территории, освобожденные в предшествующих боях, в армии уже начали появляться определенные тревожные явления.

В результате начавшихся 30 мая боев Красная армия понесла серьезные потери в личном составе. Наряду с погибшими и раненными в боях росло количество красноармейцев, заболевших из-за физического перенапряжения. После 2 мая в Красную армию пришло много пожилых рабочих, которые в тяжелых условиях боевой обстановки быстро заболевали. В результате плохого питания на фронте у значительной части красноармейцев из рабочих сопротивляемость организма была снижена, и поэтому процент заболеваемости у них был сравнительно выше.

Сокращение личного состава действующих частей армии остро поставило вопрос о пополнении.

Пополнение армии в ходе июньских боев оказалось неудовлетворительным. Сформированные Народным комиссариатом по военным делам и направленные на фронт батальоны лишь в небольшой мере могли пополнить сильно сократившийся личный состав частей и подразделений.

Недостаточность снабжения войск ясно показала, что в продолжение длительного времени система пополнения армии была неудовлетворительной. После 2 мая была проведена мобилизация прежде всего будапештских рабочих. Этим действительно удалось за короткое время освежить личный состав армии и влить новый дух в красноармейцев. Однако мобилизация пролетариата не решила полностью проблемы пополнения армии личным составом. Самые лучшие, самые сознательные рабочие будапештских и периферийных предприятий после 2 мая добровольно пришли в армию, в результате чего значительно снизилось производство важнейших заводов и фабрик. Особенно чувствительно сказалось снижение уровня производства в горнодобывающей промышленности из-за ухода шахтеров в армию. Поэтому Главное командование по

[1] Kassai Vörös Ujság, 1919, jun. 17.

просьбе Народного комиссариата социализации в течение июня демобилизовало значительную часть красноармейцев-шахтеров.

Система пополнения рядов армии, основанная на мобилизации прежде всего промышленного пролетариата, хотя и оказала в майские дни и в конкретной обстановке большую услугу, но не могла на продолжительное время и полностью решить вопрос пополнения рядов Красной армии.

Система комплектования армии на основе вербовки и регистрации заводских рабочих действовала до 5 июня, и только после этого Революционный правительственный совет издал указ об общей воинской обязанности трудящихся в возрасте от 18 до 45 лет. Но согласно этому указу мобилизации подлежали мужчины от 18 до 45-летнего возраста, однако не со всей территории страны, а только из Будапешта и областей, расположенных между Дунаем и Тисой, а также из северных, освобожденных Красной армией районов. Революционный правительственный совет и Народный комиссариат по военным делам не собирались проводить мобилизацию в находившейся под сильным влиянием контрреволюции Задунайщине. Это решение как с политической, так и с военной точки зрения было ошибочным, так как последовательное проведение мобилизации на территории правобережья Дуная на долгое время решило бы проблему пополнения Красной армии личным составом.

По указу от 5 июня призыв в армию следовало провести с 10 по 21 июня.

Руководители Венгерской советской республики возлагали большие надежды на новую систему пополнения армии. Однако результаты мобилизации далеко не оправдали предварительных расчетов. Основная причина такого положения заключалась в том, что назначенные для осуществления призыва органы местных советов не располагали ни нужным опытом, ни соответствующей энергией для выполнения столь серьезной задачи.

Как выяснилось впоследствии, руководители мобилизационной группы Народного комиссариата по военным делам намеренно поручили проведение мобилизации не военным органам, а местным советам, чтобы таким образом сорвать пополнение рядов Красной армии.

Бывший руководитель этой группы Карой Майер-Чейкович в написанной им в 1927 году статье «Венгрия спасла Европу от большевизма» подчеркивал, что дейст-

вовавшие в Народном комиссариате по военным делам контрреволюционеры избрали такой путь пополнения армии, «который опошлил Указ о мобилизации и, лишив Красную армию возможности достаточного пополнения, сделал ее нежизнеспособной. Не говоря уж о том, что в связи с этим пришлось отказаться от возвращения оккупированных противником территорий. Военные оргработники отстранили от проведения мобилизации знающих свое дело людей и столь сложную организационную работу возложили на не сведущие в военных делах рабочие советы. Но чтобы внезапный призыв и этим путем не дал красным войскам должного пополнения, прежде была объявлена приписка, которая затянулась на несколько недель и дала мало результатов».

Подобно Картохвилу, Майер-Чейкович тоже старался замаскировать свое предательство под акцию по спасению европейского католицизма. Однако при всей его гиперболизации несомненно, что объявление так называемой приписки и возложение задачи по пополнению армии на рабочие советы было грубой ошибкой. Это затруднило и замедлило пополнение рядов Красной армии. Данные на всех военнообязанных находились в распоряжении местных военных комендатур и органов пополнения, так что было совершенно излишне объявлять новую регистрацию. Военные органы могли бы осуществить призыв значительно быстрее и провести его более эффективно, чем рабочие советы.

Помимо этого, на состоянии войск отрицательно сказалось и то, что сформированные Народным комиссариатом по военным делам резервные батальоны Главное командование армии зачастую использовало не для пополнения частей, имеющих боевой опыт, а на формирование из них новых частей.

15 июня боевой состав Красной армии, по сравнению со 113 батальонами на 15 мая, составлял уже 168 батальонов. Однако рост количества батальонов сопровождался значительным уменьшением личного состава в отдельных батальонах. Если сравнить состав батальонов Красной армии в июне с составом их на 15 мая, то нельзя не заметить, что на 15 мая на один батальон приходилось в среднем 456 винтовок, а месяц спустя это число снизилось до 358. Эти данные наглядно показывают уменьшение личного состава действующих частей Красной армии, к тому же они еще и вводят в заблуждение, так как дают средние показатели для боровшихся на фронте и нахо-

дившихся в тылу батальонов. Совершенно очевидно, что личный состав батальонов действующей армии уменьшался в значительно большей степени, чем личный состав батальонов, находившихся в тылу.

Неприбытие пополнения в понесшие большие потери батальоны вызывало законное недовольство среди солдат. Бойцы чувствовали, что тыл не заботится о них и отнюдь не стремится поскорее исправить положение. Им было непонятно, почему в то время, как они ведут бои в тяжелых условиях и часто не имеют самых элементарных условий для отдыха, дома или вообще в тылу многие мужчины призывного возраста живут на пособие для безработных.

Аналогичные мысли беспокоили и родственников призванных в армию. Женам красноармейцев не раз приходилось слышать в свой адрес издевательские замечания от тех, кто не служил в армии. И это в то время, как они вместе с мужьями многим жертвовали во имя защиты советской республики. Поэтому были случаи выступлений жен красноармейцев с требованием, чтобы советское правительство призвало в армию всех годных к несению воинской службы мужчин в возрасте от 18 до 45 лет или же отпустило домой их мужей.

Из-за нехватки пополнения заметно падала мощь Красной армии. Командиры боевых частей неоднократно обращали внимание Главного командования армии и Народного комиссариата по военным делам на столь нетерпимое положение. «...Большие размеры потерь в ходе боевых операций, медлительность пополнения, неудовлетворительные результаты пополнения путем приписки и вербовки — все это грозит тем, что в ближайшее время начнется разложение личного состава и снижение боевого духа нашей армии...» — докладывал Главному командованию армии 20 июня Ене Ландлер.

ТРУДНОСТИ В ТЫЛУ

Перенапряжение сил, отсутствие необходимого отдыха и недостатки в пополнении личного состава усугублялись еще тем, что на боевой дух бойцов Красной армии сильно влияли и вести из тыла, которые становились все более тревожными.

К июню 1919 года положение диктатуры пролетариата в Венгрии во многих отношениях складывалось весь-

ма неблагоприятно. И без того тяжелое положение, определяемое катастрофическим спадом промышленного и сельскохозяйственного производства, усугублялось блокадой империалистических государств и бесчисленными трудностями, причиненными диктатуре пролетариата вооруженной интервенцией.

Производство упало во всех отраслях промышленности. Хищническое ведение хозяйства во время мировой войны, а также экономическая блокада привели к тому, что запасы сырья в стране иссякли полностью. Пополнить их советская республика не имела возможности.

В Красную армию пришли самые сознательные элементы рабочего класса, тысячи лучших, квалифицированных рабочих. Отсутствие их личного примера и знаний сильно сказывалось на работе промышленности. Отмена сдельной оплаты труда на промышленных предприятиях содействовала ослаблению трудовой дисциплины.

Велик был дефицит товаров. Население городов, особенно столицы, нуждалось в продуктах питания. Голода, правда, еще не было, поскольку овощей хватало, но в снабжении населения мясом, жирами, сахаром и мукой возникали серьезные затруднения. Хозяйственные органы советской республики (в какой-то мере из-за сознательного саботажа определенной части государственных служащих) не смогли организовать необходимого товарообмена между городом и деревней.

Положение осложнялось еще и тем, что крестьянство с недоверием отнеслось к выпущенным советским правительством деньгам и не продавало за них свои продукты.

Потеря сельскохозяйственных областей Затисья сильно сказалась на продовольственном снабжении всей страны.

Вследствие лишений из-за четырехлетней мировой войны, а также из-за военной интервенции среди менее сознательных элементов трудящихся масс стали проявляться признаки военной усталости. Удручающе влияли на настроение трудящихся и известия о поражениях социалистического революционного движения в Европе. Приверженцы диктатуры пролетариата весной возлагали большие надежды на дальнейшее продвижение социалистической революции в Западную Европу. Особенно они верили в скорую победу революции в Германии и Австрии. Однако немецкое рабочее движение никак не могло оправиться от удара, нанесенного ему реакцией в январе.

Баварскую советскую республику контрреволюция задушила за короткое время. В Австрии в середине июня было подавлено массовое движение за провозглашение диктатуры пролетариата. В Центральной и Западной Европе реакция с помощью правых социал-демократов постепенно укрепила свои позиции.

Руководители советской республики и широкие массы трудящихся в мартовские дни одинаково верили, что социалистическая революция скоро одержит победу и в других странах Европы, поэтому Венгерской советской республике нужно лишь сравнительно короткое время выдержать борьбу в изоляции. К июню же стало ясно, что надежды были слишком оптимистичны и Венгерской советской республике придется еще долгое время жить, трудиться и воевать с захватчиками в окружении враждебных буржуазных государств.

Вследствие этого силы в объединенной партии все больше поляризовались, ширился разрыв между искренними сторонниками диктатуры пролетариата и правыми уклонистами. Те деятели рабочего движения, которые в апреле еще колебались, желая сохранить единство Революционного правительственного совета, и в то же время не могли четко отмежеваться от позиции правого крыла профсоюзов, теперь разделились на два течения: часть их приблизилась к коммунистам (Ландлер, Нистор, Варга, Бокани), а другие (Бем, Вельтнер, Кунфи) все чаще блокировались с правыми руководителями профсоюзов, хотя и не были с ними во всем согласны.

Правые все решительнее выступали против последовательного применения принципов диктатуры пролетариата и коммунистов. Вокруг руководителей некоторых профсоюзов в рядах рабочего класса образовались центры политической подрывной работы.

Правые профсоюзные деятели, которые после провозглашения диктатуры пролетариата несколько устранились от политической деятельности, постепенно обретали уверенность и при поддержке некоторых руководителей объединенной партии и правых членов правительственного совета перешли в наступление.

Во второй половине мая, когда Революционный правительственный совет решил, используя усиление Красной армии, взять на Северном фронте инициативу в свои руки, профсоюзные руководители снова собрались на свою конференцию в клубе на улице Абони. Один из руководителей профсоюза металлистов говорил, что настало вре-

мя руководителям профсоюзов серьезно заняться сложившейся ситуацией, поскольку в конечном счете они будут ответственны перед членами профсоюзов за ход событий, хотя беду накликали не они. Этот вопрос актуален потому, подчеркивал он, что правительственный совет решил начать наступление на чехов и Народный комиссариат по военным делам своим распоряжением обязал профсоюзы регистрировать призывников. Далее оратор говорил о том, что преступно вовлекать организованных рабочих в совершенно бесперспективную новую войну и возлагать ответственность за это на руководство профсоюзами.

Присутствовавшие на конференции профсоюзные лидеры согласились со сказанным и постановили созвать руководителей всех профессий и коллективным решением заставить Революционный правительственный совет дать приказ об отступлении, то есть реализовать предложение, внесенное ими в конце апреля — начале мая.

Через несколько дней, теперь уже в более широком кругу, они созвали новую конференцию, на которую вместе с несколькими другими членами правительственного совета пришел и Бела Кун. На конференции Кун заявил, что надежды, будто в Венгрии с помощью Антанты можно создать более умеренное профсоюзное правительство, не имеют под собой никакой почвы. Он подчеркнул, что после диктатуры пролетариата может наступить только диктатура буржуазии. Вопреки протестам Белы Куна профсоюзные лидеры наладили контакт с капитаном Фриманом, членом английской военной миссии, и просили его помочь им получить поддержку Антанты. И хотя их акция не имела успеха, профлидеры упрямо настаивали на пропаганде в широких кругах идеи замены диктатуры пролетариата своего рода «розовым» временным профсоюзным правительством. Для этого они решили созвать отраслевых профуполномоченных, чтобы склонить их к поддержке своих планов.

Им удалось привлечь на свою сторону руководителей нескольких отраслевых профсоюзов, однако представители самой авторитетной профессии — металлисты, которым Бела Кун объяснил опасный характер стремлений профсоюзных лидеров, отвергли предложения капитулянтов.

Блестящие победы Красной армии на Северном фронте, одержанные ею в ходе начатого 1 июня наступления, которые вся страна отметила с большим триумфом, на некоторое время лишили почвы пораженческую пропа-

ганду, проводимую профсоюзными лидерами. Весьма своеобразным образом именно те люди, которые резко выступали против реорганизации Красной армии, использовали ее успехи для укрепления своих позиций. В дни июньских побед профлидеры вели себя так, будто бы они делали все для укрепления Красной армии и подготовки ее побед.

Люди, которые уже в конце апреля намеревались капитулировать и всячески пытались помешать мобилизации рабочего класса, старались сорвать Северный поход Красной армии, теперь выставляли себя героями.

Правое крыло профсоюзных лидеров не смогло действовать столь свободно, если бы некоторая часть руководителей правительственного совета и социалистической партии не одобряла их намерений.

Когда председателя правительственного совета Гарбаи проинформировали о позиции профсоюзной конференции, он заявил, что «до глубины души» рад этому.

Кунфи, Велтнер и другие начали борьбу за смягчение диктатуры пролетариата. Они считали чрезмерным насилие, применяемое к свергнутым классам и контрреволюции. Победивший пролетариат должен быть великодушен по отношению к побежденному противнику, заявляли они в то время, когда контрреволюция по всей стране готовилась к свержению диктатуры пролетариата. По сути дела, у Кунфи и его сторонников были те же идеи, что и у лидеров профсоюзов. Они тоже не верили в силы рабочего класса, были заняты мыслью об отступлении и старались не допустить шагов, которые бы сделали отступление невозможным.

В таких условиях изо дня в день обострялись противоречия между коммунистами с примкнувшими к ним и поддерживающими диктатуру пролетариата левыми социал-демократами и правыми деятелями.

В конце мая — начале июня эти противоречия стали достоянием общественного мнения, темой открытых дискуссий. Правые считали исключительно важным хорошенько подготовиться к назначенному на июнь 1919 года съезду партии.

Этот съезд созвали на основании еще старого устава партии, что означало решительное вмешательство профсоюзов в подбор делегатов на съезд. Используя это обстоятельство, правые, отказавшись от ранее существовавшей договоренности, намеревались на съезде заговорщически вывести из руководства партии коммунистов и часть

левых социал-демократов. И только в результате решительных действий коммунистов были изменены результаты выдвижения делегатов на съезд и принято руководство этим делом в соответствии с существовавшим соглашением.

Положение обострилось до такой степени, что Бем заявил о намерении рассчитаться с коммунистами, опираясь на силу армии. Он писал позднее: «Результаты голосования вызвали у коммунистов большое недовольство. Бела Кун и его товарищи — коммунисты в письменной форме заявили председателю съезда Шандору Гарбаи, что ввиду забаллотирования их товарищей они не признают результатов голосования: сохраняют за собой свободу действий в партии и в правительственном совете. Этот шаг свидетельствовал об открытом расколе в партии». И это писал Бем, который уже тогда договорился с Велтнером и Кунфи не уступать требованиям коммунистов и, опираясь на вооруженные силы, изолировать левых от руководства государством диктатуры пролетариата.

«Положение на фронте в данный момент отличное. Наши войска наступают. Недовольство рабочих достигло наивысшей степени, таким образом, психологически наступил момент для разрыва» — так оценивали ситуацию Бем и его сторонники. Они рассчитывали, что военный комендант Будапешта Хаубрих станет на их сторону и поддержит рабочими батальонами намерения разделаться с коммунистами. Однако Хаубрих, к величайшему удивлению Бема и его сторонников, не пожелал принять участие в антикоммунистическом путче.

И в самом деле, нелегко найти объяснение тому, почему Хаубрих, поведение которого до и после этого не раз свидетельствовало о его антикоммунистических настроениях, вдруг воспротивился предложению Бема и его сторонников. Возможно, мы не слишком далеко уйдем от истины, если предположим, что в это время Хаубрих уже знал о подготовке контрреволюционеров и боялся, что расслоение рядов рабочего класса может привести к тому, что белый террор одержит верх.

Занятая Хаубрихом позиция имела решающее значение. После этого Бем с его сторонниками были вынуждены уступить требованиям коммунистов.

Хотя съезд партии завершился компромиссом между коммунистической и социал-демократической фракциями, противоречия между ними оставались и вредно сказыва-

лись на настроениях на фронте и в тылу. В обстановке, когда все силы народа следовало сосредоточить в интересах обороны страны, противоречия, проявившиеся в руководстве государством, подрывали авторитет власти, веру в будущее диктатуры пролетариата и стимулировали действия контрреволюции.

Вредные влияния, возникавшие вследствие измотанности солдат, плохого пополнения войск живой силой и материального их обеспечения, а также трудностей в тылу, сказывались, естественно, на боевом духе подразделений и частей Красной армии. Однако они не сломили твердой воли Красной армии защищать до конца диктатуру пролетариата. Вопреки этим вредным влияниям красноармейцы смело и решительно боролись с превосходящими силами империализма.

На боевой дух частей Красной армии на Северном фронте значительное влияние оказывали ноты Антанты, направляемые Венгерской советской республике, а также ответы на эти ноты Революционного правительственного совета. Правые социал-демократические лидеры с радостью восприняли июньскую ноту Антанты. Они считали это признаком того, что Антанта, возвратившись к своей прежней концепции свержения советской республики изнутри, хочет разрешить свои противоречия с Венгерской советской республикой не силой оружия, а путем создания предпосылок для формирования из правых социал-демократических лидеров так называемого переходного правительства, которое они пытались создать и раньше. Бем, Велтнер и правые социал-демократические лидеры, стоявшие во главе профсоюзов, рассчитывали, что Антанта заключит мир на таких политических условиях, которые приведут в Венгрии к победе их направления.

13 июня Клемансо от имени Антанты направил Венгерскому советскому правительству новую ноту, которую правительство получило только 15 июня. В ноте, состоящей из двух разделов, говорилось о границах, установленных мирной конференцией между Венгрией, Чехословакией и Румынией, и содержалось распоряжение о немедленном прекращении военных действий. Венгерскому советскому правительству предлагалось незамедлительно отвести войска Красной армии за обозначенные границы, в противном случае «союзные и примкнувшие к ним державы будут считать себя вправе наступать или предпринять любые иные меры...». В телеграмме Клемансо содержалось и обещание: «...Румынские войска будут от-

ведены, как только венгерские части эвакуируются из Чехословакии».

Вечером 15 июня вновь избранное руководство социалистической партии обсудило ответ на ноту Антанты. Большинство в руководстве партии решило ответить о готовности советской республики принять требования Антанты.

В духе решения руководства партии Бела Кун сообщил Клемансо, что Красная армия прекращает наступательные действия. В другой ноте Кун информировал Клемансо о том, что поскольку чехословацкие войска не прекратили своих враждебных действий, то венгерская Красная армия вынуждена пока продолжать борьбу. Главное командование армии довело до сведения личного состава ноту Антанты и ответ на нее советского правительства в специальном приказе. «Державы Антанты,— говорилось в нем, — направили правительству Венгерской советской республики ноту, в которой требуют отвести войска Красной армии с части освобожденной территории, а взамен будут выведены войска румынской империалистической армии со значительной части незаконно оккупированной ими территории...»

Далее приводились телеграмма Клемансо и посланный на нее ответ Белы Куна. «На основании этого обмена телеграммами приказываю до заключения военной конвенции прекратить операции, а войскам Красной армии оставаться на позициях, которые они занимали в момент получения настоящего приказа», — говорилось в приказе.

Опубликование в печати этого приказа и обмена телеграммами с Антантой сильно подорвало боевой дух бойцов Красной армии. Открылся широкий простор для ведения контрреволюционной пропаганды, деморализации и капитулянтских настроений.

После этого все больше бойцов в подразделениях и частях Красной армии стали считать дальнейшую борьбу бессмысленной. Легко понять, что солдаты, которым командование сообщило о новых границах и которые находились далеко за пределами страны, считали бессмысленным воевать за новые населенные пункты, поскольку вскоре их снова придется оставить. В последние дни Северного похода солдаты многих подразделений, считая, что границы уже установлены и правительство бессильно что-либо изменить, считали дальнейшие жертвы бессмысленными и хотели только одного — поскорее вернуться домой.

ПОСЛЕДНИЕ УСИЛИЯ НА СЕВЕРНОМ ФРОНТЕ

С 18 по 24 июня проходили последние операции Северного похода. Хотя подавляющее большинство частей Красной армии и в этих боях честно выполняло свой долг, на проходящие в этот период бои все возрастающее влияние оказывала дипломатическая возня вокруг ноты Клемансо, особенно после 19 июня. Зная ход переговоров с Антантой, солдаты считали дальнейшую борьбу бессмысленной.

Руководители чехословацкой армии ни на секунду не задумывались всерьез прекратить свои действия против венгерской Красной армии, пока не добьются достижения своих агрессивных целей. Поэтому и после получения телеграммы они продолжали вести наступательные действия. Антанта лицемерно делала вид, что желает прекращения военных действий обеих сторон, на самом же деле ее целью было остановить наступление Красной армии и добиться ее отступления.

Поскольку командование чехословацкой армии не проявляло склонности к прекращению военных операций, 17 июня Главное командование армии было вынуждено отменить свои мероприятия по прекращению военных действий и приказало продолжать бои.

18 июня на всем Северном фронте продолжались боевые действия. Бои, в отличие от предыдущих, характеризовались активностью войск Красной армии.

На участке 1-й дивизии противник снова попытался продвинуться в направлении Эперьеша, однако все его атаки были отбиты. Рано утром началось наступление противника в направлении Бертот, Моньхад, Эперьеш. Батальон 1-й дивизии, занимавший оборону на западной окраине Моньхада, под давлением превосходящих сил отошел через Синье к Эперьешу. Наступление противника могло бы повлечь и более тяжкие последствия, если бы дивизионной артиллерии не удалось принудить противника не только остановиться, но и отойти.

В этот день северо-восточнее Эперьеша с большим успехом действовал уже неоднократно отличавшийся ранее бронепоезд № 12. Бронепоезд своим огнем рассеял несколько группировок противника, причинив ему серьезные потери.

В то время как 1-я дивизия вела 18 июня оборонительные бои, части 6-й дивизии северо-западнее и запад-

нее Кашши перешли в контрнаступление и оттеснили противника к северу и северо-западу от города.

Части 5-й дивизии 18 июня вели бои с переменным успехом. 39-ю бригаду противник вынудил к дальнейшему отступлению по долине Римы. Командир дивизии доложил, что батальоны этой бригады сильно измотаны и потеряли боеспособность. Командование корпуса с целью укрепления частей, действовавших в долине Римы, и оттеснения противника направило на этот участок три батальона и одну артбатарею.

Большинство войск, подчиненных 5-му корпусу, продолжало преследовать разбитого противника.

Поскольку подразделения 3-й дивизии в тяжелых предшествующих боях совершенно измотались, командир 5-го корпуса решил вывести дивизию с передовой для отдыха и пополнения. «После тяжелых и отлично проведенных боев я решил дать дивизии отдохнуть», — докладывал о своем решении командир корпуса командованию Красной армии. Выведенные с передовой части 3-й дивизии сосредоточились у Левы.

Позиции 3-й дивизии к северо-западу и западу от Левы заняли части 4-й дивизии.

Действовавший на правом фланге отряд 4-й дивизии, выделенный для поддержки 8-й дивизии в направлении Надьшурань, достиг Барачки. «Жители села оказали отряду вооруженную помощь», — доложил в тот же день начальник штаба 5-го корпуса.

В результате смелых действий 3-й и 4-й дивизий новое наступление противника на Леву потерпело провал. Обе дивизии из группы Миттельхаузера вынуждены были отступать.

18 июня бои, которые вела 8-я дивизия, увенчались большим успехом: передовые отряды дивизии севернее Эршекуйвара достигли берега Нитры и, успешно форсировав ее, заняли Банкеси. Овладев этим населенным пунктом, часть подразделений дивизии, состоявшая из двух батальонов и двух артбатарей, начала развивать наступление в направлении на Эршекуйвар.

Успешное наступление 8-й дивизии создало весьма тяжелое положение на правом фланге Западной группы вооруженных сил в Словакии. Резервы противника уже полностью истощились. В результате наступления 8-й дивизии считалось уже совершенно неизбежным падение не только Эршекуйвара, но и Братиславы. Безнадежность положения чехословацкого буржуазного военного

руководства весьма ярко описывает в своих воспоминаниях бывший министр Шробар:

«В 10 часов вечера 18 июня ко мне в кабинет вошел генерал Миттельхаузер и попросил вместе с правительством выехать из Братиславы в Тренчен или Брно, потому что наши только что отступили из Эршекуйвара и путь на Братиславу венграм открыт.

Я спросил:

— Неужели нет сил, чтобы остановить наступление венгерских солдат?

— Нет, — ответил генерал».

Далее Шробар рассказывает, что по распоряжению чехословацких властей в Братиславе осталось лишь небольшое количество внутренних войск. Значительная часть полиции симпатизировала Красной армии, и правительству было нелегко держать их в подчинении.

«Я задумался над положением в городе, — пишет далее он. — В нашем распоряжении было всего несколько солдат, которые стояли часовыми на мосту через Дунай. На другом берегу стояли венгры, а в самом городе находилось 20 000 большевиков — организованных рабочих и большевистски настроенных венгров, а также немецких социал-демократов, которые явно ждали прибытия венгров. Если бы они восстали, Братислава была бы обречена и все члены правительства висели б на фонарных столбах...»

Если бы обстановка, сложившаяся в ходе успешного наступления 8-й дивизии Красной армии, была правильно оценена командиром 5-го корпуса и Главным командованием армии и для развития ее успеха в направлении Братиславы были бы брошены более крупные силы, то, несомненно, можно было бы достигнуть значительной победы. А необходимые для развития этого успеха силы имелись в распоряжении командования, поскольку оно перебросило 18 июня 2-ю дивизию из района действий 1-го корпуса на северо-западный фронт.

Но Штромфельд по-прежнему считал желательным наступление 5-го корпуса в северном и северо-западном направлении. Поэтому он одобрил принятое вечером 18 июня решение командования 5-го корпуса, по которому 4-й дивизии в долине Гарама и Туроца следовало наступать в направлении Руттки, а главным силам корпуса — 8-й, 3-й, а также только что прибывшей 2-й дивизии — следовало продолжать наступление в направлении Нитры и Вагшейе.

От наступления на Братиславу Штромфельда удержало, предположительно, соображение, что в случае возможного занятия словацкой столицы удержать ее в своих руках будет весьма трудно, пока были не разбиты главные силы генерала Миттельхаузера, которые сравнительно легко могли отрезать красные войска, находящиеся в районе Братиславы. Поскольку наступление 8-й дивизии в направлении Братиславы не было продолжено, противник смог пережить кризис и суметь усилить оборону Эршекуйвара, а также Братиславы.

После съезда партии 14 июня делегаты рабочих и солдатских советов собрались на Всевенгерский съезд советов.

В повестку дня съезда советов были поставлены важные политические, экономические, культурные и военные вопросы.

19 июня на съезде началось обсуждение внешней политики советской республики.

Докладчиком по этому пункту повестки дня был Бела Кун. Проанализировав обстановку в Европе, сложившуюся после мировой войны, он указал на то, что пацифизм держав-победительниц скрывает прямые империалистические устремления, намерение жестоко подавить революционные движения. Кун подчеркнул, что «экспансионистская политика капиталистов этих государств была не менее алчной и ненасытной, чем политика великих держав, которые сейчас свирепствуют в победном упоении...» [1]. Проанализировав противоречия между империалистами, он сделал вывод, что эти противоречия «делают невозможным единое выступление Антанты против Венгрии».

Развитие революционного движения в Европе Кун оценил оптимистически. Высказал мнение, что венгерский пролетариат может уверенно рассчитывать на солидарность западноевропейского пролетариата.

Центральное место в докладе Куна занял ультиматум Антанты. Необходимость принять условия ультиматума он аргументировал тем, что страна нуждается в заключении мира, в установлении экономических связей с сопредельными странами, в создании такого внешнеполитического положения, в котором Венгерская советская республика даст понять пролетариям этих стран, что она является противником любого национального гнета. Он полагал, что если дело даже и дойдет до заключения не-

---

[1] A Tanácsok Országos Gyulésenek Naplója. Bp. 1919, 31.o.

выгодного мира, то этот мир не продлится дольше Брест-Литовского. Пролетариат стран-победительниц сам отбросит его в сторону.

В чем заключалась причина того, что Бела Кун, руководитель венгерских коммунистов, стоял за решение, которое роковым образом повлияло на дальнейшую судьбу Венгерской советской республики? Какие соображения повлияли на его решение удовлетворить требования Антанты и отвести успешно наступающие войска Красной армии за определенную империалистами линию границы?

Несомненно, Бела Кун руководствовался оправданным стремлением получить для Венгерской советской республики передышку, которая дала бы возможность укрепить диктатуру пролетариата экономически, политически и в военном отношении. Перед его глазами стоял пример мира, заключенного Советской Россией в Брест-Литовске. Этим миром находившаяся в очень тяжелом положении, не располагавшая нужной армией Советская Россия ценой тяжелых территориальных уступок немецким империалистам обеспечила для себя передышку, возможность укрепления политического, экономического и военного положения Советского государства.

«Замысел мой заключался в том, чтобы достигнуть мира наподобие Брест-Литовского. За это время привести в порядок наши внутренние дела, в основном покончить с контрреволюцией и особенно привести в порядок армию, подождать улучшения военного положения в России и новых побед международной революции на Западе», — писал Бела Кун в своем предисловии к книге Тибора Самуэли «Тревога».

Несомненно, что в течение июня положение пролетарской диктатуры в Венгрии во многих отношениях складывалось неблагоприятно. Падение производства, трудности со снабжением, усиливающиеся контрреволюционные выступления и затруднения с пополнением армии свидетельствовали о том, что направленные на достижение передышки усилия Революционного правительственного совета не были лишены оснований.

Внешне в пользу соглашения с Антантой говорило и то, что в случае выполнения обещания Клемансо освобождалась территория за Тисой от румынских контрреволюционных войск. Это значительно смягчило бы затруднения советской республики в области продовольственного снабжения.

Ленин, которого Бела Кун информировал о ноте Антанты и о решении руководства партии от 15 июня, тоже считал правильным стремление дать советской республике передышку. «...Вы конечно правы, начиная переговоры с Антантой. Начать и вести их надо, всякую возможность хотя бы для временного перемирия или мира надо обязательно использовать, чтобы дать отдых народу» [1],— писал В. И. Ленин в телеграмме Беле Куну 18 июня. Но одновременно он предупреждал руководителей Венгерской советской республики и о том, чтобы они не принимали всерьез обещаний Антанты: «...Ни на минуту не верьте Антанте, она вас надувает и только выигрывает время, чтобы лучше душить вас и нас» [2].

На Белу Куна в формировании его позиции в большой мере повлиял и тот факт, что правые социал-демократические лидеры хотели использовать дискуссию вокруг ноты Антанты для дальнейшего раскола партии.

«Было очевидно, — развивал свою мысль Бела Кун,— что Бем хотел вызвать взрыв, спровоцировать разрыв в такой момент, когда разрыв между социал-демократами и коммунистами означал бы немедленное падение Венгерской советской республики», — пишет Ференц Мюнних в своем предисловии к «Избранным статьям и речам» Белы Куна о Венгерской советской республике, вспоминая об одной из лекций, прочитанных Белой Куном в 1928 году.

Наряду с вышеуказанным на взгляды Белы Куна, можно полагать, значительное влияние оказывали донесения о затруднениях с пополнением рядов Красной армии, о физической изможденности лучших частей, с одной стороны, с другой — о возрастающем сопротивлении противника. Утром 16 июня сам Штромфельд считал наступление чехословацких войск настолько опасным, что хотя и недолго, но был сторонником принятия условий Антанты.

В этом заключались основные причины того, что Бела Кун в противовес мнению большинства руководства венгерских коммунистов выступил за принятие условий ноты Клемансо. Эти причины, естественно, по сути своей отличались от тех, по которым участвовавшие во Всевенгерской конференции профсоюзов правые социал-демократы выступили за выполнение условий, предложенных нотой Антанты. Как уже указывалось выше, они руководство-

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 354.
[2] Там же.

вались главным образом стремлением угодить Антанте и заручиться ее поддержкой в реализации их старого плана: создать правительство из правых социал-демократов и «по-тихому» ликвидировать диктатуру пролетариата.

Соображения, которыми руководствовался в формировании своей позиции Бела Кун, несомненно, отражали реальное положение. Диктатура пролетариата действительно нуждалась в передышке.

Стремление Купа добиться перемирия на Северном фронте и начать переговоры с Антантой, безусловно, имело свои основания. В этом Бела Кун был прав перед теми, кто выступал за продолжение военных действий. Большая ошибка крылась не в согласии на перемирие и прекращение боевых действий, а в отводе войск Красной армии без каких-либо гарантий, что Антанта выполнит свои обещания.

В ходе обсуждения доклада большинство выступавших выражали беспокойство по поводу принятия ультиматума и отвода войск Красной армии.

«Я, товарищи, считаю правильным, что мы ведем переговоры, но ни на секунду не могу согласиться с тем, чтобы мы в действительности уступили противнику», — подчеркнул в своем выступлении на съезде Йожеф Погань. Затем он указал на то, что отступление для Красной армии стало бы психологически роковым, поставило бы советскую республику в невыносимое положение, бросило бы пролетариат освобожденных территорий снова на произвол империализма.

Против принятия ультиматума без должных гарантий выступил Дьюла Хайду. «Я уверен, если мы примем это, то поступит еще одна нота с новыми требованиями, и наконец, если мы будем выполнять все, что они пожелают... их последним желанием будет, безусловно, чтобы советское правительство убралось прочь», — сказал он.

Очень резко противился принятию ноты Тибор Самуэли. Он говорил: «Пока что речь идет об удовлетворении требований, в обмен на которые Антанта нам ничего не гарантирует». Он тоже предупреждал, сколь тяжкими будут для Красной армии последствия отступления.

Подрывать «тот боевой дух, который после 2 мая удалось вдохнуть в войска пролетарской Красной армии, возвращением эксплуататорам и капиталистам уже освобожденных территорий в то время, как сами мы не уверены в том, что с юга нам не угрожает новое рабство, новое угнетение».

Самуэли подчеркнул, что при решении этого вопроса следует учитывать и интернациональные обязанности Венгерской советской республики. «Венгерский рабочий класс не должен прекращать борьбы, пока Антанта стремится всеми средствами подавить российский пролетариат», — говорил он.

После Самуэли выступил Кунфи, который в отличие от предыдущих выступавших был за принятие условий ультиматума. Подчеркивая необходимость передышки, Кунфи обвинил в национализме и даже милитаризме тех, кто не соглашался на безусловный прием ноты Антанты.

Поскольку Кун и Кунфи ссылались на пример Брест-Литовска, Келлнер, правительственный комиссар области Шопрон, принимавший участие в революционных боях в России, будучи членом большевистской партии, в своем выступлении на съезде сопоставил положение Советской России в 1918 году с положением Венгерской советской республики. Он отметил, что если 2 мая русским имело смысл заключить мир, подобный Брестскому, учитывая, в особенности, тот факт, что Россия заключила его тогда, когда у нее практически не было армии, то было бы неправильно брать в пример Брестский мир в условиях, когда венгерская Красная армия успешно гонит противника.

Хотя большинство выступивших и высказалось против безусловного принятия ноты и отвода Красной армии, после ответного слова Белы Куна съезд единогласно принял решение в отношении заключения мира.

19 июня на Северном фронте инициатива продолжала оставаться в руках Красной армии. Однако отрицательное влияние обмена нотами с Антантой начало уже сказываться. 6-я дивизия Красной армии в этот день продолжала свое наступление на северо-запад и запад от Кашши. На правом фланге на высотах между Кашшахамором и Надь-Шоймаром, а на левом фланге — у Мецензефа шли ожесточенные бои.

Продолжая наступление, части 5-й дивизии 19 июня снова заняли Пельшец. О противнике командир 5-й дивизии докладывал, что он «отныне оказывает более упорное сопротивление не в долинах, а на высотах, особенно сильное сопротивление оказывается западнее Шайо, где враг нередко переходит в контрнаступление...».

На левом фланге 5-го корпуса 4-я дивизия тоже продолжала преследовать противника. 19 июня 8-я дивизия продолжала драться за Эршекуйвар, однако ее бойцы шли

в бой уже не с тем подъемом, как прежде. В тот день в дивизии стали известны сведения о переговорах с Антантой, и вследствие этого сильно упал боевой дух красноармейцев.

«Настроение рядового состава под влиянием газетных новостей подавленное, люди не хотят продолжать наступление. Вследствие этого Эршекуйвар до сих пор не занят нами», — говорилось в дневной сводке.

Кроме 8-го рабочего полка в 11-м пехотном полку, входящем в состав 5-го корпуса, тоже были тяжелые последствия. После чтения газет и слухов об обмене нотами между советским правительством и Антантой солдаты пехотного полка отказались продолжать наступление и требовали отправить их в тыл.

Во второй половине дня остальные части и подразделения 5-го корпуса подпали под сильное влияние слухов о скором оставлении ими территории, освобожденной в ходе Северного похода.

«Боеспособность войск из-за газетных новостей сильно упала. Настроение войск летаргическое, много разговоров о политике. Наступать бойцы уже не хотят, и отдаваемые распоряжения расцениваются как произвол начальства», — докладывал командир корпуса.

20 и 21 июня настроение бойцов 5-го корпуса еще более испортилось. Сознание скорого прекращения боевых действий притупляло бдительность в войсках, чем немедленно постарался воспользоваться противник.

Боевая группа 2-го рабочего полка, наступавшая по долине Гарама, понесла тяжелые потери из-за внезапного нападения противника, воспользовавшегося отсутствием боевого охранения.

Такой же удар нанес противник по группе 4-й дивизии, наступавшей в северо-восточном направлении через Прандорф и Пукканц, напав на красноармейцев во время приема пищи.

На других участках фронта отрицательные рецидивы влияния слухов о ноте Антанты проявились позже, чем в 5-м корпусе. 20 и 21 июня дивизии 3-го корпуса были полностью боеспособны и теснили противника. Однако на рассвете 22 июня здесь также начались явления, которые имели место в 8-й дивизии: солдаты 8-го рабочего полка отказались идти в наступление. Полк собрался на митинг, на котором солдаты заявили, что продолжение боев они считают бесцельным, потому что Антанта уже окончательно установила государственные границы. Пос-

ле митинга солдаты самовольно оставили свои позиции и отошли.

Воспользовавшись этим, противник на следующий день занял их позиции. Однако командование дивизии, перегруппировав силы, мощным контрударом отбросило врага на исходные рубежи.

Главное командование армии сначала решило расформировать 8-й рабочий полк, отказавшийся выполнять приказ, но позже, изменив свое решение, распорядилось разоружить и отправить полк на линию Тисы.

Инцидент, имевший место в 8-м рабочем полку, противоречил требованиям дисциплины пролетарской армии, но нетрудно понять и настроения бойцов, которые, зная о решении съезда советов, считали бессмысленными дальнейшую трату сил и напрасные жертвы. И хотя слухи о скором возвращении освобожденных территорий неблагоприятно влияли на боевую готовность войск, большинство частей все же держалось мужественно до последних дней. Например, 1-я дивизия и после вывода 8-го рабочего полка с фронта продолжала наступать, захватив важный участок дороги через перевал.

21 июня Всевенгерский съезд советов заслушал доклад Вильмоша Бема о военном положении. Доклад во всех отношениях поддержал точку зрения принятия ноты Антанты и отвода войск Красной армии. Бем нарисовал удручающе тяжелую картину положения армии. Больше всего он критиковал тыл, который, по его мнению, бросил армию на произвол судьбы. Он дал понять, что рабочий класс несогласен нести дальнейшие жертвы и поэтому необходимо принять требования Антанты: отвести части Красной армии с освобожденной ею территории. Сам он не хотел открыто излагать свое собственное мнение, а апеллировал к своим единомышленникам: «Выскажите то мнение, к которому мы пришли на узком совещании».

Первым после Бема выступил Кун. Судя по его выступлению, он находился под влиянием односторонней информации Бема о настроении войск на Северном фронте. «Полученная мною информация во всем подтверждает сказанное товарищем Бемом», — подчеркнул Кун. В дальнейшем он сказал, что без сильной Красной армии никакой внешней политики проводить нельзя. Заключение мира не означает, говорил он, что на границах государства диктатуры пролетариата не должна стоять сильная Красная армия, которая способна отбить напа-

дение войск Антанты или белой гвардии. Он согласился с тем, что необходимо всемерно укрепить тыл и увеличить помощь Красной армии. Особенно важной он считал мобилизацию сельскохозяйственного пролетариата на борьбу против контрреволюции на селе и выступал за вступление крестьян в Красную армию.

Народный комиссар Бела Санто говорил о проблемах пополнения армии. Он сказал, что, несмотря на издание Революционным правительственным советом декрета о всеобщей воинской обязанности, выполнение его как в Будапеште, так и в провинции затруднено из-за пораженческой и контрреволюционной агитации, которая в последнюю неделю особенно активизировалась. Имея в виду Кунфи и тех, кто поддержал его, Санто констатировал: «Те, кто сегодня говорит, что мы здесь создаем новый милитаризм, осуждают это и распространяют пораженческие настроения, совершают самое страшное покушение на красноармейцев, сражающихся на фронте, дают в руки священников и крайне правых деятелей материал для их агитации». Санто тоже считал важным мобилизацию деревни: «Нужно привнести в деревню классовую борьбу. Нужно разделить деревню на неимущих сельских пролетариев, тружеников-трудящихся и на собственников...»

Многие присутствовавшие на съезде представители беднейшего крестьянства подчеркивали, что аграрный пролетариат готов бороться за советскую республику.

«Я уполномоченный земледельческой бедноты уезда Дунавече области Пешт, у меня есть пять сыновей, все они обученные солдаты, младший из них как раз сейчас, наверное, проливает кровь на берегах Тисы. Поэтому я прошу товарища Бема, чтобы он выдал мне необходимые документы и пустил бы меня, несмотря на мои 57 лет, к младшему сыну доказать, что у трудового народа, у мелких земледельцев и вообще у крестьянства не исчезло революционное чувство, и если мы могли работать на протяжении всей жизни, то сможем за свободу, за доброе и умереть», — заявил на съезде один уже седой делегат из крестьян.

Возражая против отдельных неправильных, ложных заявлений о том, что крестьянство не хотело с оружием в руках бороться за диктатуру пролетариата, Ландлер сказал: «Хотя у крестьян, может быть, и нет еще ясного понятия о диктатуре пролетариата, но по своей сути и чувствам они, безусловно, более честные сторонники дик-

татуры пролетариата, чем многие пораженчески настроенные, трусливые правительственные комиссары».

Многие осудили оппортунистскую позицию, в провозглашении которой главную скрипку сыграл Кунфи. Даже его наиболее давние соратники, старые руководители профсоюзного движения, резко выступили против предательской, подрывной деятельности в партии, профсоюзах и советах.

«Товарищ Кунфи, которого я как человека уважаю и с которым не раз шел по одному пути, постоянно подчеркивает свою «правоту», постоянно и упрямо. Это подчеркивание — страшный удар по венгерской диктатуре пролетариата. Я не сомневаюсь в честности и добропорядочности Кунфи, не могу сказать, что он контрреволюционер, но то, что он говорит, — просто абсурд. Диктатура пролетариата может строиться только на сильной вере, сильной воле. Нельзя воевать с капиталистами всего мира, когда здесь, в наших рядах, есть люди, которые утверждают и даже хвалятся тем, что они, дескать, не варвары. Это «неварварство» всегда заканчивается тем, что пролетариев расстреливают, а контрреволюционеров отпускают на свободу», — сказал в своем выступлении народный комиссар земледелия Дьердь Нистор.

Еще более резко сформулировал свои мысли Ландлер, когда говорил о нападении с тыла на рабочих, которые борются: «Есть у нас и такие люди, которые в пору, когда они называли себя социал-демократами, и тогда оставались желтыми, штрейкбрехерами, презренными трусами, а позже стали правительственными комиссарами и прочими. Сейчас же они смеются над нами, отпускают в наш адрес шутки и всем своим существом поддерживают пораженчество».

В ходе дискуссии по военному вопросу многие говорили о проблемах борьбы с контрреволюцией. Критиковали часто проявляющуюся непоследовательность, отсутствие энергичности, вредный либерализм некоторых государственных органов советской республики, который лишь способствует сплочению ее врагов.

В качестве заключительного документа о дискуссии по военному вопросу съезд принял резолюцию, в которой говорилось:

«Всевенгерский съезд Советов проникнут духом понимания того, что сильная Красная армия — это единственная гарантия господства пролетариата. Поэтому в интересах укрепления Красной армии он объявляет всеоб-

щую мобилизацию трудящихся и ее частичное проведение поручает правительственному совету. В отношении методов и сроков проведения всеобщей мобилизации правительственному совету следует иметь в виду, что мы в ней жизненно заинтересованы. Каждый член рабочего совета считает своим долгом чести, независимо от того, находится ли он на фронте или в тылу, немедленно отдать все свои силы в интересах успешного проведения мобилизации».

Хотя съезд советов и вынес решение, которое по своему духу служило укреплению армии и обороны страны, но оно не вызвало большого подъема, как это было в мае.

24 июня в 5 часов утра в результате неоднократного обмена нотами между Главным командованием Красной армии и чехословацким уполномоченным генералом Пелле на Северном фронте вступило в силу соглашение о перемирии.

На повестке дня совещания правительственного совета, созванного в начале второй половины дня, снова был поставлен военный вопрос. В результате обсуждения было решено запросить у Антанты гарантии относительно обещаний, содержащихся в ноте Клемансо; затянуть, по возможности, время, а самим ускоренными темпами комплектовать армию, чтобы, в случае если Антанта не даст нужных гарантий, можно было бы с новой силой возобновить военные действия.

На основе постановления Революционного правительственного совета Бела Кун 24 июня направил Клемансо телеграмму, в которой просил гарантий в отношении выполнения обещаний Антанты:

«Правительство Венгерской советской республики, дабы положить конец бесцельному кровопролитию, учитывая пожелание союзных правительств, остановило продвижение своих войск, однако с отводом войск с ныне занимаемых позиций решило повременить до тех пор, пока оно не получит гарантии в том, что румынские королевские войска действительно оставят территории, обозначенные в Вашей, господин президент, телеграмме от 13 июня, и подчинятся приказу союзных правительств... Вместе с тем народ Венгерской советской республики обеспокоен, и не без оснований, тем обстоятельством, что в телеграмме господина президента не уточнены южные границы Венгрии. Как в этом отношении, так и в отношении времени приглашения Венгрии на мирную конференцию господствует полная неопределенность. Просим

господина президента срочно принять меры как в отношении гарантий со стороны румынских королевских войск, так и в отношении южных границ Венгрии и приглашения ее на мирную конференцию, чтобы мы могли распорядиться об отводе венгерских войск на наши границы».

С вступлением в силу соглашения о перемирии завершился Северный поход, в котором бойцы венгерской Красной армии своими боевыми делами, достойными лучших страниц венгерской военной истории, показали, на что способна армия рабочих, крестьян и верной народу интеллигенции, взявшихся за оружие, чтобы защитить свою социалистическую родину.

Хотя Красная армия и не полностью выполнила задачи, поставленные перед Северным походом, этот поход все-таки был славной победой вооруженных сил диктатуры венгерского пролетариата, показавшей во всех отношениях военное превосходство Красной армии над армией чехословацкой буржуазии.

В операциях Красной армии во время этого похода проявились характерные черты армии и военного искусства нового типа. Выявились мощные резервы Красной армии: с одной стороны, пламенный патриотизм пролетариата, его твердая воля защищать социалистическое отечество, с другой стороны, симпатии трудящихся в тылу противника к Красной армии и их сопротивление империалистической войне против пролетарского государства.

Самые гениальные военные планы оказались неудачными, если бы солдаты армии не были преисполнены сознанием, что они ведут справедливую отечественную войну, защищая Венгерскую советскую республику, если бы патриотизм не вдохновлял бы их на все новые и новые победы. Пролетарские воины Красной армии знали, за что сражаются, поэтому они проявили стойкость как в период быстрого по темпам наступления, так и тогда, когда потребовалось защищать достигнутое от контрнаступающего противника. В первой половине июня воины Красной армии с огромным подъемом сломили сопротивление врага, стойко перенесли тяготы изнурительных больших переходов по труднодоступной местности, без отдыха шли вперед. И все же это был триумф, потому что, как вспоминал один из участников Северного похода: «Где бы мы ни появлялись, всюду нас встречали

благожелательные, приветливые лица, словно это была не война, а свадебное торжество...»

Иным, чем у венгерских красноармейцев, сражающихся с сознанием справедливости своей борьбы, было настроение чешских и словацких солдат, насильно загнанных в чехословацкую буржуазную армию и воевавших за чуждые народу цели. Руководство чехословацкой буржуазной армии чуть ли не в каждой сводке жаловалось на отсутствие боеготовности у солдат.

Наступательный порыв бойцов Красной армии в последний период боевых действий угас не из-за ослабления решимости красноармейцев защищать диктатуру пролетариата. Это случилось прежде всего потому, что, основываясь на известиях, приходящих на фронт, заявлениях такого компетентного и ответственного лица, как Бем, у значительной части солдат утвердилось мнение, что достигнутые в боях успехи не повлияют на установление Антантой государственных границ Венгрии, поэтому дальнейшее напряжение сил и жертвы напрасны и бесцельны. Поскольку Главное командование армии сообщило 16 июня о припятии условий Антанты как о свершившемся факте, постепенный спад наступательного духа и боевого порыва бойцов, по существу, стал явлением неизбежным.

При всем этом необходимо подчеркнуть, что изменения в настроениях личного состава некоторых частей Красной армии на Северном фронте после 16 июня вовсе не объясняются ослаблением воли и готовности солдат защищать советскую власть. Солдаты на Северном фронте в последние дни похода считали бесцельным и бесполезным дальнейшее наступление для защиты советской республики, которое, по их мнению, уже ничего не могло изменить, так как Антанта уже установила границы.

Вопреки прекращению из-за вероломных дипломатических маневров империалистов Северного похода, так и не достигшего своей основной цели — решительной победы над чехословацкой буржуазной армией, Красная армия в период с 30 мая по 24 июня нанесла одной из армий империалистического блока, выступавшего против советской республики, такое тяжелое поражение, которое поставило ее на край катастрофы.

В результате Северного похода Красная армия изгнала чехословацкие буржуазные войска с территории целой страны. Победоносное наступление венгерской про-

летарской армии сделало возможным присоединение к Российской и Венгерской советским республикам еще одного пролетарского государства — Словацкой советской республики.

Этим походом удалось решить одну из основных задач, поставленных перед Красной армией: рассечь локтевую связь между чехословацкой и румынской контрреволюционными армиями, не допустить таким образом оперативного взаимодействия между ними.

Победы, одержанные Красной армией Венгерской советской республики в Северном походе, имели огромное моральное значение: они укрепляли веру в свои силы венгерского и международного рабочего класса, веру в победу социализма, показав при этом кроющиеся в диктатуре пролетариата возможности, укрепляли авторитет диктатуры пролетариата в глазах внутренних и внешних врагов советской республики.

Хотя руководители чехословацкой буржуазной армии — французские и итальянские генералы — и допустили немало ошибок, причины их неудач, несомненно, кроются не в том, что по своей военной подготовке они уступали лучшим командирам Красной армии. Большая часть солдат чехословацкой армии не считала своим делом империалистическую войну против Венгерской советской республики и, соответственно, воевала без вдохновения. В этом была основная причина поражений чехословацкой буржуазной армии.

«...Дисциплина находилась на чрезвычайно низком уровне по сравнению с предъявляемыми требованиями. Несмотря на посылку подкрепления из жандармов в группу войск и организованный в тылу кордон безопасности, было много случаев дезертирства, побегов с боевых постов... Боеспособность личного состава катастрофически падала, и вовсе не из-за боевых потерь, а больше из-за дезертирства и случаев членовредительства» — так характеризовалось положение вооруженных сил в Словакии в докладе командования Западной группы войск.

Буржуазные военные и политические руководители Чехословакии тщетно принимали самые строгие меры, напрасно отдавали приказы о немедленной расправе на месте с теми, кто отказывается выполнять их приказы и распоряжения, самовольно отступает. Они не могли коренным образом изменить дух своей армии, хотя в последний период похода сопротивление чехословацких войск, несомненно, усилилось.

КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ

Перепуганные, растерявшиеся и затаившиеся после 21 марта эксплуататорские классы постепенно приходили в себя.

В критической ситуации, возникшей вследствие наступления армии румынских бояр в конце апреля — начале мая, контрреволюционеры уже открыто развернули свои знамена во многих частях страны. В Эгере 1 мая члены местной директории были арестованы и власть взяла в руки группа контрреволюционных офицеров. Они вооружили и местную буржуазию, однако от одного лишь батальона Красной армии, посланного туда для наведения порядка, контрреволюционеры сразу же и без боя бежали на оккупированную чехословацкими войсками территорию. Аналогичные события разыгрались и в Дьендеше. В городе Хатван контрреволюция опиралась на Иглойский пулеметный отряд, контрреволюционно проявивший себя еще в период буржуазно-демократической революции. Этих удалось подавить уже с помощью силы — отряда матросов около 300 человек.

В начале мая в нескольких населенных пунктах Задунайщины контрреволюционеры временно захватили власть в свои руки. 10 мая было опубликовано сообщение о разоблачении в Будапеште группы заговорщиков, состоявшей главным образом из кадровых офицеров. Одной из баз заговора было так называемое «Объединение пробуждающихся венгров». Они разработали далеко идущие планы свержения советской республики и убийства руководителей диктатуры пролетариата.

16 мая в Ракошпалоте была арестована другая группа контрреволюционных заговорщиков. Враги советской власти ставили своей главной задачей пропаганду против диктатуры пролетариата и подготовку контрреволюционного вооруженного мятежа. Значительную часть заговорщиков составляли офицеры полиции. Нити заговора тянулись к бывшему начальнику полиции Дитцу и его окружению.

В разоблачении и расследовании контрреволюционных заговоров особая роль принадлежит политическому отделу Народного комиссариата внутренних дел, который возглавлял Отто Корвин. Молодой, утонченного, почти лирического склада характера человек, Корвин, несмотря на то что родители его были весьма состоятельными людьми, стал одним из лидеров антивоенного движения

в Венгрии и основателей Коммунистической партии Венгрии. Он обладал особым талантом в разоблачении подрывной деятельности контрреволюции.

В конце мая — начале июня Задунайщина снова стала центром контрреволюционных выступлений.

29 мая в Мурасомбатском уезде контрреволюционные офицеры и часть членов уездной директории захватили власть в свои руки и провозгласили так называемую «Республику Мура», объявив о разрыве с советской республикой. Контрреволюционеры располагали своими вооруженными отрядами, примерно в 1000 человек, и начали нападать на ближайшие населенные пункты.

Мурасомбатский мятеж был частью реализации более широких замыслов контрреволюции. Восстание должно было распространиться на всю территорию Задунайщины. 31 мая в Толнатомаши (область Толна) вспыхнул контрреволюционный мятеж, опирающийся главным образом на кулачество и богатых ремесленников.

1 июня в Сомбатхейе забастовали железнодорожники, выставив экономические требования, но с явно контрреволюционной целью. Вскоре стачка распространилась на значительную часть железнодорожных предприятий Задунайщины. В ряде мест к бастующим примкнули и служащие некоторых общественных учреждений.

5 июня в Кесеге, окрестных селах и в нескольких населенных пунктах области Шопрон начались вооруженные мятежи.

Революционный правительственный совет знал, что распространение задунайских контрреволюционных движений может поставить диктатуру пролетариата в критическое положение, поэтому он принял энергичные меры для их подавления. 30 мая зоной военных действий были объявлены пять задунайских областей, а затем и вся Задунайщина.

Задунайские воинские части и рабочие отряды Красной охраны в течение нескольких дней подавили выступления контрреволюционеров. Подавление мятежей произошло столь быстро потому, что пролетарии задунайских городов и населенных пунктов остались верны советской республике. Мятежникам не удалось привлечь на свою сторону местных рабочих и беднейшее крестьянство, более того, многие из них приняли активное участие в подавлении контрреволюции.

Скоро закончилась и забастовка железнодорожников. Железнодорожники быстро поняли, что забастовка слу-

жит интересам антинародных сил, которые стремятся восстановить в Венгрии господство капиталистов и помещиков. Они поняли, что не имеют права отказываться от исполнения своих обязанностей, когда лучшие сыны рабочего класса и крестьянства ведут борьбу не на жизнь, а на смерть с напавшим на страну агрессором.

В контрреволюционных мятежах, вспыхнувших на территории советской республики, все возрастающую роль играли бежавшие за границу аристократы, капиталисты, политики и офицеры.

Руководители контрреволюционной эмиграции развили лихорадочную деятельность, чтобы подтолкнуть Антанту на военную интервенцию и оккупацию Венгрии. Те, кто после подавления советской республики пытался выдать себя за выразителей венгерского патриотизма, положив в основу своей политики ирредентизм, без зазрения совести продавали страну иностранным державам, чтобы с их помощью восстановить свое политическое и экономическое господство над венгерскими трудящимися.

«...Бежавшие в Вену венгерские политики нанесли визит представителю Франции Ализе, чтобы попросить содействия Антанты в их акциях против большевизма» [1], — писал один из руководителей венгерских контрреволюционеров в Вене Густав Грац. С аналогичной просьбой они обращались также к английским и американским дипломатам.

12 апреля венгерские контрреволюционеры в Вене в целях объединения деятельности против диктатуры пролетариата создали антибольшевистский комитет (АБК), в котором руководящую роль играли граф Иштван Бетлен, граф Пал Телеки, граф Гедеон Радаи, граф Геза Зичи, граф Иштван Зичи и Дьердь Смречани.

Контрреволюционеры нуждались в деньгах и поэтому обратились к банковскому дому Ротшильдов за крупным займом. Однако Ротшильд не согласился принять в качестве гарантии земельные владения венгерских аристократов на территории Венгрии. Поскольку часть венгерских аристократов располагала владениями и в Австрии, Ротшильд настаивал, чтобы именно эти земли были заложены под гарантию. Однако «великие патриоты», которые охотно заложили бы земли, объявленные собственностью Венгерской советской республики, на такой риск уже не пошли.

---

[1] Gratz G. A Forradalmak kora. Bp. 1935, 23.o.

Они попытались достать деньги иным путем. Ночью 2 мая группа вооруженных офицеров-эмигрантов напала на посольство Венгерской советской республики на улице Банкгассе и под руководством графа Йожефа Такач-Толваи захватила около 140 миллионов крон, 70 000 французских и 30 000 швейцарских франков. Они забрали с собой посла Элека Болгара и еще одного руководящего работника посольства. Австрийские власти, правда, освободили захваченных дипломатов, деньги же вернуть не смогли.

Большая часть награбленных миллионов пошла на роскошную жизнь эмиграции, оставшаяся была использована действительно на поддержку контрреволюционных мятежей в Венгрии. Например, мурасомбатским контрреволюционерам АБК послал миллион крон.

5 мая в другом пункте сбора контрреволюционной эмиграции — в Араде под руководством графа Дьюлы Каройи было сформировано правительство, которое несколько позже перенесло свою резиденцию в Сегед. Контрреволюционеры хотели, чтобы их правительство признала Антанта, но последняя не соглашалась на это.

Как пишет в своей книге «Эпоха революций» Густав Грац, «Ализе заявил, что Антанта признает только такое правительство, которое функционирует не на оккупированной территории, а обладает фактической властью на венгерской территории, как бы мала она ни была». И еще Ализе добавил: «И совсем не обязательно, чтобы и Будапешт был на этой территории». Аналогичную позицию занимал и руководитель английской миссии в Вене полковник Канинхем.

Такая позиция Антанты провоцировала группу контрреволюционеров, собравшуюся вокруг Дьердя Смречани, который, несомненно, относился к предприимчивым и одаренным богатой фантазией контрреволюционерам. Он задумал закупить на награбленные в венском посольстве Венгерской советской республики деньги оружие и с навербованной в Вене офицерской ротой ворваться на территорию Венгрии и там сформировать правительство, которое может быть признано и Антантой.

По «стратегическому плану», отряду предстояло, отправившись из Брука, выйти в Кирайхиду, где и должно было быть сформировано правительство. Акция, в которой приняло участие довольно большое количество сынков бежавших за границу аристократов, превратилась в настоящий фарс. Набравшись смелости в брукской пив-

ной, группа аристократов намеревалась переправиться через Лайту на венгерскую территорию. Охранявшие границу красноармейцы открыли по ним пулеметный огонь и уложили на землю. На выстрелы прибежали австрийские солдаты и прогнали «героев» бесславного похода, которым не удалось даже ступить на территорию советской республики.

В начале июня сегедское контрреволюционное правительство приступило к формированию так называемой «национальной армии». С этого времени Сегед стал местом сбора реакционных военных и жандармских офицеров. Контрреволюционные офицеры поддерживали связь с реакционными организациями, действовавшими на территории советской республики, и с предателями в Красной армии. Их влияние быстро распространилось на многие ее подразделения и даже на генеральный штаб.

В дни, предшествующие 24 июня, атмосфера в Будапеште была напряженной. Контрреволюция выступала все более смело и открыто. Весьма энергичную деятельность развила церковная реакция. Как прежде, так и на этот раз реакция своим ядом антисемитизма и раздуванием религиозной ненависти хотела поставить на службу контрреволюции несознательные элементы трудящихся.

23 июня в столице руководство социалистической партии провело более 50 массовых митингов. Оно проинформировало трудящихся о политическом положении в стране, о причинах затруднений в снабжении продовольствием и промышленными товарами и о происках контрреволюции. На митингах трудящиеся единогласно приняли резолюцию, в которой, в частности, говорилось:

«...Участники митинга постановили объявить решительную борьбу против всяческой клерикальной и контрреволюционной агитации. Собрание призывает рабочих гнать из своей среды всех, кто сеет семя поражепчества, недовольства или религиозную вражду среди трудового рабочего класса. Участники пастоящего митинга призывают правительственный совет твердой рукой отстаивать диктатуру пролетариата и решительно бороться против всякой контрреволюционной и клерикальной агитации» [1].

Отто Корвин обратил внимание соответствующих органов, что из надежных источников ему стало известно о готовящемся в Будапеште контрреволюционном мятеже.

---

[1] Népszava, 1919, jun. 24.

Советское правительство пыталось принять необходимые меры.

Революционный правительственный совет 23 июня предоставил командующему вооруженными силами Будапешта Хаубриху чрезвычайные полномочия. 24 июня в газетах был опубликован приказ Хаубриха, запрещающий всякие собрания и демонстрации.

Во второй половине того же дня на свое заседание собрался Будапештский центральный совет рабочих и солдат. На повестке дня стоял один вопрос: борьба с контрреволюцией.

Еще не закончил свою речь первый из выступавших по этому вопросу ораторов, а столкновение правых и левых уже началось. Правое крыло, в котором тон задавал Ференц Гендер, явно стремилось вызвать скандал, чтобы сделать пребывание коммунистов в совете невозможным. Атмосфера в зале накалилась. Ругань и крики достигли своего апогея, когда дверь в зал распахнулась и появился брат Тибора Самуэли — Дьердь Самуэли. Перекрывая шум, он громко закричал:

«Товарищи, пока вы здесь беседуете, подошла Дунайская флотилия под красно-бело-зелеными флагами и сейчас, может быть, уже заняла «Хунгарию»!» [1]

Мятеж 24 июня готовился контрреволюционерами продолжительное время и обстоятельно. Его руководители находились в непосредственном окружении Хаубриха. Одним из членов штаба контрреволюции был Вильмош Хениг, командир будапештской дивизии рабочих-металлистов. Заговорщиком был и капитан Лайтош, начальник штаба Хаубриха.

Во время войны Хениг был начальником Хаубриха, и не без его помощи он оказался во главе важнейшего соединения вооруженных внутренних войск. Хаубрих знал о политических убеждениях Хенига. Командир дивизии не подписал «Обязательств красноармейца» и даже приказал не делать этого всем подчиненным ему офицерам. Когда политкомиссары докладывали Хаубриху о контрреволюционном поведении Хенига, тот привлекал их к ответственности, предоставляя Хенигу свободу для его контрреволюционной деятельности.

24 мая контрреволюционеры под председательством Жигмонда Перени собрались на совещание. Среди них были представители христианских социалистов, «партии

[1] «Хунгария» — название гостиницы на улице Ракоци, расположенной недалеко от Дуная. — *Прим. авт.*

пробуждающихся венгров» и других контрреволюционных организаций. Им предстояло обсудить конкретный план мятежа. Однако выяснилось, что они могут мобилизовать не более нескольких сот человек на вооруженное восстание.

Контрреволюционеры надеялись, что между коммунистами и социал-демократами произойдет разрыв и это создаст благоприятные условия для их деятельности. В начале июня они пытались наладить связь с лидерами правого крыла профсоюзов Яношем Ванцаком и Ференцем Миакичем. Хотя эта связь и не дала конкретных результатов, сам факт согласия руководителей рабочих профсоюзов на переговоры с контрреволюционерами, готовыми вооруженным путем свергнуть диктатуру пролетариата, вселил решимость во врагов советской власти.

«Тот факт, что люди Ванцака вели переговоры с нашими представителями, — писал позднее Хениг, — не скрывали, что среди рабочих действительно имеет место брожение, укрепил во мне решимость быть с 12 июня действительно в самой строгой готовности, с тем чтобы в случае благоприятных обстоятельств, возможно лишь с имевшимися до сих пор силами, начать акцию... Основным условием для этого я считал обострение противоречий среди рабочих».

После 10 июня произошли события, которые заставили Хенига отложить выполнение своего плана. 11 июня были арестованы барон Перени и несколько его сообщников. В политическом отделе Народного комиссариата внутренних дел был допрошен Хениг, однако энергичное вмешательство Хаубриха спасло его от ареста. На съезде партии, вопреки надеждам контрреволюционеров, разрыва между коммунистами и социал-демократами так и не произошло.

Поскольку Хениг спасовал, подготовку контрреволюционного мятежа взял в свои руки некий капитан Лемберкович.

Лемберкович, чтобы добиться успеха, связался с английской миссией в Будапеште. «Хранитель музея д-р Деже Фенеш через находящегося здесь начальника английской миссии Ф. В. Фримена передал Антанте план контрреволюции и представил начальнику организатора и руководителя контрреволюции капитана Ене Лемберковича... Лемберкович и Деже Фенеш поддерживали постоянную связь с начальником миссии», — писал в своей книге «От октября до августа» Дитц, арестованный орга-

нами Наркомата внутренних дел еще до начала июньского контрреволюционного мятежа в Будапеште.

Руководители контрреволюции пытались вовлечь в подготовку вооруженного восстания и предателей, работавших в штабе Красной армии. В книге того же Дитца приводится факт, что один из работников штаба, капитан Эден Доманицки, с которым он провел предварительные переговоры, заявил, что штаб Главного командования в Геделле охотно поддержит хорошо организованный контрреволюционный мятеж: подтянет надежные войска и бросит их против Будапешта, а также будет вредить путем отдачи противоречивых приказов. Более того, заявил он, штаб готов подготовить и реализовать план военного захвата столицы.

Контрреволюционеры планировали сначала спровоцировать контрреволюционные мятежи на периферии, а уже потом, когда внутренние войска будут отвлечены из столицы, мятеж вспыхнет и в самом Будапеште.

«План состоял в том, что восстания в селах свяжут находившихся на периферии красноармейцев и, более того, отвлекут военные подразделения из столицы, а оставшиеся в ней незначительные силы подавят контрреволюционеры»,— писал в своей книге «Венгерский большевизм», изданной в 1919 году в Вене, Ласло Бизонь.

В соответствии с планом контрреволюционеров 19 июня началось контрреволюционное восстание в Калоче. Отряд местных кулаков под руководством армейского капитана и двух старших лейтенантов напал на малочисленный местный гарнизон красноармейцев и разоружил его. Арестовали членов местного совета рабочих. Председателя и секретаря партийной организации зверски убили. Затем, выступив из Калочи, бандиты напали на соседние населенные пункты, разоружили мелкие гарнизоны Красной армии и вскоре захватили большую часть уезда. Контрреволюция перекинулась на правый берег Дуная в район Сексарда, Толна, Пакша, Дунафельдвара, а также в окрестности Асода и Пецеля.

Надежды контрреволюционеров, что мятежи в провинции надолго свяжут силы столичных и периферийных внутренних войск, не оправдались. 21 июня под руководством Тибора Самуэли началась ликвидация мятежных банд. Хотя контрреволюционеры, располагая двумя орудиями и пятью пулеметами, оказали упорное сопротивление у Дунапатая, красноармейцы после пятичасового боя принудили их к бегству.

Мятежники бежали в Калочу, откуда, чтобы спасти собственную шкуру, обратились к командованию югославских войск на демаркационной линии с просьбой оккупировать Калочу. Получив отрицательный ответ, они бежали за демаркационную линию.

Вскоре удалось подавить контрреволюционные выступления в области Толна, а также в Асоде и Пецеле.

События показали, что мятежникам не удалось привлечь на свою сторону массы трудящегося крестьянства. Поэтому они быстро были разгромлены.

24 июня военная академия Людовика и артиллерийские казармы предоставили отряду кораблей Дунайской флотилии базу для контрреволюционных выступлений.

Офицерский корпус Дунайского отряда кораблей еще в императорской и королевской армии представлял собой привилегированную, аристократическую клику, глубоко ненавидящую диктатуру пролетариата. В контрреволюционном заговоре им подыгрывал правый социал-демократ, уполномоченный Обудайской военной пристани Йожеф Анкер. Анкер убедил офицеров в том, что в случае контрреволюционного вооруженного путча они могут рассчитывать на поддержку части будапештских рабочих лидеров. 23 июня Анкер созвал в Эстергоме политических уполномоченных с мониторов и сообщил им о плане, предусматривающем отставку Революционного правительственного совета и приход к власти вместо него «национального социал-демократического правительства». Хотя совещание и не высказалось за этот план, сам факт, что никто из присутствовавших не привлек соответствующие силы Красной охраны и Красной армии на ликвидацию заговора, указывает на политическую неустойчивость некоторой части политических уполномоченных.

Курсанты академии Людовика происходили из эксплуататорских классов, свергнутых диктатурой пролетариата. Советское правительство, надеясь, что эти молодые люди могут со временем перевоспитаться, предоставило им возможность продолжить ранее начатое военное образование. Однако офицеры академии воспитывали в них ненависть к диктатуре пролетариата, а их происхождение, влияние родителей только укрепляли эту ненависть.

Артиллерийские казармы были подчинены Хенигу. Здесь контрреволюционеры тайно хранили оружие, здесь же Хениг сосредоточил надежных для себя людей.

«Как организатор 9-й дивизии рабочих-металлистов... я накопил в казармах Вильгельма такое количество горных орудий, боеприпасов, винтовок и пулеметов, что сверх имевшегося там личного состава в течение одного-двух часов можно было в любой момент вооружить еще четыре-пять батарей и две-три тысячи человек. Я так организовал дело в казармах Вильгельма, что о тайно сохраняемом там вооружении знали лишь посвященные в это офицеры — члены контрреволюционной организации. Их я сосредоточил во 2-м артиллерийском полку 9-й дивизии рабочих-металлистов и в резервной батарее 1-го красного артиллерийского полка в количестве 150 человек», — писал Вильмош Хениг в 1922 году.

Офицеры казарм обманули рядовой состав, объявив, что диктатуре пролетариата угрожает опасность и под командованием «товарища» Хаубриха им предстоит выступить против врагов диктатуры пролетариата.

Кроме этих главных баз контрреволюции ее организаторы рассчитывали, что хотя бы часть Будапештского гарнизона под командованием Хаубриха встанет на их сторону. Они надеялись также, что будапештская контрреволюционная буржуазия по первому сигналу примкнет к их выступлению.

Контрреволюционеры попытались с помощью участвовавших в организации правых социал-демократов вовлечь в свои действия рабочих крупных предприятий Будапешта. Но к выполнению своих контрреволюционных планов им удалось привлечь лишь небольшую группу политически отсталых трудящихся Уйпештского кожевенного завода Маутнера.

По плану контрреволюционеров сигналом к началу мятежа в Будапеште должен послужить пушечный выстрел из артиллерийских казарм в сторону острова Маргит. По этому сигналу курсанты академии Людовика должны были занять телефонную станцию Йожефвароша, служившую одновременно и узлом междугородной телефонной связи. Тем временем мониторы из Обудайской пристани направлялись к центру города. Вооруженные отряды контрреволюционеров-добровольцев и примкнувшие к ним будапештские воинские подразделения должны будут провести по всей столице вооруженные демонстрации и уничтожить части, оставшиеся верными советской республике.

Утром 24 июня Лемберкович сообщил Лайтошу: контрреволюционный путч назначен на вторую половину

дня. Перед ним была поставлена задача уговорить Хаубриха перейти на сторону контрреволюции вместе с подчиненными ему войсками.

В обед Лайтош информировал Хаубриха: готовится демонстрация против правительства. Напомнил ему о его обещании поддержать контрреволюционное выступление во главе рабочих подразделений. Хаубрих эту информацию всерьез не принял. По крайней мере, так позднее утверждал капитан Лайтош. Более вероятным представляется предположение, что Хаубрих не хотел связывать себя с рискованной авантюрой, пока не увидит серьезных доказательств удачи предстоящего мероприятия. Тот факт, что народный комиссар советской республики не отклонил его предложения относительно участия в контрреволюционной акции, не арестовал его, Лайтоша, и ничего не предпринял для подавления готовившегося мятежа, справедливо вызвал у начальника штаба Хаубриха чувство, что его командир с ними заодно. Поэтому, когда в 4 часа зазвонил телефон и был задан вопрос: «Может ли машина отправляться в Верешвар?» — Лайтош ответил: «Да!»

Тогда загрохотали орудия из артиллерийских казарм. Офицеры еще в первой половине дня подготовили рядовой состав к событиям. «Ребята, сегодня мы что-нибудь да предпримем! — подстрекали они солдат. — Мы покажем всем настоящую диктатуру!»

С началом канонады три монитора появились на Дунае. Подойдя к Уйпешту, суда открыли огонь по зданию, где в то время дислоцировалось одно из подразделений внутренних войск. Охрана уйпештского кожевенного завода Маутнера примкнула к контрреволюции, на заводе был поднят флаг с национальным трехцветьем, и украшенная трехцветной кокардой охрана завода вышла на улицу Вачи. Мониторы спустились по Дунаю до Южного железнодорожного моста, затем вернулись и, замедлив ход, у Цепного моста дали залпы по Дому советов. После этого два монитора пошли вниз по Дунаю, а третий повернул в сторону острова Чепеля.

Отряд из академии Людовика занял телефонную станцию Йожефвароша. Подходы к академии были перекрыты, по каждому, кто пытался приблизиться к зданию, открывали огонь.

Вскоре после орудийных выстрелов в штаб 4-го корпуса к Хаубриху явились Бела Кун, Бела Санто и командир Красной охраны Ференц Янчик. Они взяли в свои

руки руководство подавлением контрреволюции. В таком положении Хаубрих был вынужден принять против мятежников соответствующие меры.

Коммунистические руководители распорядились привести в боевую готовность будапештские рабочие батальоны. Беле Санто было поручено руководство боем с мониторами. Хаубриху поставлена задача отбить Йожефварошскую телефонную станцию.

Из штаба 4-го корпуса Бела Кун направился в Геделле, чтобы получить информацию о настроениях и намерениях Главного командования армии. Вечером, после возвращения в Будапешт, он сообщил Санто и его группе: «Не понравилась мне там обстановка, непосредственной опасности нет, однако поведение Вильмоша Бема, офицеров и Красной охраны далеко не безупречное. Мы решили направить в Геделле батальон рабочих-металлистов для охраны Главного командования армии» [1], — вспоминал позднее Бела Санто.

Инициаторы контрреволюции надеялись, что после начала восстания хотя бы часть Будапештского гарнизона перейдет на их сторону и поддержит большая часть будапештской буржуазии.

Однако расчеты контрреволюции в самом начале событий оказались ошибочными.

Трудящиеся массы Будапешта не присоединились к контрреволюционерам, а выступили против них. И не одни только рабочие осудили мятежников, но и мелкобуржуазные и буржуазные слои тоже держались в стороне от них. Хениг и его сторонники думали, что к ним за оружием явится несколько тысяч человек. Однако 24 июня собралось всего 200 контрреволюционеров, из которых более трети — кадровые офицеры. Подразделения будапештских внутренних войск, вопреки саботажу в штабе 4-го корпуса, легко справились с оставшимися без поддержки масс контрреволюционерами.

Личный состав артиллерийских казарм вначале думал, что артиллерийская стрельба ведется холостыми снарядами. Однако солдаты быстро поняли, что офицеры их обманули, и обманули явно с контрреволюционными целями. Тогда солдаты арестовали офицеров и препроводили их в штаб Красной охраны.

---

[1] Липтак Э. Венгерская советская республика. М., 1970, с. 321.

Уйпештские солдаты и рабочие тоже быстро разоружили контрреволюционную банду на кожевенном заводе Маутнера. Сначала на завод пришла делегация из трех человек, в которой был и Бела Иллеш (в будущем известный венгерский пролетарский писатель-коммунист), чтобы уговорить мятежников сложить оружие. Но делегацию арестовали. Быстро подоспевший рабочий батальон открыл пулеметный огонь по воротам завода. Тогда контрреволюционеры, чтобы приостановить обстрел, выставили арестованных к воротам. Батальон внутренних войск прекратил огонь. Когда заводские снова открыли ворота, подошедший туда невооруженный красноармеец вступил в переговоры с руководителями контрреволюционеров. Воспользовавшись тем, что руководители были заняты переговорами, один уйпештский коммунист вошел через ворота и крикнул мятежной охране завода, что прибыл штурмовой батальон, который при поддержке артиллерии и пулеметов приступит к штурму завода, если они добровольно не сложат оружие. Перепугавшаяся заводская охрана сдалась, и один из очагов будапештского мятежа был ликвидирован.

Больших усилий потребовало разоружение офицеров и курсантов академии Людовика.

Как уже упоминалось, Хаубриху было приказано руководить боем с повстанцами академии Людовика. Он же ничего практически не предпринял для этого. Когда ночью Бела Санто направлялся к телефонной станции Йожефвароша, к своему удивлению, он увидел, что в подразделении, которому было поручено выбить курсантов училища, захвативших станцию, нет ни одного раненого. Это свидетельствовало о том, что серьезных попыток захватить телефонный центр не предпринималось.

Курсанты, подобно охране завода Маутнера, связали захваченных на телефонной станции коммунистов и выставили их за ворота, чтобы первые выстрелы атакующих попали в них.

Против мятежников из академии Людовика в ее окрестностях в течение вечера и ночи серьезных боев уже не велось.

«В соответствии с приказом нам не разрешалось вести огонь, а контрреволюционная банда академии вовсю обстреливала нас. Мои товарищи были обеспокоены и взволнованы непонятным приказом, и поэтому и с нашей стороны, вопреки приказу, было сделано несколько выстрелов», — писал позднее в своих воспоминаниях бывший

политический уполномоченный 41-го красного полка металлистов.

Офицер, командовавший одним из отрядов, настолько явно саботировал наступление на курсантов академий Людовика, что солдаты были вынуждены пристрелить его на месте.

Из-за саботажа штаба корпуса и офицеров только к рассвету наступление против курсантов приняло более определенную форму. После короткого уличного боя их сопротивление было сломлено, и, когда под давлением других народных комиссаров Хаубрих по телефону отдал командиру курсантов распоряжение сложить оружие, они сдались как в здании академии, так и на телефонной станции Йожефвароша.

Хотя солдаты батальона внутренних войск, которые вошли в здание академии, были глубоко возмущены видом изуродованного тела предательски убитого политуполномоченного, они не сорвали своего гнева на курсантах академии.

К утру 25 июня контрреволюционеры могли считать своей территорией только несколько квадратных метров на палубах дунайских мониторов. Их положение было совершенно безнадежно: ведь они не имели ни продуктов питания, ни топлива. В среду около 11 часов утра два монитора, ушедшие накануне на север, возвратились вместе с примкнувшими к ним новыми судами флотилии и остановились напротив Дома советов. Со всех сторон, и даже с судов, стоявших на якоре у будайского берега, по ним открыли пулеметный огонь. Заговорили и пушки красной артиллерии с горы Геллерт. Командиры мониторов, видя полный провал своих планов, увели суда в южном направлении, в Югославию.

В это время в Пакше дислоцировалось два сторожевых катера Дунайской эскадры: «Виза» и «Компо». Направляющиеся к южной границе контрреволюционеры предложили присоединиться к ним и экипажам двух этих катеров. Однако это предложение было отклонено. Ободренный поведением красных матросов двух сторожевых катеров, экипаж судна «Мунка» арестовал своих офицеров и открыл огонь по остальным мониторам. Прямым попаданием в бронированную рубку флагманского монитора было выведено из строя несколько мятежных офицеров. Вспыхнул неравный бой. «Мунка», на мачте которого вновь взвился красный флаг, был потоплен

огнём мятежных мониторов. Экипаж «Мунка» понес тяжелые потери, но спас честь красных матросов.

Контрреволюционный мятеж 24 июня показал опасность того лжегуманизма, которым Кунфи и его сторонники систематически сдерживали стремление диктатуры пролетариата обуздать контрреволюционеров. На многочисленных собраниях 25 июня и в последующие дни трудящиеся клеймили либерализм по отношению к контрреволюционерам и требовали принять решительные меры для защиты диктатуры пролетариата.

Некоторое время казалось, что и правое крыло социал-демократов будто бы поняло, сколь тяжелые последствия скрывала в себе его политика.

«Каждая набежавшая волна той мутной контрреволюционной попытки, которую мы имели возможность наблюдать здесь, в столице, показывает, что пролетариату каждую минуту нужно быть готовым выполнить свое историческое призвание и задачу. Эта вчерашняя контрреволюционная попытка не оправдала расчетов подстрекателей контрреволюции относительно того, что в рядах рабочего класса возникнет паника и замешательство, а, наоборот, способствовала еще более тесному сплочению и укреплению рядов пролетариата» [1], — заявил Гарбаи на заседании Центрального исполнительного комитета 25 июня.

Это заседание было целиком посвящено борьбе с контрреволюцией. Первым выступил Бела Кун, который указал, как грубо ошиблись те, кто надеялся, что буржуазия смирилась с фактом существования диктатуры пролетариата. «Вместе с тем надо отметить, — говорил он, — что контрреволюционный путч в определенном смысле сыграл и положительную роль, поскольку всколыхнул пролетариат, сплотил и закалил массы, показал силу и твердость пролетариата Венгрии... Никто из нас никогда не говорил, что мы стремимся к бесцельному кровопролитию и испытываем удовольствие при виде крови. Но мы не должны забывать, что буржуазия не смирится с потерей власти, с потерей возможности эксплуатации, с тем, что в этой стране будет господствовать пролетариат, который построит на развалинах капитализма социалистический общественный и экономический строй» [2].

Кун предложил исполнительному комитету принять

---

[1] Липтаи Э. Венгерская советская республика, с. 325.
[2] Там же.

постановление, в котором говорилось бы, что «диктатура пролетариата должна осуществляться в полной мере и самыми беспощадными средствами» [1].

На этом заседании не было ни одного выступления, в котором высказывались бы правые, оппортунистские взгляды. Те, кто ранее своим поведением в значительной степени содействовал контрреволюции, на этот раз или молчали, или вовсе не явились на заседание. Все выступавшие были согласны с предложенным Куном проектом постановления, которое было принято единогласно.

Хотя правые и примкнувшие к ним центристы в последующие за контрреволюцией дни несколько приутихли, это не помешало им сорвать заслуженное наказание людям, причастным к контрреволюции.

24 июня Будапештский военно-полевой суд приговорил 11 обвиняемых из руководителей контрреволюции к смертной казни, 66 — к тюремному заключению на различные сроки, для 16 приговор был условным. Народный комиссариат юстиции, которым руководил правый социал-демократ Петер Агоштон, воспрепятствовал приведению в исполнение смертных приговоров.

Он намеренно затянул дело до тех пор, пока 10 июля Революционный правительственный совет издал указ, который исключил возможность исполнения этих приговоров. В нем говорилось, что если смертный приговор, вынесенный военно-полевым судом, не будет приведен в исполнение в течение 48 часов, то смертная казнь заменяется пожизненным заключением.

Капитану Лайтошу Хаубрих выдал охранную грамоту для выезда в Вену, а Хенига по просьбе Хаубриха Жюлье отправил в Геделле, а затем — в провинцию в отпуск.

Хаубрих остался на своем посту. Несмотря на то что Отто Корвин в двух своих донесениях докладывал, что у него имеются веские доказательства относительно причастности Хаубриха к контрреволюции, однако в условиях, какие тогда господствовали в Революционном правительственном совете, этого оказалось недостаточным для отстранения Хаубриха от должности.

ОТСТУПЛЕНИЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Когда в день начала действия перемирия, 24 июня, Революционный правительственный совет собрался на

[1] Липтак Э. Венгерская советская республика, с. 326.

совещание и принял решение относительно ответа на ноту Клемансо, многие надеялись, что полученная передышка даст возможность привести в порядок войска Красной армии, доукомплектовать боевые части и дать им отдых с тем, чтобы в случае, если Антанта не согласится дать гарантии выполнения своих обещаний, советская республика имела бы возможность силой оружия восстановить справедливость.

Однако эти надежды не оправдались. Когда после заседания Революционного правительственного совета Йожеф Погань вернулся на фронт, он увидел, что боеготовность войск и настроение солдат много лучше, чем это было представлено в полном пессимизма докладе Бема. «...Фронт я нашел в значительно лучшем состоянии, чем о нем думали издали, на основе донесений», — телеграфировал Погань Куну 25 июня. Он констатировал, что боевой дух армии подрывается не столько физической усталостью, отсутствием пополнения, сколько слухами о противоречиях в руководящих органах диктатуры пролетариата и проникающими на фронт пораженческими настроениями.

После заключения перемирия в адрес Революционного правительственного совета и редакции газет поступило множество телеграмм, в которых трудящиеся и солдаты протестовали против ухода частей Красной армии с освобожденных территорий.

Хотя 24 июня и на следующий день Бела Кун просил в телеграмме Клемансо, чтобы мирная конференция дала гарантии, что с уходом венгерских войск с занятых ими на севере территорий уйдет и румынская армия из Затисья, ответа из Парижа так и не последовало. А Пелле в ультимативной форме требовал, чтобы Красная армия до полуночи 30 июня отошла за установленные Антантой границы. 28 июня Центральный комитет социалистической партии, а 29 июня Революционный правительственный совет приняли решение об отводе войск.

30 июня на заседании Центрального исполнительного комитета Бела Кун рассказал о причинах, вынудивших правительственный совет принять это решение. Он разъяснил, что оно мотивируется не внешнеполитическим положением, а внутренней дезорганизованностью страны. «Я надеюсь, что этим шагом мы создадим возможности для внутренней организации хозяйства, и главным образом административной организации, и очистим страну от той нечисти, которую вместе с илом принесли с собой

потоки революции»[1]. Кун выразил надежду, что передышка даст возможность рассчитаться с контрреволюцией, последовательно провести мероприятия диктатуры пролетариата, реорганизовать ряды армии, преодолеть серьезные хозяйственные затруднения.

На заседании исполнительного комитета выступил и Самуэли. С глубокой горечью он констатировал, что контрреволюции «внутренней подрывной работой удалось ослабить, поколебать армию, опору внешней политики, выбить почву из-под ее ног»[2]. Он указал, что из важных решений Всевенгерского съезда советов ничего не было выполнено. Присутствовавшему на заседании Ронаи, который до съезда советов был народным комиссаром юстиции, а затем стал заместителем народного комиссара внутренних дел, который помешал проведению мероприятий против контрреволюции «из-за отсутствия вещественных доказательств», Самуэли сказал прямо: «Глубокоуважаемый товарищ Ронаи, вы вчера имели возможность увидеть вещественные доказательства контрреволюции в 18 гробах. Это были вещественные доказательства той контрреволюции, главарей которой вы почти всех отпустили на свободу! Той контрреволюции, всех вождей которой вы помиловали»[3].

Он подчеркнул, что передышка будет полезной лишь в том случае, если руководство диктатуры пролетариата в интересах упрочения внутренней организованности откажется от политики, которая проявилась при организации армии. Самуэли подверг критике либерализм руководства армии в отношении подрывной, контрреволюционной деятельности кадровых офицеров. Он считал неудовлетворительной и политику по отношению к крестьянству. Закончил свое выступление Самуэли призывом к руководителям советской республики отдать отчет в своей деятельности. «Кто желает сохранить диктатуру пролетариата, — говорил он, — тот пусть станет отважным, готовым на жертвы солдатом революции, а кто не желает этого, пусть уходит, двери открыты...»[4]

Что ответил Ронаи на вопрос Самуэли — не известно, потому что по его просьбе стенографисток удалили из зала. Однако никакими разъяснениями он, конечно, не мог опровергнуть фактов.

---

[1] Липтаи Э. Венгерская советская республика, с. 330.
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же, с. 331.

По общему мнению, Венгрия в границах, установленных Антантой, нежизнеспособна. Однако Ене Варга в своем выступлении выразил убеждение, что, хоть и не без трудностей, диктатура пролетариата будет существовать и на меньшей территории.

30 июня Красная армия начала отход из северных районов. Революционный правительственный совет, объясняя необходимость отступления, обратился к солдатам с призывом сохранять дисциплину, выдержку и боевую решимость.

«Интересы пролетарского отечества теперь, в данный момент, не диктуют вам идти вперед и умножить число побед. Сейчас пролетарская Родина требует от вас еще больших жертв, требует оставить часть занятых вами в победных боях территорий и перейти на другую территорию, оккупированную в настоящий момент разбойничьими войсками румынских бояр.

Если грабители оставят нас в покое, то мы используем время для упрочения власти трудящихся внутри советской республики, для создания социалистической системы хозяйства, осуществим нашу цель, чтобы ел только тот, кто работает; создадим рабочее управление, хорошую экономическую и честную администрацию и, наконец, освободим трудящихся от всех тунеядцев, от всех дармоедов» [1].

Торжественный тон призыва Революционного правительственного совета не мог рассеять глубокого разочарования большинства красноармейцев.

«Для этого ли мы воевали? Не было бы так больно, если бы чешские империалистические войска были сильнее и вытеснили бы нас с боями, но приобретенную ценой крови землю отдать просто так, без боя, возможно только тогда, если мы окружены предателями. Это думал и высказывал каждый» [2], — вспоминает один бывший боец венгерской Красной армии.

Отвод частей Красной армии в целом был осуществлен организованно. Хотя противник, нарушив достигнутую договоренность, в нескольких местах атаковал отходившие войска, но до крупных столкновений дело не дошло.

После отвода войск Аурель Штромфельд, имя которого неразрывно связано со столь многими победами Красной армии, оставил свой пост.

[1] Липтаи Э. Венгерская советская республика, с. 331.
[2] Там же.

Даже он не мог освободиться из-под влияния настроений, царивших тогда в армии. Неутешительные вести, прибывающие с тыла, трудности пополнения армии, раздоры среди политического руководства — все это отбивало в нем всякую охоту оставаться на своем посту. Несомненно, свое влияние оказал на него и поворот офицерского состава против политического руководства, который становился все более явным.

Решающим же фактором в решении Штромфельда явился, однако, приказ об отступлении, после чего он счел бесцельными и все свои усилия по укреплению армии и организации обороны страны. «Принятие ультиматума означает капитуляцию... Отвод победоносно наступавших войск ведет к моральному разложению, последствия которого — анархия. Если мы не примем ультиматум, то окажемся перед беспредельно тяжелыми днями. Но если пролетариат почувствует свое историческое призвание, то у нас налицо победа. Если он даже и потерпит поражение, то в этом случае оно будет только временным» [1], — писал Штромфельд в своем письме Революционному правительственному совету.

Уход Штромфельда с поста начальника генерального штаба повлек за собой тогда еще непредвиденные катастрофические последствия.

После отвода войск настроение солдат в большей части подразделений Красной армии было озлобленное и подавленное. «Эвакуация с территорий, занятых в ходе наступления, произвела удручающее впечатление и оказала очень неблагоприятное влияние на настроения и боевые качества солдат, учитывая то, что значительная часть их была родом из этих мест» [2], — докладывал 5 июля командир 3-й дивизии.

Весьма удручающе эвакуация подействовала и на солдат рабочих частей Красной армии. Отвод войск, а затем и тот факт, что Антанта и слышать не желала о выполнении своего обещания освободить Затисье, подорвали боевой дух значительной части рабочих батальонов, создав благоприятную почву для пораженческой агитации.

Позднее Бела Кун и сам признал, что было неправильным отводить войска, не получив гарантий от Антанты относительно выполнения ее обещаний. Вспоминая о споре с Самуэли, он писал: «Прав был... Тибор в отноше-

---

[1] Липтаи Э. Венгерская советская республика, с. 332.
[2] Там же, с. 333.

ний того, что от Антанты нужно было требовать гарантий и что неправильно было до начала немедленных переговоров прекращать военные действия, а тем более отводить наши войска» [1].

После отвода войск правые лидеры рабочих в профсоюзах с еще большей силой продолжали свою подрывную деятельность среди трудящихся масс. Их деятельность, а также тех, кто не пошел на фронт, оказывала довольно сильное влияние на настроения рабочих полков Красной армии.

«Демобилизованным представлены уютные места на почтамтах, фабриках и заводах, а они все еще страдают на фронте; профсоюзы плохо заботятся об их семьях, некоторые семьи не получают продовольственные карточки, жена одного их павшего товарища не имеет военного пособия. В результате подстрекательств, ведущихся в профсоюзах, солдаты получают массу писем от своих семей с просьбой вернуться домой, ибо все уже дома, кроме тех, кто сам пожелал остаться на фронте. Стало уже поговоркой, что в Пеште нет ослов, потому что все они ушли на фронт» [2] — так штаб 1-й дивизии характеризовал настроение 7-го рабочего полка в своем докладе.

В эти дни особенно отрицательно сказался тот факт, что рабочие подразделения формировались на одном заводе или в цехе. Такой метод формирования рабочих подразделений в критические майские дни значительно ускорил реорганизацию Красной армии. Отрицательные стороны такой организации не сказывались до тех пор, пока Красная армия с победами шла вперед и настроение у солдат было приподнятое. Однако положение изменилось, когда наступление прекратилось и остро сказались последствия отсутствия должного пополнения, к тому же и из тыла стали поступать все более неблагоприятные известия. В таких условиях состав рабочих подразделений, созданных на основе заводской организации, стал тормозом в деле укрепления дисциплины и повышения боевого духа подразделений. Рабочие подразделения, поддерживавшие тесную связь со своими предприятиями, зачастую попадали под влияние агитации, проводимой правыми на этих предприятиях.

«На основании опыта стало очевидным, что рабочие полки являются в некотором роде продолжением профсо-

---

[1] Липтак Э. Венгерская советская республика, с. 338.
[2] Там же.

южного движения и проводят ту же политику, что и в профсоюзах, то есть склонны к стачкам и оппозиции»,— констатировал начальник штаба 1-й дивизии.

Боевой дух и дисциплина некоторых рабочих полков оказались настолько подорванными, что эти полки пришлось расформировать.

Отвод войск с завоеванных на севере территорий вызвал поворот в настроении офицеров как в армии, так и в самом генеральном штабе. Большинство из них было связано с Красной армией только тем, что они надеялись с ее помощью реализовать свои националистические цели— отвоевать оккупированные территории. После 30 июня порвалась и эта связь, и с этого момента большая часть офицерского состава считала своей важнейшей целью свержение диктатуры пролетариата и оказание помощи контрреволюции.

Контрреволюционная деятельность кадровых офицеров в Красной армии в отдельных подразделениях началась еще раньше.

Организацию офицерского состава 2-го корпуса Красной армии возглавил начальник штаба корпуса Гриненброк. Уже в мае он наладил контакт с венским комитетом. Постепенно он сплачивал вокруг себя офицеров дивизии, в которой служил во время мировой войны, — бывшей 40-й дивизии. Кого только мог, из числа этих офицеров, он устраивал в штаб корпуса, а с их приходом в армию приступил к подготовке контрреволюционного мятежа в Задунайщине. Его деятельность была временно прервана, когда в начатом против чехов наступлении корпус был брошен в бой в районе Левы и Эршекуйвара.

После отвода войск Гриненброк с еще большей энергией продолжал свою контрреволюционную деятельность. Положение его было не из легких, потому что ему приходилось обманывать одного из самых умных красных комиссаров — Йожефа Поганя. Позднее контрреволюционеры поддерживали систематическую связь с эмигрантами в Вене и Сегеде. По этим каналам все секретные планы, боевая документация и приказы Красной армии быстро становились известными противнику. Изменники, действовавшие во 2-м корпусе, организовали «окно» в демаркационной линии для офицеров, положение которых в Красной армии из-за их контрреволюционного поведения становилось опасным. В июле Хорти отдал распоряжение Гриненброку прекратить устраивать побеги контрреволюционных офицеров с территории советской республики,

а вместо этого внедрять их в подразделения Красной армии, с тем чтобы они были готовы в нужный момент выступить против советской власти.

В течение июля штаб Хорти уже связался со многими кадровыми офицерами, занимавшими высокие посты. Хортисты искали и нашли контакт с нужными им людьми даже в генеральном штабе Красной армии.

В конце июня, после вступления в силу перемирия, Гембеш, которого Хорти назначил государственным секретарем, послал со связным письмо Штромфельду. «Красно-бело-зеленый флаг снова провозглашает в Сегеде древнюю венгерскую славу, при действенной французской помощи наши силы возрастут, грядущая прекрасная Венгрия расправляет свои крылья на берегах белокурой Тисы», — писал Гембеш. Он предложил Штромфельду открыто перейти на сторону контрреволюции. Это письмо Штромфельд не получил, но даже если бы и получил, то не пошел бы на сговор с контрреволюцией. Уже не раз враги обращались к нему с подобными предложениями, и всякий раз он отклонял их.

В конце июня сегедские контрреволюционеры сформулировали свою тактику по отношению к Красной армии следующим образом: добиться со Штромфельдом или, если с ним не получится, другими крупными военными деятелями Красной армии соглашения о превращении Красной армии в национальную армию и объединении ее с формируемой в Сегеде венгерской армией. Если этот план не удастся выполнить полностью, добиваться хотя бы частичной его реализации. Если же план не осуществим и частично, то следует добиваться всеми возможными средствами разложения Красной армии.

Поскольку соглашение со Штромфельдом оказалось невозможным, а план превращения Красной армии в контрреволюционную армию — иллюзорным, контрреволюционеры стремились к реализации последней альтернативы — к разложению Красной армии. Все больше кадровых офицеров, служивших в рядах Красной армии, проявляли склонность к выполнению этой предательской линии.

В этой обстановке весьма большая задача встала перед политкомиссарами, от работы которых зависело, удастся ли снова укрепить боевой дух армии.

Во время Северного похода значительная часть политкомиссаров хорошо выполняла свои задачи и завоевала уважение солдат.

«Политические комиссары всегда впереди, на огневых позициях. Они убеждают не словами, а личным примером, своими делами...

Большая часть солдатской любви и благодарности относится к политкомиссарам... вместе с боевыми частями они тоже участвуют в боях, и когда это нужно, каждый политкомиссар — боец», — писала газета «Пролетар хадшерег» («Армия пролетариата») во время Северного похода.

Однако некоторые факторы оказывали вредное влияние и на деятельность политкомиссаров.

Большая часть политкомиссаров не имела необходимого опыта, политической зрелости и была не способна должным образом решать все свои задачи, а именно: воспитание бойцов, забота о рядовых и контроль за командирами. В число политкомиссаров из-за неудовлетворительного подбора кадров попало много людей, непригодных для ведения политической работы. Поскольку подбор политических уполномоченных в значительной части производился профсоюзами, то в их рядах оказалось немало людей, которые, вместо того чтобы воспротивиться пораженческим настроениям, исходящим от профсоюзов, сами оказывались под их влиянием.

Весьма вредное влияние оказывало на деятельность политкомиссаров совершенно неудовлетворительное руководство со стороны их центра. Центральное руководство политическими комиссарами ограничивалось лишь общими указаниями. Секретариат объединенной партии не давал никаких инструкций относительно того, как политическим комиссарам организовывать и руководить партийными ячейками в частях и подразделениях. Из-за отсутствия центрального руководства политическая работа в войсках в основном зависела от личного опыта и способностей отдельных политкомиссаров.

Сильно мешало работе политкомиссаров поведение главнокомандующего армией Вильмоша Бема, который стремился ограничить деятельность политкомиссара исключительно проведением агитационной работы. Бем неоднократно и самым строгим образом запрещал политкомиссарам вмешиваться в военную деятельность командира. Если возникал конфликт между политкомиссаром и бывшим кадровым офицером-контрреволюционером, главнокомандующий чаще всего поддерживал офицера. Характерный случай произошел в июле. Офицеры 101-го артиллерийского полка 6-й дивизии на тайном собрании

поклялись не вступать в бой с венгерскими белогвардейцами, если они выступят вместе с империалистическими войсками. Политкомиссар полка, опираясь на поддержку солдат, арестовал офицеров-заговорщиков. Как только об этом узнал Бем, он тут же взял расследование дела в свои руки и решил его в пользу офицеров. Офицеры были восстановлены на своих должностях, а политкомиссар отстранен от должности.

В этих условиях политкомиссарам было очень трудно разоблачать контрреволюционную деятельность кадровых офицеров, которые знали, что в случае обострения взаимоотношений они всегда найдут поддержку в лице командования армии.

Коммунисты не хотели мириться с оттеснением роли политкомиссаров на задний план. Они добились, чтобы во главе политического отдела Главного командования армии для руководства политической работой и наблюдения за генеральным штабом был поставлен коммунист д-р Ференц Мюнних. Назначение Ференца Мюнниха политическим комиссаром Главного командования армии было не по нутру скрывавшимся там контрреволюционерам. Мюнних был известен как один из самых опытных и решительных коммунистов-военных, который внес значительный вклад в успехи 6-й дивизии.

Политкомиссары из коммунистов и левых социал-демократов в этих неимоверно тяжелых условиях все-таки добивались значительных успехов в области повышения боевого духа войск и укрепления воинской дисциплины. В значительной мере благодаря их деятельности удалось за сравнительно короткий срок восстановить порядок и дисциплину в подавляющем большинстве подразделений и частей.

В начале июля Революционный правительственный совет обсудил вопрос, что делать с освободившимися на Северном фронте частями Красной армии. Некоторые, кто надеялся, что последует продолжительный мирный период, предлагали демобилизовать основное ядро рабочих подразделений. Большинство же членов Революционного правительственного совета считало, что демобилизация личного состава рабочих батальонов была бы непоправимой ошибкой, поскольку это лишило бы армию самых сознательных элементов в обстановке, когда контрреволюция активизирует свою деятельность. В конце концов, по предложению Ландлера Революционный правительственный совет 4 июля решил направить рабочие батальо-

ны после их пополнения в Задунайщину и там использовать их для проведения реквизиций продовольствия.

После отвода войск Главное командование реорганизовало армию. 5-й корпус, выполнивший свою задачу, был расформирован. Его командир Йожеф Погань и начальник штаба Эдгар Гринепброк снова приняли командование задунайским 2-м корпусом.

После реорганизации 1-му корпусу были подчинены 2, 4 и 7-я дивизии; 2-му корпусу — 8-я дивизия, 18-я и 20-я бригады; 3-му корпусу — 1-я и 5-я дивизии, кроме того, 2-я и 3-я бригады. 4-й корпус по-прежнему имел 9-ю дивизию рабочих-металлистов, а также дивизию Красной охраны, сформированную в Будапеште для обороны города.

Кроме перечисленного непосредственно Главному командованию армии подчинялись Дунайская флотилия, а также 80-я и 17-я бригады. Впрочем, последнюю вскоре расформировали, как еще раньше была расформирована и 39-я бригада.

После отвода войск 1-й корпус сосредоточился в южной части междуречья Дуная и Тисы, 2-й корпус — в Задунайщине, 3-й корпус — в районе Мишкольц, Токай, Шаторальяуйхей. Части 4-го корпуса по-прежнему дислоцировались в Будапеште и его окрестностях.

В боевом расчете Красной армии на 5 июля числилось 166 батальонов (56 084 штыка). По сравнению с боевым расчетом на 15 июня на два батальона стало меньше, а количество штыков уменьшилось более чем на 4000. Количество артбатарей сократилось с 84 до 51, а орудий — с 308 до 265.

ИЗМЕНА В ГЕНЕРАЛЬНОМ ШТАБЕ

Каким бы ни был ошибочным отвод войск Красной армии с Северного фронта без гарантий Антанты выполнить свои обещания, все-таки наступившее перемирие означало, что диктатура пролетариата получила некоторую передышку. Впервые за весьма продолжительное время Революционный правительственный совет мог направить все свои силы на укрепление внутреннего положения советской республики. Перегруппировка войск Красной армии в междуречье Дуная и Тисы и в Задунайщину имела с точки зрения борьбы с контрреволюцией весьма положительное значение, поскольку заранее обре-

кала на провал всякое вооруженное наступление тех сил контрреволюции.

Верные диктатуре пролетариата руководители советской республики, серьезно воспринявшие решение об использовании передышки для укрепления власти рабочего класса, в начале июля с полным напряжением сил работали над упрочением армии и тыла.

12 июля Революционный правительственный совет издал декрет о всеобщей воинской обязанности. Для лиц мужского пола из буржуазии она заменялась трудовой повинностью.

В тот же день была объявлена мобилизация офицеров запаса.

В интересах укрепления духа армии особое внимание было обращено на руководство работой политических комиссаров, где особенно активную деятельность развил Ференц Мюнних, находясь на посту начальника политотдела Главного командования армии.

Были сделаны определенные шаги и по упорядочению хозяйственной жизни. Поскольку важнейшей проблемой страны было снабжение продовольствием населения и армии, самая срочная задача заключалась именно в этом. Революционный правительственный совет постановил реквизировать продукты питания на сельскохозяйственных территориях страны, прежде всего в Задунайщине. Было запланировано повысить нормы на некоторые виды продуктов питания, распределения среди рабочих крупных предприятий наличных запасов одежды и обуви.

Запланированные реквизиции снова выдвинули проблему, возникшую и на съезде советов: если не предпринять эффективных шагов в интересах укрепления союза рабочего класса с беднейшим крестьянством, то это приведет к тяжелым последствиям для советской республики.

В конце июня — начале июля в селах проводилась энергичная агитационная работа в интересах укрепления рабоче-крестьянского союза, разоблачения контрреволюции, пробуждения классового самосознания сельскохозяйственного пролетариата.

«Всюду в селах теперь находятся наши агитаторы, которые... доказывают трудящейся на земле бедноте, что их собственные интересы зовут их к союзу с городским пролетариатом, а вовсе не в лагерь богатого крестьянства»,— писала газета «Непсава» в номере от 28 июня.

На заседании Революционного правительственного совета 4 июня выработалось мнение, что в интересах ук-

репления базы диктатуры пролетариата и крестьян им нужно дать землю или участки под дома.

Хотя усилия коммунистов и искренне служащих интересам диктатуры пролетариата левых социал-демократических лидеров во многих областях были успешными, все же их стремления к укреплению таким образом советской республики не достигли своей цели.

В июле правые рабочие лидеры, действовавшие в профсоюзах, усилили подрывную деятельность в рядах трудящихся.

Среди рабочих распространялись нелегальные листовки, в которых враги подстрекали трудящихся рассчитаться с коммунистами и создать социал-демократическое правительство. На предприятиях правые призывали голосовать за ликвидацию диктатуры пролетариата. Их главный аргумент, разумеется, состоял в том, что Антанта поддержит правительство из правых социал-демократов и посылкой в Венгрию большого количества продуктов питания продовольственная проблема будет разрешена.

Подрывная деятельность, проводимая профсоюзными лидерами на предприятиях, отрицательно сказывалась в войсках.

По опыту одного из рабочих подразделений Ференц Мюнних 12 июля предложил прекратить пополнение рабочих полков по территориально-профессиональному принципу, поскольку это подрывает основы воинской дисциплины.

Подрывная работа против диктатуры пролетариата велась не только в профсоюзах.

5 июля Бем созвал нескольких партийных и правительственных руководителей из социал-демократов. Среди них был Ландлер и Погань. Главком вновь предложил, опираясь на армию, разделаться с коммунистами, ликвидировать диктатуру пролетариата и попросил поддержать его в этом вопросе. Хотя часть присутствовавших и была с ним согласна, из путча ничего не вышло. Ландлер не пожелал принять в этом деле участия. На этот раз Хаубрих уже сам предложил свою помощь. Возражал Велтнер, который считал, что если бы социал-демократы и завоевали власть, то они не способны удержать ее в своих руках.

Хаубрих сделал самостоятельные шаги в интересах свержения диктатуры пролетариата путем вооруженного путча. Он посетил Жулье, назначенного после отставки Штромфельда начальником генерального штаба, контр-

революционные взгляды которого хорошо были известны Хаубриху, и сказал, что надо что-то сделать для свержения советского режима. Жулье с ним согласился и предложил Хаубриху взять в свои руки инициативу и выступить с подчиненными ему в Будапеште войсками против советского правительства. На это Хаубрих, однако, не решился.

После подавления июньской контрреволюции реакционеры в Венгрии считали свое положение довольно бесперспективным. Быстрое подавление контрреволюционного мятежа в провинции и в Будапеште убедило их, что, опираясь на внутренние силы, они не смогут свергнуть советскую власть. Из обмена нотами Антанты с советским правительством они сделали вывод, что великие империалистические державы пока не намерены начинать нападение на венгерское пролетарское государство. Каждый день, который власть венгерского рабочего класса могла посвятить мирному созидательному труду, сокращал шансы контрреволюционеров осуществить свои реставрационные планы.

Когда положение для внутренних врагов Венгерской советской республики представлялось совсем бесперспективным, предатели, сидевшие в генеральном штабе Красной армии, поспешили на помощь контрреволюции.

Деятельность изменников внутри генерального штаба в значительной мере облегчалась уходом Штромфельда с поста начальника генерального штаба и назначением вместо него Ференца Жулье.

Жулье, совершив почти беспримерное в мировой истории предательство, с первого же момента назначения его начальником генерального штаба стремился развалить Красную армию.

В своих воспоминаниях Жулье совершенно ясно изложил соображения, на основе которых он и большая часть работавших в Главном командовании офицеров пришли к убеждению, что Красную армию нужно вовлечь в такую военную авантюру, в которой ее поражение было бы неизбежным. Поскольку приводимые ниже мемуары весьма характерно показывают мышление изменников, окопавшихся в генеральном штабе Красной армии, небезынтересно несколько подробнее остановиться на них.

Изменники из числа руководства Главного командования, проанализировав внутриполитическое положение советской республики, сделали вывод, что оно достаточно

прочно и внутренней контрреволюцией ее не свергнуть. Оценивая его, Жульe писал позднее:

«Что касается внутреннего положения советского правительства, то необходимо иметь в виду следующее: контрреволюция 24 июня показала неорганизованность буржуазии; армия против чехов оказалась боеспособной, следовательно, она будет положительно влиять на внутреннюю обстановку; настроение рабочих хотя не совсем коммунистическое, но о возвращении к старому общественному строю они и слушать не хотят. Следовательно, пока их нельзя заполучить для целей контрреволюции» [1].

Хотя предатели держали в своих руках генеральный штаб, они все-таки понимали, что использовать Красную армию против диктатуры пролетариата было невозможно.

«Наиболее желательным представлялось всю армию повернуть против Советского правительства. Ведь в то время многие мечтали о военной диктатуре. Я сам тоже получил из Вены такое предложение. Однако при решении такого вопроса определяющим является дух войска. А после отвода войск с фронта, вследствие агитации, проводимой народными комиссарами, настроение в войсках снова стало красным. Относительно этого я получил донесения с различных мест. Таким образом, тогда армия на такое предприятие не пошла бы. А такая попытка привела бы к аресту большинства офицерского состава в Геделле и, я нисколько не сомневаюсь в этом, к казни наиболее активных офицеров...» [2]

В этих условиях Жульe и его сообщники остановились на решении вовлечь Красную армию в заранее обреченную на провал операцию и таким образом, с одной стороны, добиться того, что вооруженные силы диктатуры пролетариата понесут тяжелые потери, а с другой — спровоцировать новую агрессию войск Антанты.

«Эти соображения заставили меня принять решение направить армию на противника, невзирая на состояние войск, силы противника и в конечном счете не беспокоясь об исходе сражения» [3].

Изменники из генерального штаба решили направить армию на румынские контрреволюционные войска в Затисье. Они хорошо знали, что советское правительство отклонило всякое предложение, которое вело бы к нару-

[1] Липтаи Э. Венгерская советская республика, с. 344.
[2] Julier F. Ellenforradalmi lélekkel a Vörös Hadsereg élén. Magyarság, 1927, jun. 14.
[3] Ibidem.

шению договора о перемирии, заключенного с чехословацким правительством, или имело целью наступление на южных границах советской республики против стоявших там французских и югославских войск.

«Итак, оставались румынские войска, из трех противников самый сильный, самый дисциплинированный противник, который месяца два назад легко разбил армию советского правительства...

Такое наступление имело в глазах народных комиссаров хороший повод: занятие обещанного Клемансо Затисья» [1], — пишет Жулье.

«К каким результатам могло привести наступление?» — задает вопрос в своих воспоминаниях Жулье и сам отвечает:

«Если наступление не удастся, что, впрочем, вполне возможно, тогда свержение советского правительства, лишенного главного своего орудия — армии, станет неизбежным... Можно быть уверенным в том, что одна неудачная операция настолько потрясет армию, что она и без вмешательства извне быстро развалится. И тогда все-таки последует вооруженное вмешательство Антанты. Во всяком случае, можно рассчитывать на новую вспышку контрреволюционного движения, которое тогда будет иметь несравнимо больше шансов на успех, чем это было в июне, когда армия была сильна.

Если же наступление сложится удачно, поскольку в войне даже самое невероятное предприятие вследствие воздействия определенных факторов, не поддающихся предвидению, может оказаться успешным, то вождь, одержавший победу, приобретет репутацию и силу, чтобы произвести внутриполитические изменения. Каким образом? Это будет зависеть от обстоятельств» [2].

Последнее, то есть успех наступления, относилось к числу наименее вероятных возможностей, так как Жулье и его сообщники, как главные руководители операциями Красной армии, имели в своем распоряжении все средства и возможности, которые могли привести к провалу наступления Красной армии.

Написанное Жулье в мемуарах отнюдь не выдумано задним числом. Об этом свидетельствуют и комментарии лиц, желающих фигурировать в роли руководителей контрреволюции, а также и то, что офицеры, работавшие на ответственных должностях в генеральном штабе, не-

[1] Ibidem.
[2] Ibidem.

посредственно после свержения советской власти, хотя и более лаконично и менее ясно, но подобным же образом подтверждают, что инициатива затисского наступления Красной армии исходила из генерального штаба.

«Командованию армии было ясно, что с войсками, моральное состояние которых было низким, а техническая оснащенность минимальна, невозможно осуществить столь серьезную военную операцию, как переправа через Тису, а затем с ходу наступать против отдохнувшей румынской армии...» [1] — писали два бывших сотрудника генерального штаба вскоре после свержения диктатуры пролетариата. Один из них, Геза Лакатош, во время господства фашизма стал даже премьер-министром. Совесть этих контрреволюционеров молчала, когда они бросали на верную гибель тысячи солдат, обездолили массу семей, вызвали оккупацию страны противником только для того, чтобы восстановить в Венгрии господство эксплуататоров.

Бросая Красную армию против румынских королевских войск, Жулье и его сообщники старались помешать таким образом использованию лучших частей армии для подавления возможного нового контрреволюционного мятежа или для отражения наступления контрреволюционных войск из Сегеда.

На основе этих соображений Жулье, прибывший в ставку 4 июля, уже на следующий день, то есть 5 июля, издал приказ о подготовке военных операций в Затисье.

«Намерение командования армии, невзирая на то, будут ли румыны эвакуироваться из Затисья или нет, главными силами армии форсировать Тису и продвинуться до навязанной нам демаркационной линии».

Деятельность предателей из генерального штаба проходила бы в значительно более трудных условиях, если бы во главе армии в то время стоял человек, который бы всеми силами стремился укрепить власть рабочего класса.

В июле Бем уже не уделял армии должного внимания. Ввиду того что 5 июля его предложение относительно антикоммунистического путча бывшие социал-демократические лидеры опять отклонили, он решил отказаться от поста главнокомандующего армией.

Тогдашнее поведение Бема весьма точно характеризует одно замечание Жулье.

---

[1] Липтаи Э. Венгерская советская республика, с. 345.

«Бем уже готовился,—пишет этот предатель,—отбыть в Вену, он чувствовал, что советский режим долго не продержится, и был занят мыслью о возможности дальнейшего развития взаимодействия с буржуазией».

Вопреки решению Революционного правительственного совета от 4 июля Бем перегруппировал армию в соответствии с целями запланированного генеральным штабом наступления. В телеграмме, посланной 4 июля председателю Революционного правительственного совета, он заявил, что «это решение правительственного совета не может быть выполнено, поскольку я вынужден 4-ю дивизию, в составе которой находится рабочий батальон, направить на южную демаркационную линию».

Хотя подготовка наступления в Затисье велась уже с 5 июля, начальник генерального штаба лишь 10 июля поставил в известность о планах наступления явившихся в Геделле в качестве представителей правительственного совета народных комиссаров Куна и Ландлера.

Часть руководителей была не согласна с планами генерального штаба. Бела Кун в своем предисловии к книге Самуэли «Тревога» пишет, что и Тибор Самуэли не одобрял идею о наступлении.

«Когда я высказал ему свои соображения, — пишет Бела Кун, — против начала военных действий на румынском фронте, если только французские и румынские войска не выступят против Советской России, он полностью одобрил мою позицию, но большинство руководства не одобрило моей точки зрения, в результате чего наступление на румынском фронте было начато. В ходе упомянутой беседы Тибор заметил:

«Я до сих пор убежден в правильности своей точки зрения по поводу ноты Клемансо и вывода войск из Словакии. Однако теперь уже не об этом речь. Необходимо сделать надлежащие выводы из решения, принятого большинством. Вместо того чтобы развертывать новые военные операции, нужно осуществить план, изложенный нами в связи с принятием ноты Клемансо» [1].

Нет причин сомневаться в том, что вначале Кун действительно считал неправильным начинать наступление. Однако он не отстаивал этого мнения твердо и решительно, ведь правительственный совет без особых дискуссий принял решение о новом наступлении.

Нельзя отрицать, что были доводы, которые внешне

---

[1] Липтаи Э. Венгерская советская республика, с. 346.

говорили в пользу наступления против румынской армии в Затисье. Поддержавшие план наступления подчеркивали, что освобождение плодородных земель Затисья, безусловно, необходимо для обеспечения снабжения советской республики продовольствием. Полагали, что успешное наступление Красной армии развеяло бы подавленное настроение в рядах трудящихся и солдат, вызванное выводом войск из северных районов. Подразделения Красной армии, в которых преобладало крестьянство, с нетерпением ждали дня, когда можно будет вернуться домой. Генеральный штаб подчеркивал, что до некоторой степени деморализованные войска можно снова укрепить прежде всего успешным наступлением. Как аргумент решающей важности приводилось и то, что, поскольку объединенное наступление империалистов может начаться в ближайшее время, следует упредить их и, насколько возможно, вывести из строя одну из наиболее сильных армий противника еще до начала нападения объединенных сил врага.

В связи с решением Революционного правительственного совета, санкционирующего план нового наступления, Ландлер пишет следующее:

«Много серьезных доводов было против него. Но решение о начале наступления базировалось на следующих веских соображениях: 1. Румыны выбили крестьянские полки с таких территорий, которые, согласно ноте Клемансо, следовало очистить от румын, поэтому солдаты беспокоились, ибо их обманули. 2. Имелись точные сведения, что румыны 23 июля хотят начать наступление на Будапешт» [1].

В том, что Революционный правительственный совет принял большинством план наступления в Затисье, значительную роль, можно полагать, сыграли и психологические мотивы. Поскольку стало явным, что Антанта подло обманула руководителей венгерской диктатуры пролетариата, в основном те же самые члены Революционного правительственного совета, которые высказывались за вывод войск Красной армии с северных территорий, теперь этим путем хотели ликвидировать последствия своего ошибочного решения.

Принятие провокационного плана генерального штаба вопреки этим внешне серьезным аргументам было роковой ошибкой Революционного правительственного со-

---

[1] Липтак Э. Венгерская советская республика, с. 346—347.

вета. Начало наступления не мотивировалось ни международным положением, ни внутренними условиями Венгерской советской республики. Республика нуждалась в передышке, в укреплении экономического и политического положения диктатуры пролетариата, в восстановлении боевого духа Красной армии. От отвода войск с северных территорий до начала наступления в Затисье времени было слишком мало для выполнения этих задач.

Руководителям Венгерской советской республики следовало бы учитывать, что с имеющимися в их распоряжении силами, даже в случае благоприятного хода ожидаемых событий, невозможно было за короткое время навести решающее поражение румынской армии в Затисье. В таких условиях наступление в Затисье ни в коем случае не могло помешать вмешательству французских, югославских и чехословацких войск, более того, оно ускорило бы его подготовку. В положении, когда лучшие силы Красной армии были связаны в Затисье, в случае объединенного наступления чехословацких, французских и югославских контрреволюционных сил у Венгерской советской республики не было шансов остановить или отбить это наступление.

Революционному правительственному совету следовало бы учесть, что если Венгерская советская республика выступает в качестве наступающей стороны, то империалисты получают повод представить венгерскую диктатуру пролетариата своим трудящимся как государство, которое не стремится к мирному соглашению. Тот факт, что Венгерская советская республика начала военные действия, в значительной мере облегчил положение румынских империалистов, которые уже могли в роли «подвергшихся» агрессии беззастенчиво реализовать свои собственные агрессивные планы.

Принятие Революционным правительственным советом провокационного плана генерального штаба в решающей мере содействовало тому, что империалистам, опираясь на внутренних врагов диктатуры пролетариата, удалось вскоре после этого свергнуть советскую власть в Венгрии.

НОВЫЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ИНТЕРВЕНЦИИ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

В позиции Революционного правительственного совета, в принятии им плана генерального штаба на наступ-

ление решающую роль сыграли слухи о скором наступлении войск Антанты; и они были не лишены оснований.

Как уже упоминалось, одновременно с отправкой правительству Венгерской советской республики своей первой ноты в июне Клемансо отдал французским генералам распоряжение подготовить новое нападение на Венгерскую советскую республику. Фош и Франше д'Эспери в соответствии с указаниями Клемансо разработали план наступления объединенных сил на советскую республику. Однако их планы не могли быть осуществлены. Одна из причин крылась в том, что империалисты пока еще не могли избавиться от противоречий, которые мешали им выступить совместно. Другая причина состояла в том, что по плану маршала Фоша для наступления на Венгерскую советскую республику нужно было стянуть довольно большие силы, на что правительства империалистических государств под давлением общественного мнения не могли пойти. Клемансо 5 июля на заседании Парижской мирной конференции сообщил, что он заслушал маршала Фоша и генерала Франше д'Эспери, которые уже не раз хотели войти победителями в Будапешт.

Он рассказывал, что попросил у них план операций и получил план, более честолюбивый, чем проект Наполеона по захвату Москвы. Для осуществления их замысла требовались французские, английские и итальянские войска.

Однако и после отвода войск Красной армии империалисты продолжали готовить агрессию против Венгерской советской республики. Клемансо и его окружение ни на минуту не задумывались над тем, что они выполнят данные советскому правительству обещания. Когда в начале июля Бела Кун в телеграмме Антанте потребовал выполнения обещаний, данных в ноте Клемансо, Антанта ответила, что переговоры с советским правительством невозможны, потому что оно, как утверждалось в ноте, не выполнило условий перемирия. Это, естественно, был весьма надуманный и пустой повод, поскольку прежде всего сама Антанта грубо нарушила условия перемирия, направив румынские и чехословацкие войска против Венгерской советской республики.

5 июля на Парижской мирной конференции были обсуждены санкции против Венгерской советской республики. Представители империалистических держав дружно согласились, что при всех условиях необходимо свергнуть советскую власть в Венгрии, но пока что они не могли

составить реальный план нового нападения на Венгерскую советскую республику.

Хотя некоторые из участников совещания, в том числе и сам Клемансо, дипломатическую и экономическую форму интервенции считали более целесообразной, чем вооруженное вмешательство, но решение проблемы вооруженным путем не снималось с повестки дня. Военным экспертам было дано указание сориентироваться относительно боевых возможностей Красной армии и в течение двух дней разработать проект, как Антанта сможет навязать свою волю советской республике.

Комиссия военных экспертов, возглавляемая маршалом Фошем, привлекла к работе и венских уполномоченных на мирной конференции.

Последние связались с приезжавшим в начале июля в Вену Хаубрихом. Хаубрих посоветовал, чтобы Антанта проявила намерение привлечь к военным действиям против советской Венгрии собравшихся в Сегеде контрреволюционеров. Он рассчитывал, что коммунисты скорее сами откажутся от власти в пользу социал-демократов, чем допустят к власти реакцию, которую представляли сегедские контрреволюционеры.

Хаубрих подробно проинформировал Капингема о состоянии Красной армии и тыла. Эту информацию английский резидент немедленно передал своей делегации на мирных переговорах.

Согласно указанию, военные эксперты 9 июля доложили о результатах их исследований военного положения Венгрии и о возможностях вооруженной интервенции. Они высказали мнение, что вооруженное нападение на Венгерскую советскую республику возможно лишь значительными силами и связано с риском. Для военной интервенции, по их мнению, могут быть приняты в расчет прежде всего румынские, чехословацкие и югославские войска. Эксперты рекомендовали отложить вывод румынских войск из Затисья. Решения, начать ли вооруженное наступление или подыскать иной способ свержения диктатуры пролетариата в Венгрии, комиссия военных экспертов ждала, естественно, от политиков. А политики все еще не могли прийти к окончательному решению.

11 июля в Париже снова был поставлен на повестку дня венгерский вопрос. На заседании маршал Фош изложил условия, которые, по его мнению, необходимо обеспечить для успеха объединенной интервенции:

«Первое, что необходимо для успешного похода, это, несомненно, единое командование. Далее, необходимо учитывать также и продолжительность военных операций. Не представляется вероятным, что желаемого завершения можно достичь одним быстрым ударом. Коль положение таково, то войска нуждаются в пополнении. А для этого нужно обратиться за поддержкой к соседним государствам. Прежде чем мы выработаем план, следует уяснить, что могут сделать эти государства, в каких масштабах они будут с нами сотрудничать и готовы ли действовать под единым командованием. Желаемые результаты: 1) разгром венгерской армии; 2) занятие Будапешта. Первое трудно осуществить теми силами, которые имеются в нашем распоряжении. Второе — еще труднее, поскольку Будапешт — центральный бастион на Венгерской низменности».

Объявленная дискуссия на заседании показала, что представители союзных империалистических держав пока еще не очень-то воодушевлены идеей нападения. У каждого из этих империалистических правительств были свои заботы: ширились социалистические движения в их собственных странах, росли послевоенные экономические трудности, оставались неурегулированными различные территориальные вопросы, из-за которых отношения между отдельными империалистическими державами оставались напряженными.

Заседание закончилось тем, что маршал Фош получил полномочия вступить в контакт с руководителями стран, заинтересованных в нападении на Венгерскую советскую республику, чтобы узнать, какими силами они согласны принять участие в нападении.

В соответствии с решением Совета пяти вскоре Фош запросил румынское и чехословацкое правительства о том, какие силы они могут выделить для участия в объединенном нападении на венгерскую диктатуру пролетариата. Начальник генерального штаба румынской армии генерал Пресан 17 июля сообщил, что Румыния готова участвовать в них в самом широком смысле слова и в случае необходимости может снять одну-две дивизии с Днестра.

Глава Чехословацкого государства сообщил маршалу Фошу, что всеми военными силами они хотят включиться в военные операции против Венгерской советской республики. 15 июля Масарик с военной лаконичностью до-

ложил в телеграмме Фошу: «Наши вооруженные силы — в вашем распоряжении».

17 июля маршал Фош представил Совету пяти мирной конференции проект интервенции против советской Венгрии.

Фош доложил, что на основании решения руководителей «союзных и примкнувших держав» от 11 июля он обратился к руководителям чехословацкой, сербской и румынской армий с вопросом, какими силами они могли бы содействовать запланированным операциям. По поступившим донесениям, руководители отдельных армий были намерены принять участие в наступлении следующими силами:

«Чехословацкая армия. Господин Масарик предоставляет в распоряжение Антанты всю армию республики, а именно: 6 пехотных дивизий в полной боевой готовности, 2 пехотные дивизии в стадии формирования; к 18 июля будут готовы к проведению операций все вооруженные силы, что составит примерно 100 000 человек...

Сербская армия. В настоящее время сербское правительство может предоставить в распоряжение союзников 14 батальонов, 12 кавалерийских эскадронов, 12 артбатарей, что равносильно полутора пехотным и одной кавалерийской дивизиям: 12—20 тысяч солдат в полной боевой готовности с 12 июля.

Румынская армия. Относительно возможностей румынского правительства ответ пока еще не прибыл. В настоящее время представляется, что можно рассчитывать на все войска румынской армии, находящиеся на западе, у Тисы, а именно 6 пехотных и одну кавалерийскую дивизии, примерно 75 000 человек. Эти войска могут быть, по всей вероятности, усилены приведением в боевую готовность около 20 000 резервистов из Трансильвании...

Французская армия в Венгрии. В настоящее время располагает двумя пехотными дивизиями, одной кавалерийской бригадой и механизированными частями (два дивизиона тяжелых орудий, два дивизиона бронеавтомобилей и одна рота легких танков). Фактический состав армии исчисляется 25 000 человек, в том числе боевой состав — 20 000. Пехота укомплектована полностью...

Суммируя и предполагая, что данные относительно румынской армии правильные, все вооруженные силы, готовые к наступлению против Венгрии через несколько дней, выглядели примерно так:

Чехословацкая армия:	
восемь пехотных дивизий	100000 чел.
Сербская армия:	
полторы пехотных дивизии,	
одна кавалерийская дивизия	20000 чел.
Румынская армия:	
шесть пехотных,	
одна кавалерийская дивизия	75000 чел.
Французская армия в Венгрии:	
две пехотные дивизии,	
одна кавалерийская дивизия	25000 чел.
Всего: 17,5 пехотных дивизий.	
2,5 кавалерийских дивизии	220000 чел.

Из них боевого состава примерно 160 000 человек».

Из сравнения имевшихся в распоряжении союзников войск с силами венгерской Красной армии Фош сделал вывод, что Антанта располагает перевесом сил, необходимым для нападения на Венгерскую советскую республику. Однако до начала агрессии он считал необходимым подчинить союзные войска единому командованию и пополнить военной техникой.

Военные руководители полагали, что время для начала объединенного наступления на советскую республику вполне назрело, а конференция и на этот раз не смогла прийти к окончательному соглашению в вопросе о начале военных действий против Венгерской советской республики. Прежде чем это соглашение было достигнуто, начался поход Красной армии в Затисье, и это создало новую ситуацию.

Вооруженную интервенцию против советской республики старались ускорить и бежавшие за границу контрреволюционно настроенные аристократы и буржуазные политики. Иштван Бетлен, который позднее стал у Хорти премьер-министром, направил Антанте меморандум. В нем он хлопотал о нападении на Венгерскую советскую республику и предлагал содействие венгерских контрреволюционных политиков:

«Оккупацию Будапешта войсками Антанты осуществить легко. Но для проведения этой акции мы рекомендуем прикомандировать к главному военному командованию двух венгерских политиков, задача которых состояла бы в даче советов и рекомендаций по таким вопросам, как:

а) наиболее полное разоружение населения в тылу, что иностранцы сами не в состоянии сделать;

б) арест главарей нарушителей порядка;

в) немедленная организация гражданской администрации;

г) посредничество между населением и военным командованием;

д) быть в распоряжении командования при решении всех политических вопросов».

Свергнутые венгерские эксплуататорские классы оставались верны своим изменческим традициям.

5 июля в Надькикинде под председательством маршала Петена, который позднее станет прислужником Гитлера, собралась конференция представителей французской армии на Балканах, румынской, итальянской и югославской армий. На этой конференции, посвященной подготовке нападения на Венгерскую советскую республику, венгерских господ представлял Миклош Хорти. Конференция постановила: просить немедленного нападения объединенных сил на советскую республику.

«...Мы решили любой ценой просить нападения. Все готово для броска вперед, резервы подтянуты и могут быть брошены немедленно на передовую. Мы только ждем сигнала о начале, и наступление развернется по всему фронту», — сообщил маршал Петен о позиции конференции.

Засевшие в Сегеде контрреволюционеры, разумеется, не желали остаться в стороне от вооруженного нападения на Венгерскую советскую республику. Сегедское правительство хотело бросить свою «армию», состоявшую из нескольких тысяч человек, в качестве штурмовой группы в ходе нападения. В подавляющем большинстве это «войско» состояло из бывших офицеров императорской и королевской армии.

«Сегед превратился в большой военный лагерь: наряду с чрезвычайно сильным французским гарнизоном сформировался и немалый венгерский гарнизон, который в одном отношении очень напоминал колумбийскую армию: в нем было гораздо больше офицеров, чем солдат. Сегедская «белая армия» максимально состояла из 3500 офицеров, 2500 солдат и 800 жандармов» [1], — писал Ласло Сабо, книгу которого о советской республике нельзя заподозрить в стремлении очернить контрреволюцию.

Несмотря на помощь, полученную от французов, Хорти и его штаб смогли привлечь в свою контрреволюцион-

---

[1] Szabó L. A bolsevizmus Magyarországon. Bp., 1919, 229.o.

ную армию лишь незначительное количество трудящихся. «Сегедское и окрестное крестьянство хранит, можно сказать, полное молчание», — записал в своем дневнике 18 июля Миклош Козма. В селах, расположенных вокруг Сегеда, офицеры, занимавшиеся вербовкой солдат в контрреволюционную армию, не однажды были биты крестьянами. У министра внутренних дел сегедского контрреволюционного правительства просили выделить вооруженные отряды «для содействия вербовке и защиты вербовочных комиссий».

ПОДГОТОВКА НАСТУПЛЕНИЯ В ЗАТИСЬЕ

Подготовка наступления Красной армии в Затисье с самого начала несла на себе печать измены начальника генерального штаба и его ближайших сотрудников.

Главное командование Красной армии в это время руководствовалось не стремлением к победе, а ненавистью к диктатуре пролетариата.

В июле большая часть бывших кадровых офицеров, игравших решающую роль в руководстве подразделениями Красной армии, считала своей важнейшей задачей содействовать попыткам, направленным на свержение власти пролетариата. Кроме небольшой, достойной уважения группы, большинство кадровых офицеров лишь делало вид, что работает.

В течение июля значительная часть бывших кадровых офицеров, занимавших руководящие посты в Красной армии, уже была связана прямо или косвенно с «правительством» сегедских контрреволюционных предателей.

В контакт с сегедцами вступили начальник штаба 1-го корпуса Политовский, командир 7-й дивизии Верт и многие другие офицеры, занимавшие в армии ключевые посты. Сегедские контрреволюционеры стремились ускорить нападение Антанты даже тем, что в преувеличенной форме информировали ее о своем влиянии на Красную армию.

11 июля государственный секретарь сегедского контрреволюционного «правительства» Дьюла Гембеш направил письмо служившим в генеральном штабе Красной армии контрреволюционным офицерам и дал им следующие указания:

«1. Удалить красные элементы из армии.

2. Очищенная таким путем армия не должна наступать.

3. Дивизии, расположенные южнее железнодорожной линии Сольнок — Будапешт, обязательно должны состоять из войск, личный состав которых был бы проникнут националистическим духом. Они осуществят контрреволюционное выступление. В Геделле пусть установят день, к которому эти дивизии будут готовы, а окончательную дату определят в Сегеде.

Подробный план:

а) Арест политкомиссаров и ненадежных командиров.

б) Заявление о присоединении к национальной армии под командованием Хорти.

в) Совершение марша по маршруту Сольнок, Цеглед, Кунсентмиклош и далее на Будапешт.

г) Разоружение красных батальонов 4-го пограничного округа (Кишкунфеледьхазский округ).

д) Организация мятежа в Задунайщине и на Северном фронте.

е) В случае невозможности выполнить пункт «в» осуществить переход на сторону сегедской армии Хорти» [1].

Одновременно Гембеш направил Жулье письмо, в котором призывал его возглавить контрреволюцию.

«Возьми в свои руки дело контрреволюции, очисти междуречье Тиса — Дунай, южнее Будапешта, Сольнока, от красных войск, сосредоточь проникнутые националистическим духом дивизии на будапештском направлении и будь готов вместе с ними в назначенный тобой день начать мятеж, с тем чтобы затем присоединиться к Хорти» [2], — писал Гембеш.

Это письмо Жулье получил и ответил Гембешу следующее:

«Всегда имею в виду только ваши интересы. О твоем предложении в конкретной форме сейчас говорить нельзя, потому что все уже началось. Позже положение и обстоятельства определят, что можно сделать».

Как уже говорилось выше, Жулье знал, что попытка генерального штаба открыто повернуть армию против диктатуры пролетариата была заранее обречена на провал. Именно поэтому они не удовлетворили просьбу Гембеша. Когда Жулье получил письмо Гембеша, остановить наступление в Затисье было уже невозможно, и на-

---

[1] HL Hadügyminiszterium, Szeged, 1919, sz.

[2] Ibidem.

чальник генерального штаба ждал исхода этого наступления, которое должно предоставить ему возможность привести контрреволюцию к победе.

При таком руководстве проходила подготовка операции в Затисье. Изменники сознательно толкали армию диктатуры пролетариата к катастрофе.

Деятельности предателей в значительной мере содействовало ослабление в этот период политического руководства армией. Если прежде коммунисты — народные комиссары по военным делам поддерживали тесный контакт с генеральным штабом и с войсками, то в июле, до начала операций, Бела Кун и Ене Ландлер посетили его всего лишь один раз. Вся энергия коммунистических и левых социал-демократических руководителей тратилась на борьбу с контрреволюцией и правыми социал-демократами. Это обстоятельство благоприятствовало контрреволюционерам, находившимся в руководстве армией, предоставляя им свободу действий.

Главнокомандующий Вильмош Бем не ставил препятствий на пути контрреволюционной деятельности офицеров, работавших в генеральном штабе. Более того, он стремился предоставить бывшим офицерам еще большую, чем прежде, свободу действий. В середине июля Бем издал приказ, по которому командир имел право арестовать политкомиссара, вмешивающегося в его руководство частью или подразделением. Этот приказ предоставил полную свободу контрреволюционерам. Только решительное вмешательство руководителей из числа коммунистов и левых социал-демократов привело к отмене этого приказа, преследовавшего явно контрреволюционные цели. В это время Бем уже уходил из армии. Он сам просил уволить его, ссылаясь на болезнь.

Бем был во главе армии до 14 июля, его преемник Ене Ландлер принял командование Красной армией накануне начала наступления. Таким образом, Жулье, по существу, до самого начала наступления полностью, по собственному усмотрению и в соответствии со своими контрреволюционными замыслами, руководил делами Красной армии.

По предварительному распоряжению Жулье от 5 июля, для осуществления наступательной операции в Затисье нужно было создать две группировки войск.

2, 6 и 7-й дивизиям предстояло сосредоточиться в районе Сольнока, а 8-й дивизии — в районе Чонграда под командованием 1-го корпуса.

В районе Токая под командованием 3-го корпуса должна была сосредоточиться ударная группировка, состоявшая из 1-й, 5-й дивизий, 2-й и 3-й бригад.

Задача группировок в предварительном распоряжении определялась лишь в общих чертах:

1. Общее направление наступления для 1-го корпуса — Бекешчаба, одной колонной (6-я дивизия) — Надьварад.

Общее направление для 3-го корпуса — Дебрецен, одной колонной (2-я бригада) — в направлении Надькароя.

Намеченный в этом распоряжении план в последующие дни был существенно изменен.

Начальник штаба 2-го корпуса предатель Гринен-брок помешал переброске 8-й дивизии из Задунайщины в распоряжение 1-го корпуса. Дивизия должна была начать наступление вместе с сольнокской группировкой. Из-за отсутствия 8-й дивизии главнокомандование армии для усиления сольнокской наступательной группировки перебросило 5-ю дивизию из 3-го корпуса в 1-й корпус. 9 июля оно поставило задачу и 80-й бригаде: контролировать линию Тисы между частями 1-го и 3-го корпусов у Поросло, затем с началом наступления демонстрировать форсирование, чтобы, отвлекая на себя внимание противника, облегчить положение наступающих.

13 июля генеральный штаб издал приказ о форсировании Тисы, в котором по сравнению с приказом от 5 июля были существенные изменения.

По приказу подготовку к переправе через Тису войскам надлежало завершить до 19 июля. Время начала переправы генеральный штаб назначил в ночь на 20 июля. 80-я бригада должна была начать переправу через 24 часа после начала наступления остальных войск.

По приказу после форсирования Тисы войска следовало сгруппировать так, чтобы дальнейшее наступление вести следующим образом:

а) Сентешская группировка — в направлении Бекешчабы.

б) Сольнокская группировка — в направлении Надьварад, Надьлета.

в) 80-я бригада — в направлении Дебрецена.

3-й корпус пока должен был выйти в район Ньиредьхазы, чтобы затем, в зависимости от обстановки, продолжать наступление либо в направлении Дебрецена, либо в направлении Надькароя.

Согласно распоряжению, резерв Главного командования армии составляли бригадная группа 3-й дивизии, крупный отряд 4-й дивизии, а также единственный кавалерийский полк Красной армии.

Особенно бросается в глаза изменение, касающееся направления главного удара 1-го корпуса. В то время как, согласно предварительному распоряжению от 5 июля, корпус главными силами должен был наступать в направлении на Бекешчабу, по новому приказу — на Надьварад, Надьлета.

Приказ от 13 июля изменил и задачу 80-й бригады. Если по распоряжению от 9 июля 80-я бригада одновременно с переправой основных сил наступающих должна была лишь изображать форсирование, то по новому приказу она сама должна была форсировать реку через сутки после переправы основных сил, а затем наступать в направлении на Дебрецен.

В новом приказе генеральный штаб изменил и задачу 3-го корпуса. Если раньше 3-й корпус имел своей задачей наступать главными силами на Дебрецен, а одной бригадой — на Надькарой, то теперь весь корпус должен был наступать в направлении Надькароя.

Приказ от 13 июля ставил перед наступающими группировками Красной армии такие задачи, выполнение которых было им далеко не по силам. Особенно бросался в глаза факт: задача, поставленная 3-му корпусу, которому приказывалось наступать на превосходящие силы противника одной ослабленной дивизией и двумя бригадами. Начальник штаба 3-го корпуса Шварц 18 июля по телефону докладывал Жулье, что задачи, поставленные в приказе от 13 июля, имеющимися в его распоряжении силами он выполнить не сможет.

Начальник штаба 3-го корпуса выполнение своих задач поставил в зависимость от того, удастся ли новому командиру корпуса Бокани должным образом поднять боевой дух бойцов и получит ли корпус за оставшиеся до наступления дни недостающее снаряжение и боеприпасы.

Жулье, видя, что начальник штаба 3-го корпуса не хочет безответственно вести вверенные ему войска к катастрофе, согласился, чтобы 20 июля корпус осуществил лишь демонстрацию переправы через реку, а сам главными силами форсирует ее лишь в случае создания благоприятных условий.

Весьма существенным изъяном в приказе Жулье от

13 июля явилось отсутствие обеспечения флангов наступающих группировок. Начальник штаба 3-го корпуса сказал ему об этом, но Жулье оставил его замечание без всякого внимания.

Неприкрытые фланги с началом операций давали противнику возможность наносить удары по наступающим частям Красной армии в самых чувствительных местах.

Угроза флангам наступающих группировок усугублялась еще и тем, что в приказе генерального штаба не содержалось никаких распоряжений относительно связи между отдельными наступающими группировками.

На основе приказов начальника генерального штаба командования 1-го и 3-го корпусов, а также 80-й бригады разработали следующие планы наступления.

Состав 1-го корпуса: 46 батальонов (примерно 22 000 винтовок) и 63 батареи (222 орудия). Трем дивизиям корпуса — 5,6 и 7-й — форсировать Тису у Сольнока; одной дивизии, 2-й, — у Чонграда. По планам командования корпуса, главные силы должны были продвигаться двумя колоннами: в первой — 7-я и 6-я дивизии, а 5-я дивизия двигалась следом как резерв корпуса.

Задача 2-й дивизии, наносившей вспомогательный удар, заключалась в форсировании Тисы и дальнейшем наступлении в направлении на Сентеш, Орошхаза, Бекешчаба, Дьюла.

Для форсирования Тисы и дальнейшего наступления в распоряжении командования 80-й бригады находились четыре батальона (1336 винтовок), одна батарея (четыре орудия) и один бронепоезд. Командование бригады решило организовать переправу между Арокте и Тисаселлешем, на участке шириной примерно 30 километров, тремя батальонами, оставив четвертый батальон в резерве. 1-й батальон бригады форсировал Тису между Арокте и Дорогмой; 2-й батальон бригады — между Дорогмой и Тисабаболной; 3-й батальон — на участке между Тисафюредом и Тисаселлешем.

Из плана командования бригады становится ясно, что командир 80-й бригады хотел вынудить противника эвакуироваться из Тисафюреда, обойдя город с севера и юга. Командир бригады исходил из предположения, что противник обороняет Тисафюред лишь незначительными силами и не будет особенно упорствовать, чтобы удержать город.

Командование 3-го корпуса для выполнения своей задачи располагало 24 батальонами (7655 винтовок) и 24

батареями (85 орудий). По плану командования корпуса, главные силы — 1-я дивизия, усиленная 21-м полком 2-й бригады, — должны были форсировать реку у Токая и занять предмостное укрепление на участке Саболч, Ракамаз.

Правее главных сил другому полку 2-й бригады приказывалось двумя батальонами форсировать реку у Надьфалу, а одним батальоном — у Тисадобы с задачей занять упомянутые населенные пункты.

Левее главных сил одному из полков 3-й бригады нужно было обеспечивать восточнее Бодрогкеза токайскую переправу. Другому полку бригады следовало переправиться на участке между Балашшой и Саболчем и после занятия этих двух населенных пунктов наступать на Ракамаз, облегчая тем самым продвижение 1-й дивизии.

Контрреволюционные румынские войска в Затисье ожидали наступления венгерской Красной армии в полной боевой готовности.

Предатели, действовавшие в руководящих органах Красной армии, позаботились о том, чтобы планы наступления своевременно оказались в руках противника. Даже не по одному, а по нескольким каналам попали эти планы в руки противника. Несомненно, что данные о группировке сил непосредственно из генерального штаба попали в Вену, к находящимся там контрреволюционерам, которые предоставили эти документы в распоряжение военной миссии Антанты. По имеющимся данным, венские контрреволюционеры передали посланные генеральным штабом документы английской военной миссии в Вене. Она их размножила и предоставила в распоряжение генеральных штабов союзных стран. В Парижском центральном военном архиве в материалах Западной группы словацких вооруженных сил (папка № 7) хранятся подробнейшие документы, раскрывающие построение боевых порядков Красной армии и группировку ее сил в июле. По свидетельству одного из этих документов, материал был получен французской военной миссией в Вене от тамошней английской военной миссии. Руководитель английской военной миссии в Вене Канинхем снабдил графа Паллавичини английскими проездными документами и таким образом дал возможность доставить эти материалы в Сегед. Сегедское контрреволюционное правительство полученные таким образом данные передало адмиралу Траубриджу, который

наверняка передал их румынскому генеральному штабу. Однако вполне возможно, что румынский генеральный штаб к этому времени уже имел в своем распоряжении планы наступления Красной армии от французов.

В своей книге Мардареску пишет, что еще до начала июльских операций генеральный штаб румынской армии был отлично осведомлен о силах и планах Красной армии. Генерал, правда, не пишет, что планы Красной армии они получили от англичан или французов, а указывает, что военные планы Главного командования Красной армии находились у одного из перебежавших к ним венгерских офицеров.

Зная военные планы Красной армии, командование румынской армии смогло соответственно подготовиться к отражению наступления. Армия румынских бояр в Затисье располагала по отношению к Красной армии таким перевесом сил, что румынский генеральный штаб без особых волнений ожидал наступления частей Красной армии.

Генерал Мардареску подчиненные ему силы разделил на три группы: от устья Самоша до Абадсалока расположилась Северная группа трансильванской румынской армии, от Абадсалока до Мароша — Южная группа. За этими двумя группами дислоцировался общий резерв командования трансильванской армии.

Силы каждой из групп были следующие:

Северная группа состояла из 16-й пехотной дивизии, 2-й егерской дивизии и отряда генерала Олтяну; в общей сложности это составляло 22 батальона, 24 артбатареи и 12 кавалерийских эскадронов. Части группы располагались следующим образом: на первой линии, вдоль Тисы, на широком фронте заняла оборону 16-я дивизия. За ней в районе Ньиредьхаза, Дебрецен сосредоточилась 2-я егерская дивизия как резерв группы. Отряд генерала Олтяну прикрывал фланг группы у устья Самоша.

Южная группа трансильванской румынской армии состояла из двух дивизий — 22 батальона, 24 артбатареи и 4 кавалерийских эскадрона. Расположение этой группы было аналогично северному соседу: вдоль Тисы между Абадсалоком и устьем Мароша заняла оборону 18-я трансильванская дивизия, а за ней в качестве резерва группы в районе Бекешчабы расположилась 1-я егерская дивизия.

Общий резерв командования трансильванской румынской армии состоял из четырех дивизий; всего 24 ба-

тальона, 42 кавалерийских эскадрона и 23,5 артиллерийской батареи.

Дислокация войск противника свидетельствует о том, что командование румынской армии стремилось создать большую глубину обороны. При таком построении обороны значительная часть войск сосредоточивалась в качестве резерва командования армии. Подобно командованию армии, командования групп тоже стремились создать сильную оборону, оставляя половину подчиненных им сил в ее глубине. Несомненно, что такое построение обороны было очень удобным для нанесения сильных ударов по неприкрытым флангам наступающих венгерских войск с целью принудить их к отступлению.

В одном из румынских приказов, который удалось перехватить, говорилось, что командование румынских войск намеренно пропускало главные силы Красной армии, с тем чтобы иметь возможность нанести сильные удары по их неприкрытым флангам.

Непосредственно перед наступлением частей венгерской Красной армии, 19 июля, румынские войска в Затисье были усилены двумя новыми дивизиями — 20-й и 21-й. Поскольку обе дивизии не располагали артиллерией, румынское командование не использовало их отдельно, а только для усиления других частей.

В момент начала наступления соотношение противоборствующих сил было следующим:

в двух корпусах, 80-й бригаде и в исполняющей роль армейского резерва 3-й дивизии и 7-м кавалерийском полку всего было 78 пехотных батальонов, 3 кавалерийских дивизиона и 91 артбатарея;

румынские войска в Затисье и Северо-Западной Трансильвании составляли 92 пехотных батальона, 58 кавалерийских эскадронов и 80,5 артбатареи.

Противник, таким образом, в отношении пехотных и, особенно, кавалерийских подразделений обладал значительным превосходством перед Красной армией. В артиллерии к началу наступления Красная армия превосходила противника. Однако это превосходство продержалось всего лишь несколько дней, поскольку большую часть орудий составляли 100-мм гаубицы, а запаса снарядов к ним хватило лишь на несколько дней. После израсходования 100-мм снарядов орудийный парк Красной армии сократился почти наполовину.

В этих условиях и началось наступление венгерской Красной армии.

СНОВА ЗАГРОХОТАЛИ ПУШКИ

На рассвете 20 июля после мощной артиллерийской подготовки началось наступление. Успешная переправа войск через Тису поставила бы в затруднительное положение любую армию. Большинство мостов румынские войска давно взорвали. В распоряжении частей Красной армии находился только мост в Сольноке, но часть его, над поймой, тоже была взорвана противником. Переправочных средств было мало, а из тех, что имелись, много было непригодных.

Огонь сосредоточенных у Сольнока 210 орудий нанес противнику тяжелый урон и сломил сопротивление войск первой линии обороны.

«Нельзя отрицать, переправа прошла более гладко, чем я ожидал. Орудия румынской артиллерии, которые красной артиллерии не удалось подавить, продолжали вести огонь по правому берегу реки. Однако пехота противника совсем не проявила себя во время переправы. Близ понтона, на котором нас было человек двадцать, поднимались все новые и новые столбы воды. Поначалу всплески от снарядов смущали нас, но через несколько минут мы уже не обращали на них внимания. Когда мы достигли противоположного берега, я посмотрел на часы: все продолжалось не более двадцати минут»[1], — пишет Деже Яс, принимавший участие в переправе 101-го полка 6-й дивизии.

К 9 часам утра большая часть 6-й и 7-й дивизий переправилась на восточный берег реки. Войска, переправившиеся у Сольнока, значительных потерь не понесли.

После переправы через Тису немалые трудности представляло преодоление обширной заболоченной поймы реки. Особенно трудно продвигались по илистой почве орудия и повозки. В конце концов инженерные части построили деревянный настил от Тисы до Дебреценского шоссе, дав таким образом возможность продвинуться вперед артиллерии и обозу.

Сравнительно легко прошла и переправа 2-й дивизии у Чонграда.

«Назначенные для переправы войска находились в лодках три часа тридцать минут, частью на Кереше, частью на Тисе, и ловко переправились через вздувшиеся от паводка Тису и Кереш.

---

[1] Jász D. Tanácsmagyarországtól a Pireneusszig. Bp., 1969, 46.o.

Не найти примеров переправы через крупную реку на утлых паромах и лодчонках, под сильным артиллерийским и пулеметным огнем, как это было у Чонграда. Не было понтонных мостов, паровых паромов, судов и чонградских «дредноутов», как в шутку прозвали мелкие суденышки для перевозки пассажиров, все это румыны давно потопили.

Несмотря на все это, переправа прошла без потерь. Это свидетельствует о том, что операция Красной армии готовилась мастерски. Противник, убегая от переправлявшихся войск в восточном направлении, оставил большую часть снаряжения, много пулеметов и огромное количество боеприпасов. Победно наступавшие красные части захватили двадцать два пулемета, несколько сотен тысяч патронов, много другого оружия и амуниции», — писала 23 июля газета «Чонгради пролетар».

Главные силы 1-го корпуса продолжали наступление восточнее Сольнока.

На правом фланге части 2-й дивизии заняли Сентеш и Сегвар.

В этот день и 80-я бригада тоже попыталась форсировать Тису, однако переправа не удалась. Только мелкие подразделения сумели переправиться через реку и зацепиться на ее левом берегу. Неудача переправы объяснялась прежде всего саботажем в тыловых органах Главного командования. Контрреволюционеры, действовавшие в руководящих органах Красной армии, особую ненависть питали к бойцам-интернационалистам и потому всеми средствами стремились причинить как можно больше вреда 80-й бригаде. Хотя командование армии имело в своем распоряжении 91 артбатарею, для выполнявшей самостоятельно задачу 80-й бригады была выделена всего лишь одна артиллерийская батарея, но орудия этой батареи вскоре умолкли, так как не было снарядов. Пехота тоже не получила достаточного количества боеприпасов, ибо большая часть поступивших боеприпасов оказалась негодной для ведения боя.

«Боеприпасов было мало, их приходилось ждать, а среди полученного было много учебных и холостых патронов», — пишет в своих воспоминаниях один из участников боев 80-й бригады. О том, что солдаты 80-й бригады получили вместо боевых патронов учебные, свидетельствуют и воспоминания контрреволюционно настроенных офицеров, служивших в генеральном штабе.

Переправа бригады в большой степени затруднялась

и нехваткой переправочных средств. Эшелон с необходимыми переправочными средствами предатели загнали на запасные пути в Фюзешабонь, и бригада напрасно прождала их. В распоряжении войск имелся лишь один моторный паром, но в первые же дни и этот паром «по техническим причинам» пришел в негодность. Таким образом, бригада располагала только подручными переправочными средствами.

21 июля войска 3-го корпуса, несмотря на контрудары противника, удержали линию Тимар, Надьфалу, Гисаэслар. В этих боях особо отличились бойцы 1-го и 3-го батальонов 9-го рабочего полка. В рукопашном бою они отбили несколько атак противника. На левом фланге главных сил 23-й пехотный полк, переправлявшийся в боевых порядках 3-й бригады, из-за отсутствия артиллерийской поддержки и слабого руководства был рассеян контратакой противника и в панике отступил. Это создало серьезные помехи на левом фланге главных сил. Лишь благодаря решительным мерам, принятым командованием корпуса, серьезная опасность была устранена.

22 июля силы главной наступающей группировки Красной армии восточнее Сольнока продолжали продвижение вперед.

7-я дивизия продвинулась до района Пуста Надь По. 6-я дивизия к вечеру достигла Федьвернека. 7-й кавалерийский полк, в соответствии с указанием Главного командования армии от 20 июля, обогнав 6-ю дивизию, подошел к Кендерешу. Командование 1-го корпуса выслало разведывательные отряды в направлении Мезетур, Кишуйсаллаш и Кунхедьеш.

В этот день войска 2-й дивизии сосредоточились у Сентеша. Командир дивизии доложил, что противостоящие ему значительные силы противника готовятся к контрнаступлению. Он сообщил, что один пехотный полк противника продвигается к Мезетуру, а по направлению к Ходмезевашархей, Сентеш движется целая бригада.

22 июля и 80-й бригаде удалось переправиться на восточный берег Тисы. Между Поросло и Тисафюредом переправились два батальона и оттеснили противника к Тисафюреду. Другой батальон форсировал реку у Дорогмы, северо-восточнее Тисафюреда, не встретив на этот раз сопротивления. Находившийся на левом фланге бригады батальон попытался переправиться у Арокте, но наткнулся на сильный огонь противника. Командир бригады решил, что если и на следующий день этому

батальону не удастся переправиться через реку из-за сильного сопротивления противника, то он переправит его следом за двумя батальонами 28-го интернационального полка.

На участке 3-го корпуса было сравнительно спокойно. Части корпуса, тесня сравнительно небольшие силы противника, расширяли плацдарм, занятый за два дня до этого.

Вечером 22 июля генеральный штаб отдал корпусу приказ на последующие дни — продолжать наступление более высокими темпами. Это означало, что прежнее эшелонированное построение следует ликвидировать и 5-ю дивизию также выдвинуть в первый эшелон. Такое распоряжение сильно обеспокоило командира 1-го корпуса, поскольку оно означало, что корпус, по существу, оставался без резервов. Угрозу усиливал и тот факт, что ни один из флангов наступающей уже в значительной глубине группировки не был должным образом прикрыт. Относительно обеспечения флангов в этом приказе Главного командования армии говорилось, что продвижение корпуса на его левом фланге и перед ним обеспечивается 7-м кавалерийским полком, а за правым флангом — 2-й дивизией. Однако такое распоряжение не могло никого удовлетворить. Становилось совершенно очевидным, что между флангом 2-й дивизии и правым крылом наступающей группировки возникал примерно 40-километровый разрыв, которым противник мог легко воспользоваться для нанесения удара во фланг главных сил 1-го корпуса. Так же мало успокоительного было и в указании, что главные силы обеспечиваются 7-м кавалерийским полком. И здесь, на левом фланге наступающей главной группировки, для противника открывалась отличная возможность ударить во фланг, в широкий разрыв между 7-м кавалерийским полком и войсками 80-й бригады, в направлении на Кунхедеш.

23 июля сольнокская группировка 1-го корпуса продолжала продвижение, в ходе которого войска 6-й дивизии заняли Кишуйсаллаш и Кунхедеш. До вечера 7-я дивизия продвигалась в направлении Мезетура, а выдвинутая вперед 5-я дивизия — в направлении Туркеве и достигла Береттьо. 7-й кавалерийский полк севернее Кендереша натолкнулся на кавалерийскую группу противника и, отбросив ее, продвинулся до Карцага.

Уязвимость правого фланга 1-го корпуса в значительной степени увеличивалась тем, что 23 июля части 2-й

дивизии из-за контрудара 1-й егерской бригады и егерского полка противника в большинстве своем отошли на западный берег Тисы. Против находившихся у Миндсента частей 2-й дивизии со стороны Орошхазы выдвинулись две колонны противника, в направлении Сегвара — группировка из четырех батальонов и четырех батарей, а со стороны Мартея наступал отряд силой до пехотного батальона с кавалерийским эскадроном и артбатареей. Вскоре противник, захватив Сегвар и Миндсент, ударил по частям, занимавшим Сентеш, и вынудил их отойти на правый берег Тисы. На левом берегу остался всего лишь один небольшой плацдарм. Несомненно, что противнику с численно меньшими силами удалось заставить 2-ю дивизию отступить только потому, что изменники — офицеры дивизии намеренно занимались саботажем. Начальник штаба дивизии Белди был связан со штабом Хорти; позднее его заслуги контрреволюция отметила тем, что присвоила Белди звание генерал-лейтенанта и назначила главным руководителем по воспитанию фашистской молодежи.

23 июля в полосе 80-й бригады противник не проявил сильного сопротивления.

Командование бригады получило донесение, что противник отходит к Дебрецену. Это и тот факт, что 23 июля румынские войска не оказали должного сопротивления частям бригады, усыпили бдительность командования. Командование бригады, как и весь личный состав, рассчитывало, что в ближайшие дни противник не предпримет значительных контрмер.

К вечеру 23 июля войска 3-го корпуса вышли на линию Гава. За день до этого, 22 июля, румынские войска из-за быстрого отхода оторвались от корпуса. В соприкосновение с противником корпус не сумел войти и 23 июля.

Хотя части Красной армии к 23 июля еще не встретились с главными силами противника, в директиве, изданной генеральным штабом 24 июля, положение противника оценивалось так, словно его главные силы уже были брошены в бой, понесли частичные потери, и вследствие этого главное командование румынской армии в дальнейшем может получить для подкрепления максимум две бригады и одну дивизию.

Подчеркивая это, генеральный штаб поставил перед наступавшими войсками задачу продолжать в быстром темпе движение вперед.

По указанию генерального штаба 24 июля основные силы корпуса должны были находиться на линии Мезетур, Туркеве, Кишуйсаллаш. 2-я дивизия получила задание прорвать линию обороны противника в восточном направлении и продолжать наступление на Кондорош и Бекешчабу.

По распоряжению генерального штаба 80-й бригаде следовало быстро продвигаться на Дебрецен.

3-му корпусу в ходе дальнейших боев предписывалось своим флангом выдвинуться к Ньиредьхазе.

Таким образом, засевшие в генеральном штабе предатели приказали сольнокской группировке наступать дальше, несмотря на то что такое продвижение увеличивало разрыв между нею и силами Красной армии у Чонграда и Тисафюреда, что еще больше оголяло фланги. Если бы начальник генерального штаба действительно беспокоился за судьбу вверенных ему войск, он, разумеется, не подгонял главные силы 1-го корпуса, когда его незащищенный фланг так и напрашивался на удар со стороны противника. Но Жулье и его коллеги руководствовались враждебными намерениями, и разгром частей Красной армии был в их интересах. Командующий войсками Красной армии Ене Ландлер не разбирался в военных делах настолько, чтобы образованные в военном отношении работники генерального штаба не могли его убедить в правильности их рекомендаций. Кроме того, Ландлера ввели в заблуждение сведения о силах противника и ожидаемых им подкреплениях, согласно которым противник по всему Затисью располагал всего пятью-шестью дивизиями.

23 июля завершился первый этап наступательной операции венгерской Красной армии в Затисье. До этого операции характеризовались наступлением частей Красной армии и отступлением войск противника. С 24 июля картина боевых действий изменилась: главные силы противника перешли в контрнаступление и войска Красной армии из-за превосходства противника в силах и измены в ее руководящих органах были вынуждены отступать.

Генеральный штаб румынской интервенционистской армии за несколько дней, последовавшие за началом наступления Красной армии, убедился, что наступление ее войск развивается действительно по планам, переданным в его распоряжение предателями из венгерского генерального штаба.

В соответствии с этим генерал Мардареску и его штаб разработали план контрнаступления.

По этому плану Северной группе румынских войск была поставлена задача на участке своей обороны сдержать наступление 3-го корпуса Красной армии и прикрыть линию Тисы южнее Ракамаза.

Южная группа получила указание, чтобы 18-я пехотная дивизия с боями продолжала отступать от рубежа к рубежу, уступая давлению главных сил Красной армии, прощупывая ее группировку, а находившейся в резерве группы 1-й егерской дивизии энергичными контрударами задержать и связать венгерские войска на рубеже западнее Кишуйсаллаш, Мезетур, Орошхаза.

Три дивизии из четырех, находившихся в общем резерве командования румынской армии, составили так называемую маневренную группу, которая получила задачу: продвигаясь между Северной и Южной группами, подготовиться к контрудару по северному флангу наступающих главных сил Красной армии. Для этого 2-я кавалерийская дивизия должна была сосредоточиться в районе Кунмадараш, Карцаг, 1-я дивизия — в районе Каба, Пюшпекладань, а 6-я дивизия — в районе Баранда.

До 24 июля маневренная группа противника уже вышла в районы сосредоточения: одна из бригад 6-й пехотной дивизии сосредоточилась у Карцага, другая — в районе Хариевни, расположенной от Карцага в 10 километрах к северо-востоку. 2-я кавалерийская дивизия сосредоточилась в районе Кунмадараша с задачей обеспечивать правый фланг и тыл маневренной группировки.

Штаб генерала Мардареску для контрнаступления маневренной группы разработал следующий план.

Одному полку 2-й кавалерийской дивизии, усиленному ротой самокатчиков и одной батареей, наступать от Кунмадараша в направлении Тисасентимре, Тисаигар, чтобы во взаимодействии с частями северной группировки вернуть Тисафюред. После захвата Тисафюреда полк должен прикрывать правое крыло маневренной группы. Остальным частям 2-й кавалерийской дивизии — продвигаться в направлении Кунхедьеша и занять этот населенный пункт.

1-я дивизия получила задачу наступать в направлении Федьвернека и оттеснить противостоящие части Красной армии к Сольноку.

Одной из бригад 6-й дивизии предстояло наступать

через Карцаг на Кишуйсаллаш, чтобы во взаимодействии с частями северной группировки занять этот населенный пункт. Резерву двигаться за 1-й дивизией и в случае необходимости иметь возможность оказать помощь на флангах.

Одновременно с действиями маневренной группы в контрнаступление переходили Северная и Южная группы.

Одному усиленному полку 2-й егерской дивизии Северной группы одновременно с уже упомянутым выше кавалерийским полком маневренной группы следовало начать наступать с востока на Тисафюред.

Главным силам Южной группы, сосредоточившись в районе Сарваш, Эчед, Кунсентмартон, во взаимодействии с маневренной группой нанести удар с юга по правому флангу и тылу сольнокской группировки венгерской Красной армии.

Итак, противник не упустил возможности, которая с преступным умыслом была предоставлена ему в виде оголенных флангов наступающей группировки Красной армии.

24 июля крупными силами началось хорошо подготовленное контрнаступление румынских войск против частей Красной армии. Часть ее 1-го корпуса в первой половине дня еще продолжала наступать, однако вскоре после полудня на северном фланге с 6-й венгерской дивизией начались тяжелые бои, в ходе которых ее обе бригады вынуждены были отступить. К вечеру 6-я дивизия, оставив Кендереш, отошла на линию Кишуйсаллаш, Федьвернек.

Находясь в тяжелом положении, которое сложилось на северном фланге сольнокской группировки, командование 1-го корпуса было вынуждено из-за отсутствия второго эшелона (соответственно и резерва) отвлечь силы у 5-й дивизии для поддержки 6-й дивизии. Поскольку противник пока не атаковал 5-ю дивизию, командование корпуса передало эту дивизию в подчинение 6-й дивизии и приказало, оставив в Туркеве всего один смешанный отряд, остальными силами немедленно включиться в бои, идущие в полосе между Кишуйсаллашем и Кендерешем.

Хотя удар противника по левому флангу сольнокской группировки предупреждал о возможности тяжелых потерь на этом направлении, Главное командование только поздно вечером предоставило в распоряжение командова-

ния 1-го корпуса 3-ю дивизию, находившуюся в резерве армии, с условием, что силы этой дивизии могут быть использованы лишь в исключительном случае. Такое усиление не особенно облегчило положение 1-го корпуса. Поскольку командование 2-й дивизии занималось саботажем, можно было ожидать, что противник начнет наступление во фланг сольнокской группировке и поведет его в южном направлении. Поэтому командование корпуса решило, по возможности, держать 3-ю дивизию для обеспечения своего правого фланга и тыла. О том, насколько это решение было правильным, свидетельствуют расстановка сил и намерения противника, которые мы уже описали выше.

Незадолго до полуночи Главное командование приказало командиру 1-го корпуса, чтобы сольнокская группировка, уклонившись от решительных боев, отступила на линию Руста Надь По, Федьвернек.

В приказе сообщалось, что Главное командование армии намерено по прибытии подкреплений возобновить наступление.

По приказу должны были отступить на 12—15 километров даже те части сольнокской группировки, против которых противник пока еще не наступал. А потом кроме находившейся в тылу корпуса 3-й дивизии пришлось отвести вплоть до Теренсентмиклоша одну из трех дивизий, ведущих бои в первом эшелоне. Было ясно, что такого рода отходы сильно подорвут боевой дух красноармейцев.

24 июля одновременно с юга и востока началось наступление противника и против 80-й бригады. По планам штаба генерала Мардареску, на четыре батальона 80-й бригады наступали с юга через Тисасентимре и Тисаигар один усиленный кавалерийский полк, а со стороны Дебрецена — один пехотный полк и два батальона.

Наступление превосходящих сил противника застало бригаду неподготовленной. Командование не позаботилось о надлежащей разведке и считало, что бригаде не грозит опасность.

Войска противника в полдень нанесли удар по бригаде и, воспользовавшись количественным и техническим превосходством, оттеснили ее к Тисе. Единственная батарея 80-й бригады не смогла оказать поддержки обороняющимся частям.

Боеприпасы иссякли. Из-за этого пришлось прекратить огонь не только орудиям, но и пехоте. Боеприпасы

для бригады прибыли на железнодорожную станцию Поросло с большим опозданием. Солдаты, которым была поручена доставка боеприпасов, с завидной быстротой разгрузили вагоны и, надрываясь, несли ящики с боеприпасами своим товарищам, отчаянно оборонявшимся у Тисы. «...Продвигаясь по-пластунски, мы тащили тяжелые ящики и собственное оружие, стараясь поскорее достичь передовой линии. Наши боевые товарищи ползли навстречу. Грязные, сердито ругались. Мы, передав им боеприпасы, быстро возвращались за новыми ящиками. В окопах вскрыли ящики. Телефонист позвал меня к полевому телефону. Из трубки слышна была ужасная ругань. «Предательство! — кричали они в отчаянии. — Мы вскрыли первый, второй... десятый ящики, в которых вместо боевых патронов оказались холостые!» На передовой царил полный хаос» [1], — вспоминает один из интернационалистов, поляк по национальности. Из-за нехватки переправочных средств перебраться на западный берег Тисы смогла лишь небольшая часть бойцов, остальные погибли в рукопашном бою, многие утонули в Тисе, некоторые попали в плен.

Очевидец так описывает схватку интернационалистов с превосходящими силами противника:

«Румыны перешли в контрнаступление. Они хорошо снаряжены. Русские не отступают, переходят в рукопашную, колют, режут румын, но превосходящие силы противника теснят красный полк русских и австрийцев к густому лесу на берегу Тисы. Напрасно мы просили поддержать нас артиллерией, ее отвели в тыл, а маленький понтон мог переправить немногих.

Румыны прижали красноармейцев к Тисе. Здесь многие погибли. Потом и нам пришлось отступить в Фюзешабонь, и тогда мы увидели, что лодки и понтоны уже давно находились на запасном пути станции Фюзешабонь. Нам стало ясно, что среди нас было много предателей» [2].

В тисафюредских боях от 80-й бригады участвовало 1626 бойцов. 893 из них погибли или попали в плен.

24 июля против частей 3-го корпуса также было предпринято контрнаступление крупных сил противника. Утром и в полдень враг энергично атаковал позиции

---

[1] Липтак Э. Венгерская советская республика, с. 357.
[2] Sarló és Kalapács, 1931, 3—4 sz. 53.o.

2-й бригады, протянувшиеся примерно в четырех километрах юго-восточнее Надьфалу. Разгорелся жаркий бой, в ходе которого противник временно овладел частью оборонительных позиций бригады. Однако бригада, перегруппировав силы, контратаковала и вскоре восстановила положение. Три батальона бригады в героических боях понесли тяжелые потери, погибла или была ранена и большая часть командиров. Из-за больших потерь командование корпуса было вынуждено отвести под покровом ночи два батальона 39-го полка в Надьфалу, чтобы пополнить их вновь прибывшими маршевыми ротами.

В полдень противник перешел в наступление на войска 1-й дивизии, расположенные у восточной окраины села Гава. В ходе боев врагу удалось добиться временного успеха, но, контратакованный, он был вынужден отойти назад.

Командир 3-го корпуса в соответствии с полученным от Главного командования армии указанием провел подготовку к продолжению наступления в направлении на Ньиредьхазу.

25 июля продолжалось контрнаступление румынских войск в полосе обороны 1-го корпуса Красной армии. Оно имело успех на правом фланге корпуса на участке, занимаемом 2-й дивизией, расположенной северо-западнее Сентеша. К вечеру части Красной армии полностью оставили плацдарм в этом районе и противник вышел к Тисе.

Наступление противника продолжалось и против сольнокской группировки. Дивизии маневренной группы румынской армии в первой половине дня дважды наносили удар со стороны Федьвернека по левому флангу 6-й дивизии. В течение дня 6-я дивизия отбила 12 атак противника. Превосходящие силы противника только во второй половине дня принудили отступить части дивизии. Против двух других дивизий первого эшелона в первой половине дня противник не наступал. Дело в том, что противник вовсе не рассчитывал, что командование Красной армии быстро отведет 5-ю дивизию от Туркеве и 7-ю дивизию от Мезетура. Еще в утренние часы враг обстреливал Мезетур, полагая, что там расположены красные части. Только в полдень его войска вступили в соприкосновение с частями 7-й дивизии. Командир корпуса направил на угрожаемый участок полк 5-й дивизии, сосредоточенной в тылу 7-й. За ним на угрожаемый участок был выдвинут 7-й кавалерийский полк.

И хотя боевая обстановка этого еще не требовала, Жулье приказал войскам 1-го корпуса начать новое, более крупное отступление. По приказу 1-му корпусу надлежало сосредоточиться на узком плацдарме за линией виноградников Тисасайол-Сандаи. Начальник генерального штаба распорядился перевезти часть войск 1-го корпуса на запад от Тисы, в район Уйсас, Ясладань и Тапиоселе.

Хотя 25 июля противник и не наступал на 3-й корпус, Жулье все-таки распорядился отвести войска 3-го корпуса в течение ночи на западный берег Тисы, мост разобрать и сосредоточить резервы в районе Серенча и Тисалуца.

Бойцам и верным диктатуре пролетариата командирам было совершенно непонятно, почему следовало вторично отводить войска, когда боевая обстановка вовсе этого не требовала. Бойцы по праву подозревали измену, они все больше озлоблялись против генерального штаба и большей части кадровых офицеров, которые нередко даже не скрывали своего злорадства по поводу очередного провала наступления Красной армии. О настроении солдат стало известно и генеральному штабу.

«Отовсюду можно слышать, что в войсках началось сильное брожение против кадровых офицеров как людей, которые умышленно желали поражения. К счастью, это брожение не привело к взрыву» [1], — писал в своих мемуарах Жулье, который вместе с другими предателями-офицерами содрогался от одной только мысли, что бойцы Красной армии в своем справедливом возмущении могут заслуженно покарать их.

25 июля Жулье полагал, что цель, стоявшая перед ним, когда он отдавал приказ о наступлении в Затисье — катастрофа Красной армии, — достигнута. В тот же день вечером он подал главнокомандующему армией Ене Ландлеру рапорт с просьбой об освобождении его от должности начальника генерального штаба. В рапорте, фальсифицируя события, он пытался возложить ответственность за срыв наступления на бойцов и на господствовавший в армии упаднический дух. Свою ошибку он признавал только в том, что неправильно оценил внутренние возможности частей Красной армии.

Ландлер не принял отставки Жулье. Он не распознал измены начальника генерального штаба, считая, что

---

[1] Magyarság, 1927, jun. 13.

тот действует с благородными намерениями. К тому же он еще опасался, что в случае ухода Жулье будет трудно найти человека, который располагал бы столь высокой военной подготовкой, согласился бы в такой тяжелой обстановке занять этот пост. Таким образом, руководство операциями Красной армии продолжало оставаться в руках предателей.

26 июля по всему фронту на Тисе продолжалось отступление частей Красной армии. В ночь на 26 июля войска сольнокской группировки вместо линии, проходящей по виноградникам Тисасайол-Сандаи, отступили вплоть до Сольнока, имея на восточном берегу Тисы всего лишь небольшой плацдарм.

«Начавшееся вчера во второй половине дня наступление противника у Федьвернека, а также между Пуста Надьпо и Мартфю привело к частичному прорыву нашей линии обороны, а также из-за сильного ослабления войск в течение ночи мы отвели на плацдарм на западном берегу Тисы две дивизии (3-ю и 5-ю) и ядро артиллерии...» — докладывал командир 1-го корпуса.

По распоряжению командования армии части 3-го корпуса тоже отошли на правый берег Тисы. Отход главных сил корпуса у Токая прошел гладко, без нажима со стороны противника. После завершения переправы временный мост у Токая был разобран.

Командир 3-го корпуса в своем донесении об отступлении, направленном Главному командованию армии, констатировал, что боевой дух войск до получения приказа об отступлении был весьма высоким и корпус был готов к назначенному на 26 июля наступлению.

Главное командование армии отдало распоряжение 1-му корпусу усилить сольнокский плацдарм войсками 4-й дивизии. Одновременно Главное командование отвело в резерв армии: 2-ю дивизию в район Кишкунфельедьхаза, Кечкемет; 6-ю дивизию — в район Таписоселе, Ясладань, Уйсас; 7-ю дивизию — в район Надькереш, Абонь, Тертел.

Остаткам 80-й интернациональной бригады следовало отойти в Фюзешабонь, место бригады у Поросло должен был занять 5-й рабочий полк.

Это распоряжение Главнокомандования было выполнено лишь частично. К 27 июля войска, удерживавшие сольнокский плацдарм, под давлением превосходящих сил противника отошли на правый берег Тисы.

Со сдачей сольнокского плацдарма отступили на западный берег Тисы и последние части Красной армии. После боев, длившихся неделю, войска Красной армии находились там же, где они были до начала наступления, но теперь они были значительно ослаблены. Гораздо большими, чем человеческие и материальные потери, были потери моральные, которые венгерская Красная армия понесла при отступлении. Тяжелое моральное воздействие оказал на личный состав быстрый отход со всех позиций, хотя он не мог быть объяснен контрнаступлением войск противника, которое только развертывалось. Среди бойцов росло убеждение в том, что они сражаются напрасно, когда изменники, действующие в высшем руководстве Красной армии, используют любой повод, чтобы сдать противнику кровью завоеванную территорию.

«Отступление на западный берег Тисы сильно подорвало моральный дух, боеспособность войск армии. Эта неудача вызвала в войсках чувство разочарования, отсутствие надежды на успех в дальнейших боях»[1], — докладывал командир 3-го корпуса о настроении в войсках после отступления. Об аналогичном положении докладывал и командир 1-го корпуса: «...В большой части войск моральный дух понизился. В отдельных соединениях части находятся в состоянии распада»[2].

Провал наступления за Тисой, поражение преданной, разложенной Красной армии нанесли диктатуре пролетариата смертельный удар. Массами овладело отчаяние и озлобление.

Отчаяние, чувство безнадежности усиливались еще и тем, что та помощь извне, на которую так надеялись руководители и верные диктатуре пролетариата трудящиеся как на последнюю возможность, не была оказана.

Революционное крыло международного рабочего движения планировало провести в капиталистических странах 21 июля крупные демонстрации в защиту Советской России и Венгерской советской республики. Венгерские коммунисты, левые социал-демократы надеялись, что акции солидарности европейского рабочего класса сорвут или по крайней мере затруднят в значительной степени вооруженную интервенцию против Венгерской советской республики, принудят буржуазные державы пойти на компромисс.

---

[1] Липтаи Э. Венгерская советская республика, с. 359.
[2] Там же.

21 июля в нескольких странах, например в Австрии и Румынии, промышленный пролетариат всеобщей забастовкой, смелыми демонстрациями выразил свою солидарность с российским и венгерским пролетариатом. Но в решающих с точки зрения успеха странах правительствам с помощью правых лидеров рабочего движения удалось предотвратить забастовки.

Крах надежды на всемирную забастовку дополнил разочарование, вызванное неблагоприятным формированием международной обстановки, особенно у тех, кто судьбу диктатуры пролетариата ставил в зависимость от скорой победы мировой революции. Задержка с наступлением Красной Армии Советской России в западном направлении, поражение Баварской советской республики, подавление июньских выступлений венского пролетариата, подписание мирного договора с Германией — все это серьезно подорвало веру руководителей и части трудящихся масс в возможность сохранения диктатуры пролетариата в Венгрии.

В поражении Красной армии на фронтах, в безрезультатности всемирной стачки 21 июля правые усмотрели подтверждение своих позиций. Они еще больше активизировали деятельность по формированию такого социал-демократического правительства, которое пользовалось бы поддержкой Антанты, ликвидировало диктатуру пролетариата и постепенно восстановило бы буржуазный строй. Эта же цель занимала центральное место в деятельности Бема в Вене.

При посредничестве лидеров австрийской социал-демократической партии Бем установил контакт с миссией Антанты. 23 июля уполномоченные Антанты в Вене обсудили условия, которые они считали основой для переговоров с венгерскими социал-демократами. Эти условия, по существу, отражали соглашения, заключенные ранее между правым крылом венгерских социал-демократов и представителями Антанты.

24 июля в Вену прибыли Велтнер и Пейер.

25 июля руководитель американской «Организации помощи» Гувер информировал мирную конференцию о переговорах с Бемом в Вене.

«Генерал Бем заявил, что, если бы союзники соответствующим образом его поддержали и дали бы определенные обещания, главным образом относительно упразднения блокады и поставок продовольствия, с одновременным открытием движения по Дунаю, он со своей стороны

склонен был создать социал-демократическое правительство, временным диктатором которого стал бы сам, а Белу Куна лишили бы власти, прекратились бы всякие террористические действия и был бы восстановлен порядок» [1], — докладывал Гувер.

Английский министр иностранных дел Бальфур относился к Бему с явным недоверием. Он считал, что для Антанты было бы лучше, если бы Бем с помощью Красной армии сверг диктатуру пролетариата и установил в стране военную диктатуру, с тем чтобы потом созвать учредительное национальное собрание. Бальфур заявил: «Такое решение имеет большое преимущество. В наших странах везде имеются секции, члены которых, не являясь большевиками, в известной степени симпатизируют большевистской программе. Эта часть общественности самым решительным образом выступает против военной акции в отношении большевиков. Можно избежать этих неприятностей, если мы что-либо предпримем через Бема» [2].

Кулидж успокоил Бальфура, заверив, что на Бема вполне можно положиться, поскольку его политические взгляды не левые, а скорее правые.

Участники совещания решили проконсультироваться с маршалом Фошем по этому поводу.

На другой день, 26 июля, мирная конференция вновь вернулась к этому вопросу. Снова возникла идея напасть на Венгерскую советскую республику объединенными силами. Хотя Бальфур упорно настаивал на применении вооруженного насилия, Клемансо и итальянский министр иностранных дел Титтони отклонили это предложение, сославшись на внутриполитические причины. В конце концов сошлись на том, что они сообща опубликуют заявление, в котором констатируют, что Антанта охотно заключила бы мир с Венгрией, вывела войска из Затисья и, прекратив блокаду, могла бы поставить и продовольствие, но не согласна вести переговоры с правительством диктатуры пролетариата.

Антанта не располагала такими запасами продовольствия, из которых могла бы выделить значительное количество для Венгрии. Страны-победительницы — Франция, Англия и Италия — и сами испытывали немало забот со снабжением продовольствием собственного населения. Империалистические политики вовсе не думали всерьез

---

[1] Липтан Э. Венгерская советская республика, с. 361.
[2] Там же, с. 362.

помочь Венгрии продовольствием. И их заявление, как и ноты Клемансо в июне, являлось не чем иным, как маневром, с целью обмануть обещаниями советское правительство и венгерский народ.

Заявление Антанты было полностью опубликовано 20 июля в газете «Непсава». Разлагающее влияние этого заявления углубило еще больше кризис диктатуры пролетариата.

В дни смертельной опасности, грозившей Венгерской советской республике со стороны румынских контрреволюционных войск, снова встал вопрос о взаимодействии Красных Армий Советской России и советской Венгрии.

Во время июньских успехов венгерской Красной армии казалось, что Венгерская советская республика пока может справиться собственными силами со своими врагами. Поэтому вопрос о помощи со стороны Красной Армии и прорыве ее через Галицию не был первостепенным. В то время когда Венгерская советская республика отмечала свои июньские успехи в Северном походе, сведения, приходившие из России, были весьма неблагоприятны. 17 июня представитель Венгерской советской республики в Москве докладывал Беле Куну, что «военное положение очень тяжелое. Падение Петрограда вопрос нескольких дней» [1]. Хотя Петроград и устоял, положение было, несомненно, критическим. 24 июня тот же представитель сообщал из Москвы: «Успехи казаков на юге задерживают начало операции в Галиции. Организация интернационалистов централизованна» [2]. Однако формирование Киевской интернациональной бригады шло медленно. Бойцы-интернационалисты, сражавшиеся на Восточном и Южном фронтах Советской России, во время самых трудных боев не могли покинуть фронт.

В течение июля военное положение Советской России и Украины не только не улучшилось, а ухудшилось. 9 июля в письме крестьянским организациям Ленин писал: «Наступил один из самых критических, по всей вероятности, даже самый критический момент социалистической революции» [3]. В конце июня белогвардейцы заняли Царицын, и 3 июля Деникин издал приказ всем белым армиям наступать на Москву.

---

[1] Архив ИМЛ, ф. 21/49/, оп. 1.
[2] Там же.
[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 44.

Для устранения смертельной опасности, грозящей со стороны армии Деникина, Красной Армии нужно было направить все силы против Деникина, в том числе и части с Бессарабского фронта. Это обстоятельство дало возможность главному командованию румынской армии снять дивизии с Бессарабского фронта и перебросить их для подкрепления своих войск в Затисье.

Когда Революционный правительственный совет утвердил план наступления венгерской Красной армии в Затисье, Бела Кун послал в Москву телеграмму, в которой говорилось, что наступление в Галиции жизненно важно для Венгрии. Это же он повторил и в телеграмме от 19 июля, перед начало операций в Затисье.

Однако на Советской Украине дела сложились далеко не так, чтобы Красная Армия с Украины могла поспешить на помощь Венгерской советской республике. Контрреволюция вынудила Красную Армию обороняться и отступать. В конце июля и в течение августа бои шли уже за Киев, и белые, получив временный перевес в силах, 12 августа заняли Винницу, а 30-го — Киев.

Несмотря на это, В. И. Ленин в беседе с венгерским представителем в Москве в конце июля просил сообщить в Будапешт о том, что будет сделано все возможное для оказания помощи венгерским друзьям, однако силы Советской России пока невелики. Победа Красной Армии на Урале освободила венгерских военнопленных, которые срочно направляются на украинский и румынский фронты [1].

«Мы знаем тяжелое и опасное положение Венгрии и делаем все, что можем. Но быстрая помощь иногда физически невозможна. Старайтесь продержаться как можно дольше. Всякая неделя дорога. Запасайте припасы в Будапеште, укрепляйте город» [2], — подчеркивал Ленин в своем письме к Беле Куну.

Неблагоприятно складывавшееся международное положение еще ярче показало, сколь роковой ошибкой было наступление в Затисье.

После того как румынская армия снова вышла на линию Тисы, она энергично начала готовиться к форсированию Тисы и наступлению на Будапешт. Главное командование румынской армии 27 июля отдало командова-

---

[1] См.: Ретн Л. Ленин и венгерское рабочее движение. М., 1972, с. 184.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 27—28.

нию трансильванской армии приказ подготовиться к форсированию Тисы и наступлению в дальнейшем на венгерскую столицу.

В соответствии с этим главное командование румынской армии усилило трансильванскую армию новыми войсками. Из Северной части Молдавии в Затисье была переброшена 7-я дивизия, которая в мае была направлена на Восточный фронт, сюда же направили из Баната и 2-ю пехотную дивизию, а также полк горных стрелков и два егерских полка. Значительно была усилена и артиллерия. Вместе с полученным подкреплением готовившаяся к форсированию Тисы трансильванская армия румын состояла из 119 батальонов, 98,5 артбатареи и 60 кавалерийских эскадронов.

Начало общего наступления командование румынской армии назначило в ночь на 30 июля.

После вывода войск из Затисья перед командованием Красной армии встала задача привести в порядок потрепанные в ходе отступления части и организовать оборону по линии Тисы. Хотя противник и располагал значительным превосходством, Красная армия и после отступления располагала достаточными силами, чтобы помешать переправе румынских войск через Тису. Эта задача облегчалась тем, что мосты через Тису были разрушены, противник располагал небольшим количеством переправочных средств, поэтому значительные силы он мог переправить через реку лишь в нескольких пунктах. Однако Главное командование Красной армии не было готово должным образом помешать переправе румынских контрреволюционных войск через Тису.

Одна из причин заключалась в том, что Главное командование армии не принимало всерьез возможности попытки противника переправиться через Тису. Многочисленные документы говорят о том, что командование Красной армии считало, что правительство румынских бояр, подобно тому, как оно сделало это в первые дни мая, остановит свои войска на линии Тисы, тем более что на основании обещания Антанты им все равно пришлось бы потом отходить. В кругу офицеров генерального штаба преобладало мнение, что румынское военное руководство не осмелится предпринять такую крупную операцию. Это мнение было характерным для бывших офицеров с шовинистическим образом мышления, которые считали, что румынское военное руководство недостаточно решительно, чтобы пойти на такое.

Для срыва переправы румынских войск через Тису не было предпринято никаких подготовительных мер потому, что сам начальник генерального штаба хотел, чтобы противник, захватив Будапешт, сверг диктатуру пролетариата. Жулье, вместо того чтобы постараться укрепить линию Тисы, скорее ослаблял ее. Например, 7-й кавалерийский полк с Тисы он отправил в Задунайщину, во 2-й корпус. Начальник генерального штаба, действуя как предатель, с самого начала старался сделать невозможной защиту Будапешта. Шедшие уже в течение нескольких месяцев фортификационные работы вокруг Будапешта он приостановил, приказав расформировать дивизию, предназначенную для защиты предмостных укреплений.

27 июля отозванные в резерв армии 2, 7 и 6-я дивизии передали в распоряжение Главного командования армий. 3, 4 и 5-я дивизии остались в подчинении 1-го корпуса.

29 июля 18-я румынская дивизия переправилась через Тису у Тиса-Ладань и Тактакенез и, захватив эти населенные пункты, создала плацдарм.

Принимая во внимание, что боевая способность войск 3-го корпуса из-за приказа об отступлении быстро падала, командование корпуса полагало, что не сможет отбросить переправившиеся силы противника и поэтому части, расположенные восточнее Токая, находятся под серьезной угрозой. Командир корпуса попросил разрешения отвести части, расположенные восточнее Токая, на что и получил согласие сверху.

Мероприятия Главного командования армии были далеко не достаточными для того, чтобы Красная армия уверенно встретила наступление румынской армии. Устранение смертельной опасности было возможным, если бы советское правительство, как и в первые дни мая, собрав все силы, мобилизовало массы трудящихся на защиту родины и одновременно нанесло сокрушительный удар по предателям и саботажникам, засевшим в руководстве Красной армии. Коммунисты и левые социал-демократические лидеры (хотя и старались всячески избежать катастрофы) в это время уже не имели возможностей для того, чтобы вопреки воле правых социал-демократических лидеров, стремившихся ликвидировать советскую республику, взять в свои руки руководство событиями.

В ночь на 30 июля, по планам командования трансильванской румынской армии, войска генерала Холбана

начали форсирование Тисы у Тиса-Бе, и к вечеру они уже создали широкий плацдарм на западном берегу Тисы.

Одновременно остальные части румынской армии, стоявшие на линии Тисы, демонстрировали попытку форсировать реку, чтобы отвлечь внимание от переправы главных сил.

Хотя 30 июля в районе Тиса-Бе и Надькерю румынская армия уже располагала значительными силами на западном берегу Тисы, командование Красной армии еще не осознало всей опасности, считая, что «переправа противника у Надькерю пока не имеет серьезного характера».

Хотя Жулье вовсе не собирался атаковать переправившиеся силы противника, он все-таки был вынужден, хотя бы для видимости, отдать приказ:

«Командование армии намерено отбросить румын контрударом, а именно: 6-й дивизией с рубежа Ясладань, Рекаш, где она уже сосредоточена для контрнаступления, и всеми имеющимися в распоряжении силами 1-го и 2-го корпусов — из района Абонь. Обеим группам провести контрнаступление одновременно...

3-му корпусу следует все силы, без которых он может пока обойтись, собрать на рубеже Кал, Каполна, Кишкере (район Хевеш) и в кратчайшее время перейти в контрнаступление с севера...»

Эти меры привели бы к результату, если бы они были поддержаны неуклонной энергией командования армии и генерального штаба, основанной на решимости и воле к победе. Однако именно этого-то и не хватало, поскольку подавляющее большинство офицеров генерального штаба было озабочено тем, как застраховать себя от неприятностей на случай свержения диктатуры пролетариата и победы контрреволюции.

В войсках Красной армии уже не было прежнего наступательного духа. Во многих частях командиры отказывались от дальнейшей борьбы. Кадровые офицеры кое-где открыто начали проводить контрреволюционную агитацию. 2-я бригада под влиянием офицеров выступала против распоряжений командования корпуса, в результате чего дело дошло даже до столкновения между бойцами этой бригады и 1-й дивизии. Значительная часть офицеров покинула части, бросив их на произвол судьбы.

«На левом фланге 1-й дивизии, южнее Тарцал, сегодня во второй половине дня наши войска, а именно 24-й и 9-й пехотные полки, 13-й егерский батальон, а также четыре батареи 68-го артиллерийского полка, прекратили сопротивление и частично, без командиров, направились от Серенча к Мишкольцу», — докладывал командир 3-го корпуса.

30 июля Бела Кун выехал на австрийскую границу, в Кирайхид, где встретился с Бемом, Пейером и Велтнером. Бем и его сторонники пытались уговорить Куна, чтобы Революционный правительственный совет подал в отставку и передал власть правительству правых социал-демократов. Кун не согласился с ними, поскольку он еще не знал о переходе через Тису крупных румынских сил и считал, что враг не продолжит своего наступления. Военное положение Кун оценивал оптимистически. Располагая достоверной информацией о том, что делается на Парижской мирной конференции, Кун считал, что военная интервенция великих держав в скором времени не состоится.

Однако оптимистическая позиция Куна оказалась непрочной. На другой день, 31 июля, новые румынские силы переправились через Тису. Они создали довольно крупный плацдарм у Кишкереша и другой плацдарм, поменьше, у Токая, и немедленно двинулись вперед.

Для обсуждения военного положения советской республики и определения дальнейших задач 31 июля в штаб 1-го корпуса к Беле Ваго явились Бела Кун, Ене Ландлер, Йожеф Погань, Деже Бокани и Ене Гамбургер. Сюда же приехал и Жулье.

Начальник генерального штаба хотел убедить собравшихся в бесперспективности дальнейшего сопротивления. Жулье уже во второй половине дня пытался отговорить Ене Ландлера от решения продолжать борьбу.

Вопреки позиции начальника генерального штаба Кун, Ландлер и командиры корпусов были за продолжение борьбы; один только Бокани считал сопротивление бесцельным. На основе позиции, занятой совещанием, Главное командование армии издало приказ, предписывавший 1-му корпусу начать 1 августа контрпаступление:

«1. 1 августа в полдень начать контрнаступление против румынских войск, переправившихся через Тису севернее Сольнока и Надькерю, всеми силами корпуса Ваго, которые можно сосредоточить к этому времени в районе Абонь, Яношхид.

2. 3-му корпусу направить пока в Хатван 2-ю бригаду вместе с ее артиллерией. Командование корпуса решило, насколько это еще будет возможно, выгрузить эту бригаду у Ясберень, с тем чтобы оттуда она смогла принять участие в боях корпуса Ваго. Главным силам корпуса постепенно отойти на рубеж Мишкольц, Фюзешабонь.

3. Все хоть в какой-то степени транспортабельные части 8-й дивизии 2-го корпуса, особенно 18-й полк, немедленно перебросить через Будапешт в Цеглед.

4. Всем прочувствовать решающую важность операции, которая должна начаться севернее Сольнока».

Намеченное в этом приказе контрнаступление 1-го корпуса на сольнокском направлении имело успех: части корпуса в уличных боях вынудили два батальона 18-й румынской дивизии убраться из Сольнока. Эти батальоны вошли в город в ночь на 1 августа. В результате наступления 1-го корпуса левое крыло 6-й румынской дивизии тоже было вынуждено отступить.

Однако на остальных участках Восточного фронта наступление противника продолжалось. Части румынской армии переправились через Тису еще в двух пунктах: у Тисавежень и Тисафюреда.

Войска противника после переправы через Тису продолжали быстро наступать. 1 августа они уже глубоко проникли в район Ясшага, одна кавалерийская часть, прорвавшаяся в северо-западном направлении, у Фюзешабонь, перерезала железнодорожную линию, которая вела на Будапешт, Эгер и Мишкольц.

Быстрое продвижение противника стало возможно потому, что сопротивление венгерской Красной армии упало до минимума. Контрреволюционеры еще накануне распространили среди войск ложные слухи о том, что советское правительство подало в отставку и диктатура пролетариата пала.

После переговоров в штабе 1-го корпуса в Цегледе Бела Кун со своими спутниками возвратился в Будапешт, где еще ночью было проведено совещание с участием Куна, Самуэли, Гамбургера, Баяки, Велтнера, Хаубриха и других. Велтнер и Хаубрих высказались за отставку советского правительства, упразднение диктатуры пролетариата и прекращение борьбы. Коммунисты требовали бросить против румынских контрреволюционных войск еще не задействованные до сих пор войска 4-го корпуса. В это время в 4-м корпусе было 32 пехотных батальона,

вооружение которых составляла 21 000 винтовок. Введение в бой такой значительной силы могло бы остановить наступление противника. Во многих местах солдаты гарнизона сами требовали бросить их в бой. Однако совещавшиеся никакого решения по этому вопросу не приняли.

После совещания правые социал-демократы решили всеми средствами добиться отставки советского правительства. Хаубрих решился на вооруженный путч против коммунистов. Жулье в своих мемуарах рассказывает, как Хаубрих намеревался с помощью контрреволюционеров в генеральном штабе свергнуть советское правительство:

«Еще до сообщения об отставке, рано утром 1 августа, в Геделле явились от Хаубриха два кадровых офицера, которые конфиденциально сообщили мне, что 4-й корпус в первой половине дня возьмет власть в свои руки, будет объявлена тревога, по которой войска Будапештского гарнизона выйдут на улицы города, приколют значки с национальной кокардой и объявят о свержении советского строя. Для осуществления этого плана они попросили поддержки армии» [1]. Жулье заверил Хаубриха в его полной поддержке со стороны генерального штаба, но подчеркнул, что, судя по той информации, которой он располагает, путч не потребуется, потому что еще до обеда советское правительство само подаст в отставку.

Информация Жулье оказалась правильной. В первой половине дня 1 августа на совместном заседании партийного руководства и правительственного совета правым социал-демократам удалось добиться реализации их требования — отставки советского правительства. На этом совещании даже коммунистические лидеры не настаивали больше на продолжении борьбы. Сказались прежде всего неблагоприятные сведения, поступавшие с фронта, о быстром продвижении войск противника, а полное отсутствие сопротивления Красной армии убедило их, что для продолжения борьбы ни армия, ни тыл не располагают необходимыми силами.

После полудня 1 августа на заседании Будапештского рабочего совета советское правительство сложило свои полномочия. После отставки Революционного правительственного совета военное руководство прекратило органи-

---

[1] Magyarság, 1927, jul. 13.

зованное сопротивление. Однако часть красноармейцев всё же не хотела примириться с капитуляцией. Во многих местах по всей стране и после 1 августа некоторое время отдельные подразделения Красной армии не складывали оружия. Но их самоотверженность уже не могла повлиять на ход событий. С отставкой советского правительства закончилась героическая эпопея, в которой венгерский рабочий класс, венгерский трудовой народ в течение 133 героических дней, защищая свою свободную родину, мужественно сражался с международной и внутренней контрреволюцией. После четырех с половиной месяцев свободной жизни без эксплуатации для венгерских трудящихся начался мрачный период антинародного господства контрреволюционных эксплуататорских классов.

* *
*

Венгерская Красная армия в борьбе с многократно превосходящими силами противника потерпела поражение. Красное знамя армии венгерского пролетариата, победно развевавшееся в майских и июньских боях, 2 августа 1919 года было спущено. Международной контрреволюции удалось на некоторое время вновь захватить венгерский бастион всемирной социалистической революции.

Но такой исход боев Красной армии зависел не от недостатка самоотверженности, боевой решимости и героизма венгерского рабочего класса. Многократное превосходство в силах враждебных армий, выступивших против Венгерской советской республики, неблагоприятно сложившаяся международная обстановка прежде всего привели к ее поражению.

Наряду с огромным превосходством в силах вражеских армий и неблагоприятной международной обстановкой в поражении Красной армии большую роль сыграли внутренние предатели диктатуры пролетариата, контрреволюционные офицеры, занимавшие руководящие посты в Красной армии, и правые социал-демократические лидеры.

Весьма неблагоприятное влияние на военное положение диктатуры пролетариата оказывал и тот факт, что из-за малой территории страны все вражеские армии находились очень близко от венгерской столицы. Таким

образом, Красная армия не имела возможности после отдельных проигранных боев отступить, чтобы собраться с силами, поскольку даже малейшее отступление могло поставить под угрозу Будапешт.

Хотя ошибки в военно-стратегическом и внешнеполитическом руководстве Венгерской советской республикой, безусловно, имели место и содействовали тому, что противнику удалось одержать верх над венгерской Красной армией, но они только ускорили победу интервенции, не являясь основными причинами этой победы.

Под сенью армии румынских бояр вернулась в Венгрию орава представителей свергнутых диктатурой пролетариата классов: помещики, фабриканты, банкиры и офицеры, которые во времена советской республики усердно продавали независимость страны всем, от кого могли ожидать восстановления своего господства. Вернулись они, одержимые злобной местью, и со всех концов страны послышались стоны униженных, терзаемых в пытках революционеров — истинных патриотов. На Венгрию опустилась мрачная ночь господства контрреволюции, длившаяся четверть века.

Те, кто руководил борьбой за национальную независимость, чтобы сорвать с венгерского пролетариата цепи рабства и эксплуатации, либо геройски погибли, либо были вынуждены эмигрировать. Тюрьмы и лагеря интернированных переполнились рабочими, крестьянами и интеллигентами, которых контрреволюционный режим судил за то, что они с оружием в руках защищали от империалистических захватчиков свободу народа и независимость своей родины. Штромфельда, прославленного полководца Красной армии, приговорили к каторге, в то время как полковника Картохвила вскоре произвели в генерал-лейтенанты, а предатель Хенрик Верт возвышается вплоть до поста начальника генерального штаба. Другие изменники тоже получили высокие должности.

В хортистской Венгрии считалось смертным грехом каждое сказанное или написанное слово правды о Венгерской советской республике. В то же время появилась уйма книг и статей, которые на различных уровнях, но с одной и той же целью старались потопить в море лжи и клеветы память о диктатуре пролетариата. К официальному контрреволюционному хору с большим усердием присоединилась и правая социал-демократическая пресса, и ее литература, в которой само возникновение советской республики представлялось как роковая ошибка венгерского рабочего

движения. В фальсификации истории диктатуры пролетариата, в замалчивании ее успехов и достижений, как и в преувеличении ошибок и трудностей, они не отставали от изданий, представлявших позицию махровой контрреволюции. Но память о героической борьбе Венгерской советской республики и Красной армии осталась в сердцах лучших сынов венгерского рабочего класса, венгерского народа, и ее не могли залить никакие потоки лжи и клеветы. Венгерские революционеры берегли и берегут эту память, как и знамена, под которыми в свое время красноармейцы шли на штурм империалистических агрессоров.

Сознательные венгерские трудящиеся знали, что героическая борьба Венгерской советской республики и ее Красной армии не была напрасной, несмотря на поражение, как не была напрасной и борьба куруцев Ракоци и гонведов 1848 года, хотя они в свое время и потерпели поражение от превосходящих сил врага.

В боях 1919 года венгерский рабочий класс доказал, что он является не только признанным вождем передовых сил венгерского общества, но и самым последовательным защитником национальной независимости венгерского народа, отечества. Просуществовавшая в течение четырех с половиной месяцев Венгерская советская республика свидетельствовала, что в Венгрии созрели предпосылки для создания самого прогрессивного общественного строя — социализма. Огромное большинство венгерского народа с радостью встретило создание этого строя, провозглашение диктатуры пролетариата. Приверженность и любовь венгерского народа, и прежде всего рабочего класса, к советской республике особенно красноречиво доказывается тем вдохновением, с которым венгерские трудящиеся взялись за оружие, чтобы защитить диктатуру пролетариата.

Смелость и решимость, с которыми рабочий класс встал на защиту своей социалистической отчизны от контрреволюционных армий, рвущихся задушить Венгерскую советскую республику с севера, востока и юга, вызвали восхищение всего мира.

Энтузиазм, героизм солдат венгерской Красной армии, приводившие к блестящим победам даже в условиях, казавшихся безнадежными, питались из тех же источников, что и неустрашимость парижских коммунаров или несокрушимая воля к победе русских рабочих и бедней-

ших крестьян в тяжких испытаниях гражданской войны.

Венгерские трудящиеся, которые впервые в истории смогли почувствовать себя хозяевами своей страны, взяною собственной жизни защитить завоеванную свободу, лись за оружие для того чтобы, если потребуется, цесвое социалистическое будущее. Новое чувство, родившееся вместе с победой диктатуры пролетариата, — социалистический патриотизм вдохновил массы трудящихся, вопреки тяготам четырехлетней империалистической войны, очень тяжелому экономическому положению страны, превосходству в силах вражеских армий, взять на себя задачу, выполнение которой представлялось невероятным.

Социалистический патриотизм органически сливался с гордым сознанием того, что взявшийся за оружие рабочий класс является не только защитником родины венгерского пролетариата, но одновременно и борцом за прогресс всего человечества, за начатую Великим Октябрем всемирную социалистическую революцию.

Борьба венгерской Красной армии, помимо того что она велась в защиту социального прогресса и национальной независимости венгерского народа, оказала большую услугу и делу всемирной революции. Великая заслуга венгерской Красной армии состоит в том, что, хотя и на короткое время, она отвлекла на себя часть балканской армии империалистов, войска французской, румынской, югославской, а также чешской буржуазии, и этим до некоторой степени облегчила борьбу героического русского народа с интервенционистскими армиями и белогвардейскими бандами. Успехи венгерской Красной армии в Северном походе сделали возможным провозглашение Словацкой советской республики, положили начало революционной дружбе по оружию венгерского и словацкого народов.

Память о замечательных боях Красной армии в тяжелые годы контрреволюции служила мощным источником сил в борьбе лучших сынов венгерского народа с фашизмом.

Для освободившегося венгерского народа особенно дороги традиции героической борьбы Венгерской советской республики, ее Красной армии. Мы гордимся тем, что венгерский народ в 1919 году шел в авангарде человечества и наши отцы после трудящихся России первыми в мире совершали боевые подвиги во имя самого револю-

ционного, самого справедливого и самого человечного общественного строя — социализма. Мы гордимся безымянными красноармейцами, как и выдающимися руководителями — Белой Куном, Ене Ландлером, Тибором Самуэли, Аурелем Штромфельдом и другими революционерами, сражавшимися, не щадя сил и самой жизни, за диктатуру пролетариата, за свободу венгерского народа. Венгерский народ решительно идет вперед по пути, первые шаги по которому он сделал еще в 1919 году.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Великий Октябрь и революционная Венгрия. Вместо предисловия	3
Революционная отечественная война	20
Создание венгерской Красной армии	23
Противоречия в комиссариате по военным делам	31
Подготовка демаркационной линии к обороне	41
Положение в Красной армии накануне нападения противника	45
Подготовка интервенции против советской республики	50
Начало нападения	62
Попытка укрепления фронта	75
Диктатура пролетариата в опасности	85
Рабочий класс берется за оружие	96
Рождение новой Красной армии	106
Первые успехи	113
Обход	125
Советская помощь	133
Новая активизация Северного фронта	140
Рождение одного из смелых военных планов	157
Наступление!	166
Перемещение центра военных действий	184
Трудности в тылу	199
Последние усилия на Северном фронте	207
Контрреволюция	223
Отступление и его последствия	238
Измена в генеральном штабе	248
Новые приготовления к интервенции против советской республики	257
Подготовка наступления в Затисье	264
Снова загрохотали пушки	273

В оформлении книги были использованы плакаты венгерских художников Данко и Берени периода венгерской революции 1919 года.

Липтак Э.

Л61 Красноармейцы, вперед!: Монография/Сокр. пер. с венг. и вступительная статья В. Фомина. — М.: Воениздат, 1986.— 302 с.

В пер.: 1 р. 30 к.

В книге видного венгерского военного историка, генерального директора Военно-исторического института и музея венгерской Народной армии рассказывается об истории создания в 1919 г. венгерской Красной армии и ее героической борьбе против интервентов, напавших на молодую Венгерскую советскую республику.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Л $\frac{4703000000\text{-}181}{068(02)\text{-}86}$ 90-86

ББК 68.49

Эрвин Липтаи

КРАСНОАРМЕЙЦЫ, ВПЕРЕД!

Редактор *Г. Г. Афанасьев*
Художник *Л. Н. Баранова*
Художественный редактор *Е. В. Поляков*
Технический редактор *Л. С. Афанасьева*
Корректор *Е. А. Петухова*

ИБ № 2676.

Сдано в набор 10.12.85. Подписано в печать 15.04.86. Г-90299.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обыкн. нов. Печать высокая.
Печ. л. 9¼. Усл. печ. л. 15,960. Усл. кр.-отт. 16,38. Уч.-изд. л. 17,88.
Изд. № 10/765. Тираж 8 000 экз. Зак. 1003. Цена 1 р. 30 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160.
1-я типография Воениздата.
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3.